

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 3 (30), 2022

Тверь 2022

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2022. № 3 (30). 96 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Социально-гуманитарное знание*
- *Проблемы экономики и управления*

Информацию о журнале можно найти в сети Интернет по адресу:

http://www.tstu.tver.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2831:2019-01-21-07-26-34&catid=41:seriyatechnauki&Itemid=292

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования (адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер: ЭЛ № ФС77-74959 (онлайн) от 25 января 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

Евстифеева Е.А., Комаров Г.В. Проблема личностного конституирования в новом цифровом порядке.....	4
Потамская В.П. Проблема исторической репрезентации в философии А. Данто....	8
Потамская В.П. Проблема утопии в работах И. Берлина.....	14
Смирнова К.В. Трансформация коммуникационной сферы в фокусе генезиса социальных отношений.....	20
Туманова О.И. Доверие к законам и правовая защищенность граждан как факторы легитимности власти.....	26
Удалова Л.В. Ценность здоровья как необходимый социокультурный фактор.....	30

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Балакшина Е.В. Исследование особенностей мотивационной сферы личности педагога-психолога.....	35
Вайсбург А.В. Факторы, влияющие на формирование благоприятных условий труда для повышения эффективности работы персонала уголовно-исполнительных учреждений.....	39
Вайсбург А.В. Генезис ресегментации рынка социологических услуг: тенденции до и в период пандемии.....	45
Власенко Н.Ю. Исследование психофизиологических предикторов стрессоустойчивости (на примере студентов тверских вузов).....	52
Гефеле О.Ф. Феноменологические характеристики одиночества как субъективного переживания.....	57
Захарова О.В. Особенности формирования и развития копинг-стратегий в профессиональной деятельности сотрудников МЧС.....	62
Крижовецкая О.М. Массовый читатель – текст – внетекстовая реальность: к проблеме соотношения.....	67
Филиппченкова С.И. Психологические критерии успешной адаптации студентов к учебной деятельности.....	73

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Яконовская Т.Б. Ретроспективный анализ жизненного цикла развития торфяной отрасли.....	78
Блохина М.В., Сизова В.В. Эволюция управления человеческими ресурсами: зарубежный опыт.....	86
Правила представления статей для публикации в журнале.....	91

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 17.177

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОГО КОНСТИТУИРОВАНИЯ В НОВОМ ЦИФРОВОМ ПОРЯДКЕ

Е.А. Евстифеева, Г.В. Комаров

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Евстифеева Е.А., Комаров Г.В., 2022

Аннотация. В статье анализируется актуальный феномен современности «новый цифровой порядок». Раскрывается значение и смысл понятия цифровой реальности. Дается объяснение изменению способов личностного конституирования.

Ключевые слова: новый цифровой порядок, цифровая реальность, тотальный контроль, личностное конституирование.

Новый цифровой порядок предлагает свой путь решения проблемы личностного конституирования. Под новым цифровым порядком понимается ориентированный на редукцию к цифре способ антропологического, социального и личностного бытия, который ставит человека в тотальную зависимость и под контроль, а в социальном порядке происходит его «пересборка» [6]. В первую очередь цифровизация ускоряет наступление желаемого многими нового мирового порядка. Это так называемая большая перезагрузка, концепция которой была озвучена К. Швабом. Данная перезагрузка призвана построить новый социальный договор для формирования устойчивой мировой системы на период после коронавируса [10]. Под знаком справедливости (справедливых рынков, справедливых условий) с целью достижения равноправия, в том числе в использовании природных ресурсов, предлагается изменить человеческую жизнь к лучшему путем перехода к цифре во всех аспектах. Действительно, во время пандемии зависимость от цифровых услуг увеличилась экспоненциально – это удаленный режим работы, электронное обучение, электронная медицина, электронная коммерция. Однако за такой цифровой трансформацией видны «уши» глобалистских проектов, имеющих подрывную, разрушительную направленность. Об этом говорил в свое время президент США А. Линкольн: «В недалеком будущем наступит перелом, который крайне беспокоит меня и заставляет трепетать за судьбу моей страны... Приход к власти корпораций неизбежно повлечет за собой эру продажности и разложения в высших органах страны, и капитал будет стремиться утвердить свое владычество, играя на самых темных инстинктах масс, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих избранных, – а тогда конец республике» [2, с. 7].

Речь идет о том, что четвертая техническая революция, будучи инструментарием глобалистов, направлена на цифровизацию государств (что обеспечивает тотальный контроль над гражданами) и инициирует всемирный «электронный концлагерь», значительное сокращение населения планеты, готовит апокалиптическое будущее для человечества. Под тем благовидным предлогом, что показатели

ресурсопотребления достигли максимального значения, запасы полезных ископаемых почти исчерпаны, а следовательно, населению Земли придется сокращаться. Так понимаемая справедливость фактически означает массовое уничтожение человечества. Здесь актуален Конфуций, заявлявший, что миром правят знаки и символы, а не слово и закон. Действительно, современные цифровые технологии используют такие знаки, которые неотличимы от обозначаемых событий. Находим этому следующее объяснение: «В семантике знак определяется как материальный, но тем не менее несамостоятельный предмет в том смысле, что значим не сам по себе, а как заместитель другого. Что касается образных знаков, то они в дополнение к понятийному значению воспроизводят событие в виде картинки. Кажется, что новые медиа продвинулись слегка дальше, добавили к неподвижному образу движение и звук... Главными стали сами знаки, а не их понятийные значения. Знаки отсылают не к реальности, а к другим знакам. Они заменяют объекты симулякрами. Вещи и продукты, конечно, существуют, но их потребление становится знаковым и демонстративным» [7, с. 152].

Цифровизация, понимаемая как результат внедрения цифровых телекоммуникационных технологий в повседневные практики человека и повлекшая избыточность доступной информации, инициировала появление цифровой реальности. Цифровая реальность производна от преобразующего воздействия ИТ-технологий на восприятие реальности окружающего мира. Она выражается в трансформации характеристик пространства и времени, в изменении символической картины жизненного мира человека. Цифровая реальность проявляет себя на двух уровнях. Разъяснение этому находим у В.И. Пржиленского: «...цифровая реальность на уровне системы рассматривается как особая реальность, со своими объектами, принципами и законами взаимодействия, своими собственными пространством и временем. Но на уровне жизненного мира цифровая реальность – это новое качество реальности, обретаемое вследствие того, что взаимодействие с реальностью опосредуется электронно-цифровыми устройствами. Новые возможности владения информацией и скорости ее обработки изменяют характер человеческого мышления и влияют на его направленность. Все это трансформирует системы стратегического и коммуникативного действия, наполнит новым содержанием институты, цели и ценности цифровизирующегося общества» [9, с.77]. Каким содержанием – остается открытым вопросом. А пока цифровая реальность состоит из двойников, симулякров, знаков, броско оформленных извне, но пустых изнутри. Из таких знаков монтируется виртуальная среда.

Цифровизация с ее порождением – цифровой реальностью – требует философской гуманитарной экспертизы. Почему? Цифровизация вызывает массовую болезнь – цифровой аутизм, когда живое общение заменяется виртуальной коммуникацией. Цифровой аутизм – разновидность социального аутизма. В широком смысле это бегство от реальности, уход в себя [1]. В философии аутизм означает «сам», «по своей воле», «свойственный себе», «пребывание вне внешних обстоятельств». Неудержимое стремление к самому себе, несформированность модальности «Я», самость выражается в игнорировании коммуникаций с другими людьми и в отношении к ним как к вещам. Невозможность перейти от воображаемого к символическому позволяет аутисту смотреть сквозь других людей, избегать зрительного контакта, не испытывать потребности в общении. Нарушение речи, отсутствие эмоциональной близости с окружающими, приступы агрессии, страх перемен как последствий взаимодействия с негативной социальной средой – основные симптомы аутизма. Аутистическое мышление внутренне противоречиво, оно совмещает несовместимое.

Развитие социального и цифрового аутизма осуществляется с помощью сетевого общества, социальных сетей, цифрового пространства, в котором провоцируется профанное, поверхностное общение с малознакомыми и легкозаменяемыми людьми и где анонимное общение заменяет живое взаимодействие с реальными индивидами, с Другим. Причиной этого можно считать то обстоятельство, что аутистическое сознание человека отказывается от доминирующей роли другого, включая семью, отца. Объяснение находим у Ф.И. Гиренка: «В горизонте аутистического сознания другой понимается не в качестве того, кто тебя завершает. Другой – это не тот, кто дает тебе смысл. Нет никакого резона искать себя на дне у другого. Меньше всего оснований усматривать другого в том, кто смотрит на тебя, равно и в том, кто тебя видит. Другой – это тот, кого ты объективировал в себе в качестве другого. А это значит, что в качестве другого ты рассматриваешь того, кто тебя ограничивает. Другой – это внутреннее самоограничение, вынесенное вовне, объективированное» [3, с. 125].

Клипное мышление – еще один продукт цифровизации. Клипное мышление поколения Z, заточенное на восприятие как визуальный ряд, вытеснило когнитивную способность к понятийному мышлению, к анализу и синтезу, что не позволяет человеку теоретически, обобщенно осмысливать внешнюю или реальную реальность [4]. Известно, что сетевая модель своей главной составляющей или главным медиумом информации избирает сети мозга и культурные паттерны, которые подсоединяются друг к другу и образуют фреймы или устойчивые нервно-психические комплексы. [8, с. 14]. Сформированные структуры позволяют манипулировать желаниями, настроением, поведением людей.

Цифровизация инициирует тотальный контроль за поведением человека. Кроме коммерческих компаний, в наши дни субъектами контроля, наряду с государством, являются цифровые социальные платформы или экосистемы. Цифровая экосистема – это клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая несколько групп продуктов, услуг, информация для удовлетворения потребностей клиентов. Экосистема создана якобы для мягкого управления людьми через воздействие только на те чувства, эмоции, которые комфортны для человека. Когда все комфортно, есть довольство жизнью, то не нужно развиваться, рефлексировать, напрягаться интеллектуально. В сознание, мир чувств человека посылается та информация, которая не принуждает, не пугает, не отталкивает. Он принимает решение, не прилагая интеллектуальных усилий. Такое управление через подачу заданного информационного материала осуществляется непосредственно, без финансовых и прочих затрат, без денег. Поэтому мировой спекулятивно-финансовый капитал стал вытесняться капиталом социальных сетей. При этом меняется основной вид деятельности человека, формируется иное сознание, которое начинает выполнять несвойственные ему прежде функции. Человек стал оставлять цифровой след на социальной платформе. Эти цифровые следы используются искусственным интеллектом для участия в конкурентной борьбе. Человек стал производителем цифровых следов для искусственного интеллекта.

При этом искусственный интеллект лишь транслирует алгоритмизацию мышления человека, притупляя его чувствительность, редуцируя многообразие желаний к примитивным, ограниченным потребностям. С помощью искусственного интеллекта поведение человека моделируется алгоритмом, вычеркивается его экзистенциальность, переживания, боль, страдания [2]. Однако искусственного интеллекта нет самого по себе. Человек забывает об этом. Как справедливо утверждает Ф.И. Гиренок, искусственный интеллект – это наше нежелание быть человеком и ориентироваться на свое сознание. Сознание – это символическое, знаковое, это интеллект. Расширение символического означает сужение знакового. Искусственный интеллект агрессивен за счет сужения функций сознания. Сегодня у человека уже плохая память, неадекватные реакции,

рассеянное внимание и нередко потеря вменяемости (ответственности). Человек пытается соревноваться с искусственным интеллектом и обогнать его, забывая при этом, что машина не думает. Думать – удел человека.

Желание комфортной жизни заменяет разумность человека, которая соизмеряется с разнообразием, индивидуальностью, органичностью. В итоге цифровые экосистемы понижают полезность разумности, говоря экономическим языком. Вслед за заменой субъекта контроля над человеком со стороны цифровой социальной платформы радикально меняется общественная структура. Субъекты или хозяева социальных цифровых платформ тотально управляют поведением человека. Обслуживающие их специалисты разрабатывают новые технологии влияния. Сами же люди, стоящие внизу такой пирамиды власти, уже не могут ничего поменять и ни на что не влияют.

Особая тема философской рефлексии – созданная цифровизацией масштабная проблема кибервойн, последствия которых трудно прогнозировать.

Выделение коннотаций цифровизации (нового цифрового порядка) в контекст трансформации антропологического и социального бытия и понимание ее направленности на осуществление тотального контроля над жизнью людей позволяет указать на ряд последствий для проблемы личностного конституирования человека. Под личностным конституированием нами понимается актуализированная способность человека самоопределить (self-determination) себя как личность. Личностное самоопределение – результирующая таких личностных и субъектных качеств, как автономия (свобода воли, самодетерминация), ответственность, поступок, инициированный выбором ценностно-смысловых приоритетов. Формирование персональной идентичности в контексте социальных идентификаций – условие сохранения и безопасности личностного статуса.

Появление цифровой реальности, цифрового порядка, который «схлопывает» объективное и субъективное, изменило всю повседневную жизнь человека, конструирование единой цифроинфотехносферы, условия и способы личностного самоопределения. Реальная личность как продукт уникального и длительного сочетания внутреннего опыта и действий, ориентированных на внешний, социальный, общественный мир и обуславливающих последовательность реакций в различных ситуациях, трансформировалась в виртуального, сетевого носителя безличности, анонимности, безответственности. С помощью цифрового принуждения произошла подмена личностной (персональной) идентичности сетевой идентичностью.

Библиографический список

1. Блейлер Э. Аутистическое мышление. Вопросы теории и практики психо-анализа / под ред. Я.М. Когана; пер. с нем. и предисл. Я.М. Когана. Одесса: [б. и.], 1927. 236 с.
2. Воин А.М. Начало новой микроэкономической революции. М.: DirectMEDIA, 2014. 164 с.
3. Войскуновский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т.10 (2). С.98–121.
4. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М.: Проспект, 2021. 256 с.
5. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. 256 с.
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
7. Марков Б.В. Телесная память и цифровая коммуникация // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 149–160.

8. Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. М.: Институт философии РАН, 2015. 196 с.
9. Пржиленский В.И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С.68–80.
10. Schwab K., Malleret T. Covid-19: The Great Reset. Jeneva, 2020.

Об авторах:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор по развитию персонала, заведующая кафедрой психологии и философии, Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия; e-mail: pif1997@mail.ru

КОМАРОВ Георгий Владимирович – аспирант кафедры психологии и философии, Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия; e-mail: pif1997@mail.ru

УДК 1(091)

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ФИЛОСОФИИ А. ДАНТО

В.П. Потамская

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Потамская В.П., 2022

***Аннотация.** Анализируется ключевой концепт философии истории А. Данто – нарратив и нарративные предложения, двумя основными функциями которых являются описание и объяснение. Обращаясь к проблеме репрезентации, в том числе и исторической, Данто рассматривает язык как находящийся во внешних отношениях с реальностью в ее целостности: с одной стороны, существует мир, а с другой – язык, используемый для говорения о нем. Отмечается, что способы репрезентации мира входят в объяснение действий, так как люди будут действовать по-разному в условиях, которые отличаются постольку, поскольку различаются их репрезентации. Сделан вывод, что язык репрезентации характеризуется интенциональным контекстом, который обладает следующей особенностью: слова, используемые в данных высказываниях, не соотносятся с тем, с чем они обычно связываются в неинтенциональном дискурсе.*

***Ключевые слова:** история, репрезентация, философия истории, нарратив.*

Артур Данто (1924–2013) – философ, арт-критик, искусствовед. Он познакомился с аналитической философией во время учебы в Колумбийском университете и стал рассматривать ее как правильный стиль философствования, характеризующийся четким представлением о структуре мысли, соединении элементов которой можно уподобить анатомическому строению организма. Несмотря на то, что Данто ориентировался прежде всего на аналитическую традицию, можно говорить об определенном влиянии континентальной философии на развитие его философских взглядов. Во-первых, философ стремился представить обширную систему

репрезентаций мира, состоящую из пяти частей: «Аналитическая философия истории», «Аналитическая философия действия», «Аналитическая философия знания», «Аналитическая философия искусства» и «Аналитическая философия сознания». «Это было бы очень по-европейски. Моя собственная модель пятитомной жизни причины Сантаяны» [11]. Подобное стремление к тотальному философскому охвату шло вразрез с основными принципами аналитической философии. Однако при исследовании явлений Данто использует аналитическую методологию, заключающуюся в изучении концептов и структур, понимаемых как часть системы [1, с. 144]. Во-вторых, он исследовал воззрения Ф. Ницше и Ж.П. Сартра, которые, по утверждению самого Данто, оказали интеллектуальное влияние на формирование его как философа.

В работах «Преобразование обыденного» и «После окончания искусства» Данто, по его собственной оценке, в некотором смысле адаптировал философию искусства к философии истории, рассуждая о «конце искусства». При этом имелось в виду окончание определенного нарратива, который завершился, когда искусство переросло в философию, как это и предвидел Г.В.Ф. Гегель [2, с. 249]. Кроме того, в поздних работах он более снисходительно относился к субстантивной философии, чем в 1965 г., т.е. не поддерживал свои ранние заявления о том, что такая философия является принципиально неправомерной. До обращения к философии искусства Данто различал два вида философии истории: субстантивную и аналитическую. Первая связана с обычным историческим исследованием, поскольку философ-субстантивист, как и историк, занимается описанием произошедшего в прошлом. Помимо описания прошлого, субстантивная философия представляет собой попытку обнаружить некую теорию исторического развития во всей ее целостности и претендует на то, чтобы дать описание прошлого, настоящего и будущего. Представители субстантивной философии истории стремились рассказать историю еще до того, как она произошла, и именно это является фундаментальной ошибкой данного типа философского мышления. Аналитическая философия истории своим квазикантианским поворотом исключает то, что Данто называет субстантивной философией [5, с. 166–167]. Аналитическая философия применяется для решения специальных концептуальных проблем, возникающих как в практике изучения истории, так и в субстантивной философии [16, р. 198–199].

Данто предлагал аналитический подход к философии истории, в рамках которого исследовался логический статус исторических высказываний. Он отмечал, что история может быть написана только с ретроспективной позиции в свете последующих событий, т.е. выбор начала нарратива определяется прошлым. Ключевым концептом его философии истории являлся нарратив и нарративные предложения, наделенные двумя основными функциями: описанием и объяснением. Нарративные высказывания выступают центральными для способа описания мира: тем самым они являются историческими и предполагают исторический образ мышления. Нарратив как продукт сознания историка сам по себе не поддается верификации, поэтому двумя основными критериями его оценки служат внутренняя согласованность и связность доказательств. Однако утверждения на уровне факта могут быть верифицированы на основе доступных свидетельств о прошлом. Историческое понимание заключается в постижении произошедшего с использованием временной перспективы, оно доступно только посредством рассмотрения прошлого с позиций будущего, которое недоступно, когда прошлое было настоящим.

Рассматривая нарратив как форму объяснения, Данто стремился продемонстрировать, что написание истории коррелирует с любой другой

аналитической попыткой объяснения, и не исключал возможность истинности высказываний о прошлом на уровне репрезентации. Сохраняя идею объяснения в истории через использование общих законов, философ хотел преобразовать ее для возможного применения в истолковании событий прошлого. Функция объяснения была экстраполирована с общих законов на нарратив. Цель историка, в свою очередь, состоит не в создании совершенного полного описания, а в том, чтобы предложить понимание произошедшего, не упустив важных деталей. При этом не всегда возможно определить, какой общий закон используется в повествовании. Это достигается посредством либо простого переописания события, либо включения события в другой, более объемный рассказ и его переописания в границах этого повествования [4, с. 246–247].

По словам Данто, именно искусство спровоцировало его движение от аналитической философии истории, поскольку изначально он хотел стать художником. «Увлечение философией вспыхнуло намного, намного позже, здесь, в Нью-Йорке, куда я переехал, будучи студентом университета» [3, с. 109]. В «Преобразовании обыденного» Данто поднимал проблему репрезентации, в том числе и исторической, рассматривая язык как находящийся во внешних отношениях с реальностью в ее целостности. Другими словами, с одной стороны, существует мир, а с другой – язык, используемый для говорения о нем. Философ являлся сторонником субституциональной теории репрезентации. Подобная репрезентация отсылает к онтологическим и эпистемологическим сферам отображаемого. Репрезентации состоят в семантических связях с тем, что они репрезентируют, вместо того, чтобы быть идентичными с ним [6, р. 293].

Мир представляет собой стратифицированную систему репрезентаций, и проблема истории состоит в том, что определенные репрезентации не могут быть созданы в определенное время (и, хотя они могут быть образованы в другое время, они, возможно, не всегда могут быть реализованы в нем) [12, р. 76]. Человек также представляет собой систему репрезентаций, пути рассмотрения мира, воплощаемые репрезентациями. «Стиль человека, используя прекрасную мысль Шопенгауэра, – это физиогномика» [14, р. 205]. Воззрения Данто, таким образом, можно рассматривать как продолжение тезиса Ч. Пирса о том, что человек является следствием его языка, потому что человек – это символ. Культурные установки прозрачны для тех, кто их придерживается; человек рассматривает мир посредством них, но не обращается к ним самим. При этом данные установки непрозрачны для других, которые не репрезентируют мир посредством них, но видят сами убеждения.

Способы репрезентации мира входят в объяснение действий, так как люди будут вести себя по-разному в условиях, которые отличаются постольку, поскольку различаются их репрезентации. Подобные репрезентации изменяются от одного исторического периода к другому, от одной культуры к другой и даже от человека к человеку, тем самым усложняется поиск законов человеческого поведения и причин того, почему эти законы не могут быть легко генерализованы вне эпохи [10, р. 189]. К примеру, на убеждения историка неизбежно влияют его язык и концепция прошлого. Историк рассуждает о событии, основываясь на собственных эстетических и этических установках и тем самым подвергая события определенной ценностной оценке. Репрезентации создаются с точки зрения исследователя, устанавливающего связь между историческими фактами и настоящим. Следует отметить, что и дескрипции исторически обусловлены. Человек, по сути, «совершенно и безоговорочно» может

рассматриваться как историческое существо. Различные представления и законы также являются исторически определенными.

Язык репрезентации отличает интенциональный контекст, который характеризуется тем, что слова, которые используются в данных высказываниях, не соотносятся с тем, с чем они обычно связываются в неинтенциональном дискурсе. Они соотносятся, скорее, с формой, в которой явления репрезентируются, и включают в условия их истинности некоторые отсылки к репрезентации. Таким образом, «когда мы говорим: М верит, что Фреге является великим философом, это не аналогично тому, что М полагает, что автор книги «Begriffsschrift» является великим философом, хотя автор этого произведения – Фреге. Это не так, потому что человек может не знать, что Фреге написал эту книгу, хотя он может знать эту вещь и быть убежденным, что ее автор является великим философом» [14, р. 181–182]. Истинность высказываний в интенциональном контексте определяется не только тем, что они говорят о мире, но и тем, как они сформулированы. Наиболее впечатляющее следствие утверждения Данто об интенциональности исторической репрезентации, по мнению Ф. Анкерсмита, состоит в том, что она предполагает истинность. Из утверждения о том, что истина исторической репрезентации интенциональна, следует, что в истории истина всегда является постфактум, поскольку она неразрывно соединена с исторической репрезентацией и историческая репрезентация связана с исторической перспективой.

Размышляя над восприятием истории Ницше и идеей о том, что воспоминание и забывание переплетены с существованием, а история – способ бытия, измерение онтологии, Данто добавляет следующее: существовать исторически – значит быть осведомленным о том, каким образом прошлое является иным, нежели настоящее. Хотя Анкерсмит подчеркивает трагический характер исторической истины, возникающей, когда «мы можем говорить только о том, в чем мы больше не существуем», Данто разделяет подобного трагизма относительно истории, восхищаясь современным миром и не испытывая ностальгии [17, р. 196].

С понятием репрезентации коррелирует проблема метафорического выражения. По мнению Данто, концепт выразительности может быть сведен к концепту метафоры, в которой способ изображения рассматривается относительно отображаемого предмета [14, р. 197]. Поскольку существует определенный контраст между миром и реальностью, метафора используется в качестве средства высказывания о каком-либо явлении [7, р. 74]. Историк, как и при использовании метафоры, сознательно выбирает текст, предлагаемый как средство репрезентации прошлого, и это подразумевает исключение всех альтернативных вариантов.

По мнению Анкерсмита, Данто отрицает традиционные эмпирические и эпистемологические воззрения относительно соотношения мира и исторической репрезентации. Отрицание эмпиризма заключается в следующем: философ замечает, что репрезентируемое не существует без его репрезентации, а репрезентация прошлого, в свою очередь, не может быть верифицируема. Кроме того, репрезентация даже может предшествовать репрезентируемому (к примеру, возможность обсуждения Ренессанса возникает только после его репрезентаций, поскольку Ренессанса самого по себе не существует вне репрезентаций). Аналогичным образом дело обстоит с отрицанием эпистемологии. Во-первых, отрицается эпистемологическая идея концептуальных схем как условия существования исторической репрезентации. Во-вторых, философ выступает против эпистемологических замечаний относительно достоверности исторического знания: если нас интересует, следует ли верить исторической

репрезентации, мы должны обращаться к аргументам, использованным историками [6, р. 296]. Отвечая на данные комментарии, Данто отмечал, что Анкерсмит, считая идею репрезентаций ключевой в эссе, использовал идеи, которые являются более поздними [17, р. 192–193]. Подобное толкование может быть связано с тем, что Анкерсмит обращается к более поздним работам философа, посвященным прежде всего искусству.

История искусства, по мнению Данто, закончилась, что связано с окончанием единственного возможного повествования о ней. Плюрализм обозначает окончание великих нарративов, возможности любого определенного внутреннего направления и прогрессивного развития, которое принимает искусство. Искусство, безусловно, продолжает свое существование, но отсутствует нарративное направление и метанарратив для будущей истории искусства [15]. По большей части исторические нарративы не принадлежат событиям, которые они описывают, даже если их авторы имели к ним непосредственное отношение. Г.В.Ф. Гегель полагал, что он писал философию о той же истории, в которой он находился, тем самым философское сознание всего нарративе было связано с ее окончанием. История, как он ее видел, заканчивается в признании, что все являются свободными. Подобное видение нарратива предлагал и Маркс: конец истории, когда классовые конфликты решены, а выжившие могут спокойно заниматься охотой, рыбалкой или литературным критицизмом в том мире, который заканчивается. Сходным образом утверждение о том, что история искусства завершается, реализуется в декларировании артистической свободы и невозможности существования дальнейшего обширного нарратива [13]. Следовательно, в «После окончания искусства» Данто использовал историцизм Гегеля, совместимый с его собственными взглядами на историографию и общими аналитическими установками при наличии специального условия: история искусства уже закончена. Вместе с тем подход Данто является гегельянским лишь отчасти. Для Гегеля оканчивается как история сама по себе, так и история искусства. Для Данто история искусства завершается, но история как таковая не прекращается [9, р. 17].

Подобная философская концепция стимулировала дальнейшее развитие дискуссий об истории и нарративе. Так, Д. Карриер полагал, что воззрения Данто относительно действий и знаний являются, в сущности, картезианскими, однако наличие эстетики в историческом измерении говорит о некотором специфическом историцизме его концепции [8, р. 8–9].

Итак, Данто предлагает аналитический подход к философии истории, в рамках которого исследуются логический статус исторических высказываний, темпоральные индикаторы в языке, нарративные предложения и составленные из них нарративы, Философия Данто в целом претерпела определенные изменения в границах философии искусства. Продолжая использовать методологические установки и терминологический аппарат аналитической традиции, философ обращается к телеологическому видению истории, характерного для Гегеля, применяя его в пределах истории искусства. Хотя нарратив отчасти подразумевает эстетические импликации, так как в нем события образуют некоторые целостности, повествование, как оно представлено у Данто, связывается с процессом познания, методами получения знания и организацией приобретенного в соответствии с конкретными моделями и установками. Возможность истинных высказываний о прошлом и понимание значения события, предусматриваемые в нарративе, также связаны с когнитивной сферой. Репрезентация также определенным образом сопряжена с когнитивными способностями индивида, поскольку связана с выявлением идентичности в терминах того, что осталось

позади, прошлым, чем-либо вытесненным. То, как человек отображает мир, никогда не может быть частью репрезентаций самих по себе; человек видит мир посредством репрезентаций, но не сами репрезентации.

Библиографический список

1. Ануфриева К.В. А. Данто: наррация и исторические миры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 144–156.
2. Артур Данто // Философия истории после постмодернизма / под ред. Э. Доманска. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 236–266.
3. Данто А. Космополитический алфавит искусства // Американский философ Джованна Боррадори беседует с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, Макинтайром, Куном. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 106–125.
4. Потамская В.П. Философия А. Данто: проблема исторического нарратива // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 4 (58). С. 238–248.
5. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М. – СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
6. Ankersmit F.R. Danto, History and the Tragedy of Human Existence // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N.Y.: Columbia University Press, 2007. P. 175–197.
7. Ankersmit F.R. Meaning, Truth and Reference in Historical Representation. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2012. 264 p.
8. Carrier D. Danto and his Critics: After the End of Art and Art History [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kirkbrideplan.files.wordpress.com/2012/07/danto-and-his-critics-after-the-end-of-art.pdf> (дата обращения: 03.04.2022).
9. Carrier D. Danto as Systematic Philosopher or comme on lit Danto en francais // Danto and his Critics / edited by M. Rollins. Oxford: Blackswell, 1993. P. 13–27.
10. Danto A.C. Analytic Philosophy of Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 226 p.
11. Danto A.C. Art and Analysis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.radicalphilosophy.com/interview/arthur-c-danto-art-and-analysis> (дата обращения: 06.04.2022).
12. Danto A.C. The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History // The New Philosophy of History / edited by F.R. Ankersmit, H. Kellner. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 70–85.
13. Danto A.C. The End of Art: a Philosophical Defense [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://home.earthlink.net/~stephensnyder/sitebuildercontent/sitebuilderfiles/dantodantofconference.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).
14. Danto A.C. The Transfiguration of the Commonplace. Cambridge: Harvard University press, 1981. 212 p.
15. Danto A.C. The Transfiguration Transfigured. Concluding Remarks [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://home.earthlink.net/~stephensnyder/sitebuildercontent/sitebuilderfiles/dantodanto-conference.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).

16. Kitcher P., Immerwahr D. History and the Sciences // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N.Y.: ColumbiaUniversityPress, 2007. P. 198–238.
17. Response Danto on Ankersmit F.R. Danto, History and the Tragedy of Human Existence // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N.Y.: Columbia University Press, 2007.P. 190–197.

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 3657–9312; e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 930.1; 1(091)

ПРОБЛЕМА УТОПИИ В РАБОТАХ И. БЕРЛИНА

В.П. Потамская

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Потамская В.П., 2022

***Аннотация.** Статья посвящена изучению утопического идеала, который И. Берлин рассматривал в границах интеллектуальной истории. Отмечается, что все утопии, составляющие западное философское наследие, объединяют сходные элементы: представление об идеальном гармоничном статичном обществе; приписывание всем людям неизменной природы, определенной универсальными, общепринятыми целями, которые были полностью реализованы. Делается вывод о том, что в рамках воззрений Берлина одним из общих предположений большинства западных мыслителей является представление об истинных ответах как «сокрытом сокровище», а единственная проблема состоит в том, чтобы обнаружить к нему путь и создать общество истины, добродетели и счастья. Указывается, что для Берлина сама по себе вера в возможность осуществления высшей гармонии ошибочна, а понятие совершенного общества и идеального состояния не только неосуществимо, но и непоследовательно, поскольку человеческие ценности не могут не противоречить друг другу.*

***Ключевые слова:** история, интеллектуальная история, утопия, монизм, плюрализм.*

Исайя Берлин – английский философ, историк идей, один из основателей современной либеральной политической философии. В определенном смысле Берлина можно считать наследником англо-американской аналитической традиции, которая, в толковании Б. Уильямса, представляет собой сложившийся стиль мышления, характеризующийся последовательной аргументацией и относительно ясным языком [3, с. 171]. При этом, по словам Д. Грея, Берлин привносил в британское наследие русские и еврейские подтексты: достоинство, умеренность, сомнения и чувство трагедии [10]. В представлении Берлина интеллектуальная история является историей изменения и смены моделей человеческого развития, «в понятиях которых осмысливалось прошлое тех художественных, богословских, механических, биологических или психологических моделей, которые отражаются в области исследования, в постановке новых вопросов и

использовании новых методик для ответа на вопросы, кажущиеся более интересными или существенными, чем те, что уже отжили свое» [2, с. 82].

В контексте обсуждения монизма, свойственного западной философии, он обращается к проблеме утопии (изображение идеального общественного строя либо в якобы уже существовавшей или существующей где-то стране, либо как проекта социальных преобразований, ведущих к его воплощению в жизнь [5]). Хотя идея совершенного общества очень стара и восходит еще к эпохе античности, все утопии, составляющие западное философское наследие, объединяют сходные элементы:

1) представление об обществе, находящемся в состоянии чистой гармонии, где все люди «живут в мире, любят друг друга, свободны от физической опасности, от зла, от фрустрации, от унижающей достоинства работы, не испытывают несправедливости или жестокости, обитают в ровном освещении, в умеренном климате, среди бесконечно плодородной, щедрой природы» [7, р. 20];

2) статичность – общества уже достигли состояния совершенства, поэтому нет никакой необходимости в новизне или изменении;

3) приписывание всем людей неизменной природы, определенной универсальными, общепринятыми целями, которые были полностью реализованы.

Берлин рисует следующую картину утопической мысли. Во-первых, большинство утопий обращается к отдаленному прошлому, золотому веку. «Гомер писал о счастливых феаках... о которых поется на островах блаженных. Гесиод рассказывал о золотом веке, за которым последовали худшие времена, нисходящие к тому времени, в котором он жил. Платон отмечал, что люди в отдаленном и счастливом прошлом были сферической формы и затем разделились на две половины... Он также говорил о счастливой жизни в Атлантиде... Вергилий повествовал о времени Сатурна, в котором все вещи были хороши. В Старом Завете рассказывается о земном рае, в котором Адам и Ева были созданы Богом и вели счастливую и безмятежную жизнь – состояние, которое должно было сохраняться вечно, но вследствие первородного греха было утрачено» [7, р. 21]. Во-вторых, были и те, кто верил, что золотой век грядет в будущем. К ним могут быть отнесены пророк Исайя, святой Павел, представлявшие мир, где не будет ни еврея, ни грека, ни мужчины, ни женщины, ни зависимых, ни свободных, «все люди будут равны и совершенны в сиянии Бога» [7, р. 21]. Утопический идеал принимал различные социальные и политические формы. К примеру, Платон, рисуя картину идеального государства, описывал наличие строгой унифицированной иерархии сословий: мудрецы, стражи, демос. Зенон Китийский писал об анархичном обществе, в котором все разумные существа живут в совершенном мире, равенстве и счастье. В целом, как справедливо замечает Берлин, в греческом мире существовало множество утопических представлений, сформировавшихся в рамках кризиса полисной культуры. Бок о бок с сатирическими утопиями Аристофана существовало совершенное государство Феопомпа (около 377 – после 320 гг.), утопический социализм Эвгемера [7, р. 22].

Определенный упадок утопического мышления произошел в Средние века. Одной из причин этого стали христианские морально-этические установки, согласно которым человек не может достигнуть совершенства только своими собственными усилиями, но может быть спасен божественной милостью. В то же время можно говорить о наличии христианских утопий, доминантами которых являются следующие установки: первоначальное единство и совершенное состояние было разрушено вследствие какого-то бедствия, будь то вкушение запретного плода, Вавилонское столпотворение или Всемирный потоп. Следовательно, вся последующая история

человечества представляет собой попытки собрать вместе разрозненные фрагменты в целях восстановления изначального состояния.

Одно из общих предположений большинства западных мыслителей, как отмечает Берлин, заключается в том, что истинные ответы представляют собой «сокрытое сокровище», а единственная проблема состоит в том, чтобы обнаружить к нему путь и создать общество истины, добродетели и счастья [7, р. 27]. Подобная убежденность лежала в основе утопий, распространяющихся в рамках ренессансной мысли XV в., когда началось открытие греческой и римской классики, воплощавшей утраченную в Средние века истину. Основным стало убеждение, что только знание, базирующееся на фундаментальном утверждении его как добродетели, может спасти человека. Для Платона парадигма знания была геометрической, для Аристотеля – биологической; для различных мыслителей Ренессанса она могла быть неоплатонической, мистической, интуитивной, математической, механистической, органицистской, но «никто не сомневался, что знание подразумевает духовное, моральное и политическое спасение» [7, р. 28]. При этом подразумевалось не просто дескриптивное знание того, что есть в мире, но и знание ценностей, т.е. того, как жить, что делать, какие формы жизни являются лучшими, а какие – худшими [7, р. 28]. Концепция «знания-добродетели» подразумевает следующее: если известно, что хорошо для человека, то, поскольку человек – рациональное существо, невозможно жить и действовать в ином ключе. Это будет тем, к чему направлены все желания, надежды, молитвы, стремления, что является, по Берлину, платоническим предположением, которое вдохновляло великие утопии эпохи Ренессанса: Мора, Бэкона, Кампанеллы, а также христианские утопии XVII в. Тем самым абсолютную веру в рациональные решения и распространение утопической мысли можно считать характерными чертами сходных стадий культурного развития в классических Афинах, в эпоху Ренессанса, XVIII в. во Франции и последующих двух столетиях [7, р. 29].

Мыслители от Бэкона до настоящего времени были вдохновлены определенностью, что где-то должно существовать общее решение, что в полноте времени (по воле ли Бога или в результате деятельности человека) царство иррациональности, несправедливости и невзгод закончится; человек может быть освобожден и больше не будет игрушкой сил, находящихся вне его контроля; «что эта весна в человеческих делах наступит, когда будут преодолены препятствия, естественные и человеческие, и тогда, наконец, люди перестанут сражаться друг с другом, объединят свои силы и будут сотрудничать, чтобы приспособить природу к своим потребностям или свои потребности к природе» [1]. Подобные убеждения формируют общую основу для множества разновидностей революционного и реформистского оптимизма (от Бэкона до Кондорсе, от коммунистических манифестов до современных технократов, коммунистов, анархистов) [6, р. 212]. Знаменитые утописты Нового времени (от Томаса Мора и Мабли до Сен-Симона, Фурье, Оуэна и их последователей) изображали основные человеческие свойства статически, недооценивали природу человека как самопреобразующегося существа, обладающего свободой выбора между соперничающими, несовместимыми целями в пределах, положенных ему природой и историей [1, с. 205].

Несмотря на то, что концепт утопии несовместим с интерпретацией человеческого мира как соперничества новых и конфликтующих волей, индивидуальной и коллективной, Г.В.Ф. Гегель (а за ним и К. Маркс) вернулся к подобной исторической схеме. Для них обоих ход истории – единое восходящее движение человечества, путь от варварства к рациональной организации. Для утопических мыслителей этой традиции счастливое завершение – это достижение вневременной безмятежности,

сияние статичного, бесконфликтного общества после того, как исчезнет государство и официальная власть. Подобные утопии содержат в себе определенную двойственность: с одной стороны, допущение неизбежности конфликта, а с другой – убеждение, что это является временным этапом на пути к полной самореализации человечества [7, р. 44].

Таким образом, понятие разрушенного единства и его восстановления выступает как связующая нить всей западной мысли. Берлин предложил представить главные тезисы, на которых основана западная цивилизация, в виде «трехногого табурета»:

1) на все подлинные вопросы может быть дан только один истинный ответ, все остальные ответы будут ложными. В случае если правильный ответ не может быть дан, то вопрос не является подлинным;

2) существует единственный истинный метод для обнаружения правильных ответов. Осведомлен ли кто-либо о нем или нет – это другой вопрос, но в принципе он должен быть узнаваемым;

3) все истинные ответы должны быть по крайней мере сочетаемыми друг с другом. Это проистекает из простой логической взаимосвязи: ни одна истина не может быть несовместима с другой истиной. В идеале все истинные ответы логически влекут за собой друг друга, образуя единое, систематическое, гармоническое, взаимосвязанное целое.

Когда будут обнаружены все истинные ответы на все центральные вопросы человеческой жизни, образуется своего рода схема общего знания, необходимого для достижения совершенной жизни [7, р. 25]. Именно на этой монистической основе и базируются западноевропейские утопии, в центре которых лежит следующее утверждение: «Если мы не можем представить себе что-то совершенное, мы не сможем понять, что подразумевает несовершенство. Если, скажем, мы жалуемся на свое положение здесь, на земле, указывая на конфликты, страдания, жестокость, пороки..., если мы заявляем, что наше состояние не является совершенным, это можно понять только в сравнении с более совершенным миром... Анализируя разрыв между ними, мы можем понять, насколько наш мир отстает... Идея отсутствия чего-то и является идеей утопического состояния» [7, р. 26].

Берлин подчеркивает, что сама по себе вера в возможность осуществления высшей гармонии ошибочна, и выстраивает свою аргументацию, обращаясь к философскому наследию Н. Макиавелли, Дж. Вико, И. Гердера, А.И. Герцена, утверждая несовместимость и несоизмеримость ценностей, а также выявляет их объективный характер, указывая на наличие взаимоисключающих выборов. Первый серьезный удар по утопическим воззрениям был нанесен Макиавелли, который высказывал сомнения относительно возможности объединения христианского взгляда на жизнь, основанного на самопожертвовании и смирении, с возможностью построения и поддержания могущественной и славной республики, требующей от граждан не смирения, а таких добродетелей, как храбрость, жизненная сила, самоутверждение, и в случае спавителями способности к безжалостным, беспринципным и жестоким действиям [7, р. 31].

Вторую угрозу утопическим воззрениям несло возникновение новых национальных государств (частично как результат Реформации XVI в.). Данный процесс привел к тому, что некоторые из юристов, по большей части реформаторы или оппозиция власти Римской католической церкви, стали утверждать, что римский закон (с его требованиями универсального авторитета) ничего для них не представлял: они были франками, кельтами, норманнами; у них были свои традиции. «Различные нации, различные корни, различные законы, различные люди, различные сообщества, различные идеалы. У каждого был собственный стиль жизни» [7, р. 33]. Все это разрушило идеи наличия универсального закона и универсальных целей для всех людей. Совершенное общество, которое франкские воины и их потомки рассматривали

как свой идеал, существенно отличалось от утопического видения итальянцев, а также от представлений шведов, турков или индийцев.

Еще один удар по утопической традиции нанесли воззрения Гердера, первого, кто возвысил культурное самосознание до общего принципа. Он сосредоточился на идее культурных различий и сущности культуры, представляя картину исторического развития, радикально отличающуюся от монистических представлений. С позиций культурного плюрализма Гердер утверждал, что каждая нация обладает своими традициями, характером, собственным лицом, а подлинным счастьем является развитие национальных потребностей, уникального характера. Следовательно, каждая культура обладает определенными атрибутами, которые следует истолковывать сами по себе, понимать так же, как люди понимают друг друга. Культурные границы естественны для людей, проистекают из их внутренней сущности, окружающей среды и исторического опыта. Хотя существует множество общего, основополагающим, по Гердеру, является то, что делает возможной индивидуализацию, т.е. то, что делает немцев немцами: «Каким образом они едят и пьют, вершат правосудие, пишут поэзию, поклоняются богу, распоряжаются собственностью... все это имеет определенный общий характер, качественное свойство, образец, который является исключительно немецким, отличающимся от деятельности китайцев или португальцев». При этом ни одна из культур не превосходит другую, они различаются, разнятся их цели, поскольку они проистекают из специфического характера и ценностей культур [7, р. 38–39].

Немецкий романтизм также оказал значительное влияние на критическое рассмотрение утопической мысли [4]. В отличие от предшествующей традиции, в центре романтического движения находилось прославление множественности, разнообразия как в искусстве, так и в философской мысли: понятие вечных моделей, платоническое видение идеала прекрасного было замещено верой в духовную свободу, личное творчество [8, р. 57–58]. Именно романтизм навсегда поколебал веру в универсальную, объективную истину в вопросах поведения, в возможность создания совершенного и гармоничного общества, полностью свободного от конфликтов, несправедливости или угнетения – цель, ради которой никакая жертва не может быть слишком велика, если люди действительно хотят создать «правление правды, счастья и добродетели, связанных неразрывной цепью – идеал, ради которого большая часть людей и в XX в. приносят в жертву себя и других» [6, р. 237].

Стало быть, концепт общего блага, значимого для всего человечества, основан на значительной ошибке, а именно на представлении о том, что где-то «существует кристально чистая сфера, не подверженная мировым изменениям, в которой математические истины и моральные, эстетические ценности формируют совершенную гармонию» [7, р. 43]. Во-первых, идеальное общество не может быть достигнуто не потому, что люди недостаточно мудры, искусны, добродетельны или запятнаны первородным грехом, сама идея единственного, совершенного общества всего человечества будет являться внутренне самопротиворечивой, поскольку Вальхалла германцев отличается от идеального будущего французов, рай для мусульман не то, что для евреев или христиан. «Но если мы хотим иметь столько типов совершенства, сколько существует типов культуры, каждый со своим идеальным сочетанием добродетелей, само понятие возможности единого совершенного общества логически бессвязно» [7, р. 40]. Во-вторых, если некоторые цели будут признаны полностью человеческими и в тоже время конечными и несовместимыми между собой, то идея золотого века, совершенного общества, собранная путем синтеза всех правильных

решений для всех центральных проблем человеческой жизни, как представляется, непоследовательна в принципе.

Определенным противвесом утопиям являются антиутопии (Хаксли, Оруэлл, Замятина и др.), которые изображают ужасающую картину общества без сопротивления, в котором устранены различия между людьми, а все разнообразие человеческих темпераментов, склонностей и идеалов «сведено к единообразию, втиснуто в социальную и политическую смиренную рубашку, которая ранит и калечит и заканчивается сокрушением людей во имя монистической теории, мечты об идеальном, статическом порядке» [7, р. 45]. Само понятие совершенного общества и идеального состояния, согласно Берлину, стоящему на позициях ценностного плюрализма, не только неосуществимо, но и непоследовательно, поскольку человеческие ценности не могут не противоречить друг другу. Если кто-то действительно верит, что подобное совершенное состояние возможно, то тогда никакая цена не будет слишком высока для его достижения: «Чтобы сделать такой омлет, конечно, нет предела количеству яиц, которые нужно разбить – таковы убеждения Ленина, Троцкого, Мао... Сотни тысяч должны погибнуть, чтобы навсегда сделать счастливыми миллионы. Какой выбор есть, кроме как быть готовыми пожертвовать ими всеми?» [9, р. 15]. Поскольку кому-либо известен единственно верный путь к окончательному решению проблемы общества (Берлин использует данную формулировку, несмотря на смыслы, которое приобрело данное высказывание после Гитлера), то известно, и по какому пути следует вести людей, следовательно, ни о какой свободе выбора (которую рассматривает как одну из главных ценностей) не может идти речи.

Итак, монистический образ мышления видится Берлину следующим: это вера в универсальную объективную истину в вопросах поведения, в возможность создания совершенного и гармоничного общества, полностью свободного от конфликтов и несправедливости или угнетения. Убежденность в существовании истин, общих для всех людей во все времена и повсеместно, выражена в универсальных законах, естественном законе стоиков и средневековой церкви, юристов эпохи Ренессанса, неповиновение этим законам ведет к злу, несчастью, хаосу. Все утопии базируются на потенциальной обнаруживаемости и гармонии объективных целей и законов, истинных для всех людей во все времена. Средства достижения этих целей могут варьироваться от страны к стране, от эпохи к эпохе, но цели остаются неизменными; об этом явно свидетельствует высокая степень сходства социальных утопий древности и современности. Критикуя утопическую мысль с позицией ценностного плюрализма, сводимого к признанию множественных человеческих ценностей и целей, их объективного характера и несоизмеримости друг с другом, а также конфликту как основному способу реализации их взаимоотношений, Берлин указывает на ошибочность самого понятия общего блага, свойственного для всего человечества.

Библиографический список

1. Берлин И. Джамбаттиста Вико и история культуры// Философия свободы. Европа / предисл. А. Эткинда. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 187–205.
2. Берлин И. Политические идеи в двадцатом веке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://literatura.com/pdf/berlin_chetyre_esse_o_svobode_1992__ocr.pdf (дата обращения: 21.01.2022).
3. Паньковский А. Агональный либерализм Исайи Берлина [Электронный ресурс].

- Режим доступа:<http://www.ruthenia.ru/logos/number/39/11.pdf> (дата обращения: 21.01.2022).
4. Потамская В.П. И. Берлин о романтизме как направлении европейской мысли // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1 (59). С. 188–199.
 5. Утопия и антиутопия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc26f42a76526f3c43ca4c2> (дата обращения: 23.01.2022).
 6. Berlin I. Apotheosis of the Romantic Will: the Revolt against the Myth of an Ideal World // The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. N.Y.:Vintage, 1992. P. 207–237.
 7. Berlin I. Decline of Utopian Ideas in the West // The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. N.Y.: Vintage, 1992. P. 20–48.
 8. Berlin I. GiambattistaVico and Cultural History // The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. N.Y.: Vintage, 1992. P. 49–69.
 9. Berlin I. Pursuit of the Ideal // The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. N.Y.: Vintage, 1992. P. 1–19.
 10. Gray J. Isaiah Berlin. Princeton: Princeton University Press, 1997. 183 p.

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия;SPIN-код: 3657–9312;e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 101.1: 316.77

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ В ФОКУСЕ ГЕНЕЗИСА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

К.В. Смирнова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Смирнова К.В., 2022

***Аннотация.** В статье рассмотрены предпосылки формирования постиндустриального общества путем анализа экономических моделей XX в. Отображено воздействие сферы производства на информационные технологии. Представлены особенности современного капитализма, в котором основным типом сырья являются данные. Описана новая форма общественной организации – платформа, позволяющая индивиду находиться в процессе выбора своей идентичности. Качественное изменение внутриличностных психологических процессов рассмотрено как результат функционирования платформенного общества. Перечислены уникальные возможности интернета. Отображено значение влияния всех экономических, коммуникативных, общественных трансформаций на положение человека в обществе и изменение восприятия его картины мира. Актуальность данного исследования обусловлена процессом мировой*

глобализации и цифровизации всех сфер жизни человека, а также невозможностью отказа человека от использования современных технологий.

Ключевые слова: *индустриальное общество, коммуникационные технологии, платформа, информатизация, трансформация идентичности.*

В настоящее время в отечественном и зарубежном гуманитарных дискурсах философы осуществляют попытки построить образ современного человека, его особенностей, жизненных интенций и экзистенциалов. В ходе дискуссий высказываются сентенции, что индивидуальность и независимость уже не являются качествами, подчеркивающими самобытность субъекта. Идентичность формируется в рамках публичной сферы, в которой каждый индивид – актер. Развитие информационных технологий и усиление процесса «медиатизации» общества способствуют внедрению постоянных форм воздействия и контроля с образованием особого типа человеческой самости. Формирование задатков образа современного человека происходит в период генезиса капиталистического общества, характеризующийся увеличением значимости коммуникативного процесса в ходе осуществления экономических отношений.

Для понимания современной картины необходимо обратить внимание на эволюцию XX в., сопровождающуюся множеством исторических событий и динамичной модификацией моделей общества. Вопрос общественного развития в целом и экзистенциализма на протяжении долгих лет и по сегодняшний день интересует философов и социологов.

Развитие различных социальных моделей отражает становление индустриального общества. Так, в своей книге «Капитализм платформ» канадский экономист Н. Срничек выделяет три состояния (фордизм, тойотизм, постиндустриализм), которые характеризуют экономический порядок. Эти состояния заложили основы сегодняшней экономики [3, с. 17–19].

Производственные отношения, называемые фордизмом, несмотря на все послевоенные разрушения, оказались в выигрышном положении. Крупные заводы (корпорации), ориентированные на массовое производство, осуществляли вертикальный управленческий контроль, привлекая резервных работников и выпуская излишний товар, с возможностью увеличения прибыльности в случае повышения спроса. Такая модель характеризуется централизованным, авторитарным характером производства, масштабностью объединения. Что касается сферы труда, появляется понятие «массовый работник»: этот работник представлен коллективной идентичностью, основанной на равенстве трудовых условий. Такие социально значимые и поощряемые свойства, как экстравертность, безличность, способствуют идентификации человека через крупные промышленные коллективы.

Корпоративное общество с организацией массового производства способствовало формированию массового общества, характеризующегося стандартизацией всех сфер человеческой жизни. Отсюда формирование массовой культуры, популяризация которой осуществляется через коммуникативные процессы. Средства массовой коммуникации создают публичную сферу информации и мнений, осуществляя контроль над условиями их распространения. Возникает медиасреда, где массовые коммуникации выступают в роли посредников между человеком и окружающим миром, происходит информирование, ведется пропаганда и развиваются коллективные чувства, внедряются ценности и стандарты поведения, оказывающие влияние на

общественное сознание и обуславливающие состояние тотальной культурной недифференцированности[2, с. 79].

В рамках крупных производств формируется ментальность рабочей аристократии. Она выливается в непримиримый конфликт с собственниками. Рабочая аристократия крупных промышленных предприятий начинает организованно бороться за свои права, создавая мощные профсоюзы. Следствием этого, как и ряда других факторов, стал вывод капиталов страны с более дешевой и менее квалифицированной рабочей силой. В результате усилилась атомизация процесса производства, предполагающую минимальную подготовку работников.

На смену фордизму пришел тотейотизм, основанный на принципе оптимизации производственного процесса с целью максимальной экономии. Такая экономика предполагала производство товаров под фактические потребности. С целью увеличения рентабельности производства в условиях конкуренции делались попытки сокращения затрат. Одним из наиболее эффективных способов оказался аутсорсинг, предполагающий снижение зарплаты постоянных работников, но одновременно стремящийся к привлечению внешних подрядчиков.

В середине XX в. в ряде стран, прежде всего в США и некоторых странах Европы, произошло смещение акцента с человека-производителя на человека-потребителя. Началось формирование «рыночного» типа человека массового общества, характеризующегося увеличением жизненных запросов «отсутствием» ценности того, что упрощает жизнь. Характерные черты индивида данного периода – отсутствие устойчивого «я», стремление соответствовать обществу, зависимость от других. Индивид конструируется через общепринятые роли, а наделенные особой ценностью товары направляют поведение общественности.

Неоспорим тот факт, что информационно-коммуникационные технологии являются неотъемлемой частью жизнедеятельности каждого человека, способствуют увеличению информационной осведомленности граждан. Обеспечивая своевременное поступление актуальной информации, а также содействуя ее обмену, информационные технологии играют большую роль в процессе социализации людей и их участии в общественной жизни.

Однако в тоже время нередко научно-технический прогресс и культура индустриального общества имеют ряд отрицательных последствий, таких как минимизация индивидуальности человека, возможность манипулировать и осуществлять глобальный контроль над индивидуальным сознанием.

С развитием постиндустриального общества изменяется характер труда – он становится все более нематериальным, направленным на работу с символами и эмоциями. Роль знания в производстве материальных товаров возрастает: знания становятся неотъемлемой частью. Навыки, коммуникативное действие теперь лежат в основе производства. Д. Белл пишет: «Тот факт, что труд человека в большей степени сейчас состоит из разговора с другим, чем из взаимодействия с машиной, является фундаментальным фактом, характеризующим труд в постиндустриальном обществе» [4, с. 163].

Американский философ и социолог О. Тоффлер называл общество XX в. обществом «третьей волны»; в основе его лежат развитие компьютерных технологий, информатизация и новые способы организации [6, с. 40]. Трансформация социума происходит при непосредственном влиянии средств массовой информации.

Увеличивается значимость контента в области культуры, знания, впечатления и услуг, включающих медийную составляющую (блоги, веб-сайты, онлайн-форумы и разработку программного обеспечения).

Современный капитализм направлен на получение особого типа сырья – данных, проходящих определенные уровни: сбор, сортировку и упорядочивание в стандартизированные форматы. Сбор данных базируется на действиях пользователей, происходит анализ потребительских предпочтений, что создает общую картину понимания необходимых функционалов для разработки новых продуктов, услуг и рекламной политики.

Рост значимости интернета способствовал усилению зависимости производственной сферы от цифровой коммуникации. Обмен цифровыми данными в сети расширил возможности производственной сферы, создав условия для координации труда работников и использования аутсорсинга и precarious занятости в трудовой сфере. Разграничение происходило только по принципу фактического наличия потребности в коммуникации или отсутствия необходимости в личном взаимодействии. Причина развития аутсорсинга – стремление сократить выплаты и дивиденды и поддерживать при этом уровень прибыльности. Данные предпосылки актуальны и на сегодняшний день: гибкая занятость, снижение оплаты труда при возрастании давления со стороны менеджмента.

Появляется новый тип фирмы – платформа, представляющая собой некую инфраструктуру. Выступая в качестве площадки для взаимодействия между пользователями (покупателями, рекламодателями, поставщиками услуг и товаров, производителями, физическими объектами), платформа получает доступ к фиксации интеракций для дальнейшего их анализа [3, с. 41–42]. Через поисковую интернет-систему прослеживается активность пользователей, изменчивость их желаний; социальные сети предоставляют множество вариантов частного взаимодействия и др. Усиливается тенденция к переходу в различных отраслях коммуникаций в онлайн-формат. Платформенность создает «сетевые эффекты», предполагающие, что наличие большого количества пользователей порождает ценность данной платформы для других. Создавая эффект свободного пространства для взаимодействия, платформы в реальности реализуют определенную политику, получая доступ к данным и устанавливая правила взаимодействия.

Символические системы, массовая культура, представляющая мир в моделях и символах, выстраивают повседневную жизнь человека. О новом этапе информационного общества в своей монографии «Культура потребления и реклама» пишут Н.Н. Вотинцева и А.Н. Ильин: «Пришло господство культуры, основанной на информационном хаосе и вещизме как объективации индивидуальной и общественной жизни различными гаджетами. Инфраструктура потребления представляет собой целую “систему повседневного бытия”, погружающую личность в мир символов определенного образа жизни. Она создает импринтинг идентичности, убеждений, ценностей и поведенческих стереотипов» [1, с. 6].

Процесс глобализации модифицирует внутреннюю жизнь человека. Индивид постоянно находится в процессе выбора своей идентичности среди стратегий и выборов, предлагаемых абстрактными системами. Бессознательно полученная информация способствует качественному изменению внутриличностных психологических процессов.

Сегодня все больше набирает обороты экономическая модель совместного потребления и развития бизнеса, основанного на использовании технологий. Развитие

телекоммуникаций, в частности интернета, предоставило возможность перевода не только работников, но и целого бизнеса в онлайн-формат. Возможность осуществления глобальной коммуникации и управления посредством нее поставками только усилило появившуюся ранее (в 1970-е гг.) тенденцию к переводу множества услуг на аутсорсинг.

Интернету присущи уникальные свойства:

не имея централизованной системы управления и не являясь средством массовой информации (СМИ), Всемирная сеть представляет собой среду, в которой функционируют все традиционные СМИ, и в меньшей степени, чем последние, подвластен регулированию извне;

обладает возможностью глобальной адресации;

носит общедоступный характер, т.е. все, у кого есть устройство с возможностью подключения к интернету, могут осуществлять поиск, редактирование, публикацию информации, а также взаимодействовать с другими пользователями;

им пользуется неограниченное количество людей;

носит интерактивный характер, который заключается в предоставлении возможности общения между пользователями на различных электронных площадках (форумах, социальных сетях), являющихся также источником информации;

создание информации имеет низкую стоимость (не требует специальных затрат по сравнению с ранее использовавшимися печатными машинками или оборудованием для передачи телеграмм);

возможна быстрая обработка информации;

объем информации безграничен, ее источником может быть каждый и др.

Однако в рамках цифровой реальности происходит изменение структуры аудитории, пользователи объединяются в группы в соответствии с интересами, отбрасывая остальной информационный поток. Интернет позволяет индивидуально сформировать ограниченное количество насущных тем дня, снизив тем самым интерес к общественным, национальным проблемам. Уменьшается общественная активность в противовес пассивному потреблению знаний. Получение готовых образов снижает уровень размышления, а отсюда падение общего культурного уровня, что формирует благоприятную среду для манипуляции массовым сознанием при помощи коммуникативных ресурсов. Как верно подметил Маклюэн, «сталкиваясь с информационными перегрузками, мы не имеем другой альтернативы, кроме восприятия по образцам (стереотипам)» [5, с. 132].

Все события жизни человека ретранслируются в сеть. Видение окружающего мира и восприятие себя осуществляется через постижение цифровой реальности.

Коммуникативный процесс предполагает наличие создающих эффект присутствия позиций, в которых выражение собственного мнения не является обязательным. На базе цифровых платформ создаются лишь временные группы, объединенные общей целью в конкретной ситуации, способствующей появлению случайных и временных идентичностей.

Под воздействием информационных технологий формируется образ человека современной эпохи. Человек находится под влиянием гласного или негласного контроля, прямых или латентных форм воздействия. Индивиды заведомо делают себя подвластными управлению и контролю, отождествляя себя с виртуальными идентичностями. Размываются границы между общественным и частным, социальным и индивидуальным, приватным и публичным.

Замена живого диалога использованием электронных площадок для общения в сети влечет за собой атрофию проявлений человеческой души. Вовлекая человека в виртуальные сообщества, индустрия потребления отдаляет его от сообщества людей, сводя к минимуму эффективность и эмоциональность человеческих отношений. В сетевом пространстве минимизируется морально-этическое содержание коммуникации, поскольку возможность неограниченного использования анонимного и бесконтактного общения влечет за собой снижение моральной ответственности, единомыслия, эмпатии.

Таким образом, то информационное общество, которое существуетна сегодняшний день, – закономерный результат развития индустриальных технологий и социальных отношений, имеющий как позитивные, так и негативные последствия. У ряда отечественных и зарубежных авторов, таких как Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, Ф. Уэбстер, А.И. Ракитов и другие, сформировалось весьма позитивное видение самоидентификации человека в фокусе цифровизированного этоса. Информатизация способствовала увеличению числа занятых в цифровой сфере (это производители разработчики программ, распространители, компьютерные специалисты, программисты, системные аналитики), повысилась интеллектуализация многих видов труда и ужесточились требования к подготовке специалистов. Развивается область международного сотрудничества, появляются новые формы занятости (прекарная занятость, аутсорсинг). Свобода выбора позволяет определиться сценностями, осознанно искать подходящий путь, осуществлять выбор на разных стадиях вхождения и освоения цифровой реальности. Появилась возможность создавать и использовать необходимые для жизнедеятельности электронные коммуникации, происходит постоянное интерактивное взаимодействие (диалог), реализуется непрерывная обратная связь между участниками информационного обмена и др.

Сформировался, наряду с большим количеством положительных эффектов, информатизации ряд негативных тенденций: увеличивается угроза для личной автономии; личность оказывается беззащитна перед вторжением государства и коммерческих структур в частную жизнь; происходит разрушение частной жизни (разглашение личных тайн) в платформенном обществе, расширяются возможности получения данных о любом индивидууме. Фанатичная преданность компьютерам и вера в их непогрешность развивает привыкание к жизни в виртуальном пространстве, формируя угрозу моральному иммунитету личности. Некоторые группы общественности сталкиваются с такой проблемой, как сложность адаптации к возможностям информационного общества (необходимость применять информационные технологии в повседневной жизни). Виртуализация способствует сокращению межличностных контактов, а через влияние на человека СМИ происходит навязывание мнений по определенным событиям. Возникает проблема качественного отбора достоверной информации (появляется слишком много непроверенной информации в СМИ). С критической точки зрения формирование идентичности в реалиях цифрового общества рассматривают такие авторы, как Д. Гребер, Н. Срничек, П. Мейсон, М. Дин и др.

Библиографический список

1. Вотинцева Н.Н., Ильин А.Н. Культура потребления и реклама: монография. Пермь: ПИЭФ, 2014. 132 с.
2. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов: монография. М.: АПК и ППРО, 2013. 479 с.
3. Срничек Н. Капитализм платформ/ пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.

4. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic books, Cop, 1973. 507 p.
5. McLuhan M. Counterblast. Harcourt: Brace & World, 1969. 141 p.
6. Toffler A. Previews and Premises: An Interview with the Author of «Future Shock» and the «Third Wave». Toronto, 1983. 230 p.

Об авторе:

СМИРНОВА Кристина Васильевна – аспирантка кафедры психологии и философии, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 6864–3715; e-mail: smirnova_kv91@mail.ru

УДК 342: 321

ДОВЕРИЕ К ЗАКОНАМ И ПРАВОВАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ ГРАЖДАН КАК ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ

О.И. Туманова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Туманова О.И., 2022

***Аннотация.** В статье рассматривается важность формирования эффективной законодательной системы, не только способствующей укреплению легитимности действующей власти, но и направленной на развитие чувства правовой защищенности граждан. Обсуждение проблем права и легальности в рамках института государства не утрачивает своей актуальности в общественно-политическом дискурсе. Так, идеи немецкого политического философа и правоведа Карла Шмитта о тождестве понятий закона и государства, а также о важности законов для обеспечения легальности власти могут быть использованы для анализа современной политической ситуации, в процессе построения эффективной правовой системы.*

***Ключевые слова:** государство, власть, общество, закон, правовая защищенность, легитимность.*

В условиях высокой турбулентности, характеризующей текущие общественно-политические процессы, ключевым фактором, который позволяет обеспечивать устойчивое развитие институтов государства, является легитимность действующей власти. В качестве одного из условий, которые способны гарантировать реализацию данного фактора, выступает формирование эффективной системы законов, которые в свою очередь не только будут работать на благо государства, но и удовлетворять потребности общества.

Подтверждение своей легитимности через действующую систему права позволит власти гарантировать населению свою поддержку. При этом правовая защищенность может рассматриваться как своеобразный залог благополучия граждан. Эффективно работающая законодательная система государства в полной мере обеспечивает удовлетворение потребности в нормативном регулировании внутренней и

внешней политики. Декларирование в программных документах «укрепления законности»[1] в качестве одного из национальных интересов свидетельствует о стремлении к построению правового государства, защищающего своих граждан.

В ходе рассмотрения вопроса об укреплении легитимности власти через систему законов следует обратить внимание на идеи немецкого политического философа и юриста Карла Шмитта (1888–1985), чьи рассуждения о легальности и легитимности по праву считаются классикой политико-правовой мысли.

Обращаясь к анализу истории общественно-политической мысли, К. Шмитт заявляет о тождественности категорий государства и закона. По его мнению, «тот, кто осуществляет власть и господство, действует “на основании закона” или “именем закона”» [2, с. 172]. При этом рассмотрение категории закона как нормы, «что по праву должно быть для каждого» [2, с. 190], подтверждает положение о том, что без формирования независимой и эффективной системы законодательства нельзя говорить о построении сильного государства и гражданского общества.

Ставя знак равенства между законом, правом и государственным установлением, принятым при участии народных представителей, К. Шмитт определял именно «господство закона» и «принцип законосообразности всех государственных действий» в качестве сущностного признака правового государства [2, с. 186–187].

Особую важность в таком случае приобретает положение о том, что «предустановленное соответствие права закону и гармония между ними, изначально утвержденное тождество справедливости и легальности, соответствие дела процедуре его рассмотрения пронизывают правовую мысль государства законодательства до последних ее глубин» [2, с. 187]. Это позволяет обеспечить подчинение граждан закону «во имя свободы, когда право на сопротивление изымается из перечня свобод» [2, с. 187–188]. В этой ситуации «закон наделяется тем безусловным первенством, которое позволяет считать, что гарантия независимости судьи кроется в его полном подчинении закону; что согласованность административных положений с законом – это самая надежная защита от злоупотреблений государственной властью и что все основные права, гарантированные конституцией, можно спокойно отдать в распоряжение законодателю, который в силу “оговорок в законе” имеет право вмешиваться в них по своему усмотрению» [2, с. 188].

По мнению К. Шмитта, в «государстве законодательства законодатель должен сохранять за собой “монополию” на легальность» [2, с. 188], что рассматривается им в качестве примера проведения последовательной государственной политики. Именно легальность «обосновывает требование послушания и оправдывает тот факт, что любое право на сопротивление просто устраняется» [2, с. 173]. Закон в подобном случае представляет собой специфическое проявление права, а легальность – специфическое оправдание государственного принуждения [2, с. 173]. При этом система легальности, отмечая авторитет или “исходящее сверху повеление”, устраняет любое “право на сопротивление”» [2, с. 187].

Размышляя о главном законе государства, К. Шмитт подчеркивает, что конституция «должна принципиально ограничиваться организационными и процедурно-правовыми установлениями» (курсив К. Шмитта– О.Т.) [2, с. 194]. Это позволит не только обеспечить либеральность и абсолютно функционалистскую нейтральность, но и сделать ее открытой «для различных мнений, направлений, движений и замыслов» [2, с. 194]. При этом сама по себе конституция «не притязает на роль законодателя» [2, с. 194].

Законодательная система представляет собой ключевой элемент, связывающий между собой государство и общество. Обе стороны хотят, чтобы их интересы

последовательно реализовывались, а их взаимодействие носило сбалансированный и упорядоченный характер. От того, насколько грамотно будут разработаны законы и насколько эффективным будет процесс их исполнения, зависит не только отношение граждан к правовой системе государства, но и степень поддержки действующей власти. Здесь следует вспомнить мысль французского просветителя Ж.-Ж. Руссо о том, что «хорошие законы ведут за собой еще лучшие; дурные законы – еще худшие» [3, с. 82].

Уровень доверия граждан к нормам, действующим в государстве, обеспечивается прежде всего за счет соблюдения таких условий, как осознание высшей силы закона и обязательности его исполнения, справедливости и беспристрастности принимаемых законодательных решений, а также равенства всех членов общества перед законом. В случае реализации всех перечисленных условий становится очевидной роль закона в процессе поддержания установленного порядка в обществе, гарантирующего устойчивость и безопасность его развития. Иной случай описал Ж.-Ж. Руссо, утверждавший, что «нет ничего более опасного, чем влияние частных интересов в общественных делах; и злоупотребление законами со стороны правительства есть меньшее зло, чем развращение законодателя – неизбежное следствие частных интересов» [3, с. 57].

Выполнение рассмотренных условий эффективности правовой системы позволяет обеспечить необходимый уровень уважения и доверия со стороны населения не только к самим нормам, но и к институту государства, которое является их инициатором и исполнителем. По мнению К. Шмитта, «там, где начинают бояться, что обычное право в какой-то мере подорвет доверие к законодателю, обращение к такому праву не допускается» [2, с. 185–186].

Искажение трактовки закона или приоритетность перед законодательством отдельных лиц или групп – основные причины подрыва доверия к системе права. Задачей государства в данном случае становится не только защита своей легитимности, но и обеспечение собственных интересов, заключающихся в сохранении и поддержании порядка в обществе. К. Шмитту убежден, что благодаря доверию «достигается соответствие права формальному закону» [2, с. 190].

Вера в закон со стороны граждан зависит также и от фигуры законодателя, который, согласно Шмитту, является «окончательным хранителем всех прав, последним гарантом существующего порядка, последним источником всякой легальности, последним охранением и защитой от несправедливости» [2, с. 187]. Это утверждение свидетельствует не только о высоком статусе, но и мере ответственности законодателя перед обществом. Среди качеств, которые должны быть присущи осуществляющим законотворческую деятельность акторам и от которых зависит «все достоинство и величие закона», выделяются «справедливость и разум» [2, с. 190]. Здесь следует вспомнить мысль Ж.-Ж. Руссо: «Тот, кто составляет закон, знает лучше, чем кто бы то ни было, как этот закон должен быть выполнен и истолкован» [3, с. 57].

Не только законодатели, но и в целом представители элиты, обеспечивающие авторитет и легитимность власти, по мнению К. Шмитта, должны быть наделены такими чертами, как «неподкупность, отвращение к наживе, образование, чувство долга и верность, а также определенные, хотя и ослабленные тенденции к кооптации из своей собственной среды» [2, с. 182]. Утрата доверия к законодателю влечет за собой потерю его ко всей вертикали власти, включая верховного лидера, что «абсурдно и губительно для всей системы» [2, с. 251]. Высокие требования, предъявляемые к лицам, занятым разработкой и совершенствованием законодательной системы, подчеркивают, что правовая сфера критически важна для власти. Следует отметить, что наряду с развитием, соответствующим потребностям общества и государственной системы, а

также запросам внешней и внутренней политики, перед законодателями ставится также задача, связанная с формированием особого отношения к правовым нормам со стороны общества. Граждане должны доверять существующей законодательной системе, видеть в ней гарантию стабильности и безопасности своей жизни.

Формирование эффективной правовой сферы в целом можно рассматривать как инструмент, позволяющий государству обеспечивать интересы общества. Необходимо, наряду с формированием доверия к нормам права власти, создавать условия, при которых граждане смогут в полной мере ощутить свою правовую защищенность как внутри страны, так и находясь за ее пределами. Данное чувство приобретает особую ценность в условиях нестабильности современного миропорядка, поскольку способствует созданию образа устойчивости государственных основ.

Рассуждая о формировании чувства защищенности, К. Шмитт приходит к выводу о том, что граждане всегда ищут защиты у власти. Он полагает, что «связь защиты и повиновения остается единственным объяснением власти. Кто не имеет власти защитить кого-либо, не имеет также права требовать от него повиновения. И наоборот: кто ищет защиты и принимает защиту, тот не имеет права отказаться от повиновения» [2, с.418].

Правовая защищенность в парламентском государстве базируется «на доверии к законодателю как безусловно необходимому основанию такого государства» [2, с.244]. (Важно отметить, что при этом имеется в виду простое большинство парламента, принимающего решения [2, с.244].) Таким образом, встает вопрос о необходимости формирования такого большинства в органах законодательной власти, которое способно проводить грамотную и эффективную работу в интересах всего общества.

Обеспечение правовой защищенности населения должно реализовываться не только за счет наличия самой системы законов, но и за счет их неукоснительного исполнения. Правовая система должна активно работать и быть направленной на защиту интересов и безопасности граждан. Все это в совокупности позволит выстроить новые взаимоотношения между государством и обществом, основанные на доверии и взаимном уважении. Тем самым создадутся условия, не только обеспечивающие легитимность власти, но и способствующие формированию качественно иного отношения к ней со стороны граждан.

Библиографический список

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102385609> (дата обращения 25.05.2022).
2. Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца, А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбелева; под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М.: Соцэкгиз, 1938. 124 с.

Об авторе:

ТУМАНОВА Ольга Игоревна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 3225–2480; e-mail: maks69@bk.ru

ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ КАК НЕОБХОДИМЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР

Л.В. Удалова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Удалова Л.В., 2022

***Аннотация.** В статье анализируются проблемы здоровья человека, которые оказываются приоритетными, когда в условиях глобализационно-информационного общества радикально меняются ценностные парадигмы, роль и значение человека, его деятельность, духовное состояние, образы и очертания идентичностей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки таких методологических принципов и мировоззренческих установок, которые будут способствовать возрождению статуса, модальности здоровья человека как его высшей, главной ценности. Концепт «ценность здоровья» рассматривается как социокультурный фактор.*

***Ключевые слова:** человек, здоровье, болезнь, индивидуальная ценность здоровья, ценность здоровья, общество, социальные качества, идентичность, социум, социокультурный фактор.*

Масштабные изменения и преобразования в современном мире обусловили его трансформацию и необходимость основательных исследований и разработок в области философии, психологии, социологии, касающихся актуальности проблем здоровья и жизни человека, так как эти проблемы тесно взаимосвязаны со всеми другими направлениями функционирования человека, процессами его жизнедеятельности и общества в целом. Проблемы здоровья и жизни человека подлежат постоянному переосмыслению в разных культурах и эпохах, так как являются основополагающими, ключевыми, фундаментальными.

Актуальность проблемы обусловлена следующим: здоровье, его универсальность заключается в том, что оно детерминирует все стороны жизни человека (от его биологического существования до удовлетворения духовных потребностей), поэтому здоровье имеет высокую значимость и ценность для людей. Общественные задачи, выполняемые человеком, и интересы предопределяются как биологически-социальными обстоятельствами и условиями его жизни, так и состоянием его здоровья. Кроме того, важно, насколько здоровым является общество в целом. В век стремительно изменяющихся реалий, когда в условиях глобализационно-информационного общества стремительно меняются ценностные парадигмы, роль и значение человека, его деятельность, духовное состояние, образы и очертания идентичностей, проблемы здоровья оказываются приоритетными.

Сегодня в обеспечении здоровья ведущими становятся политические, экономические и социальные аспекты и обстоятельства, что повлекло «обесценивание» здоровья. Основной задачей в данном случае выступает выработка таких методологических принципов и мировоззренческих установок, которые должны способствовать возрождению статуса, модальности здоровья человека как его высшей, главной ценности. Кризисные ситуации, реформы и перестройка социально-экономической сферы, сопровождающиеся, в частности, ухудшением экологии,

бытовых условий, питания, возрастанием психоэмоционального напряжения у людей, не могли не отразиться на показателях здоровья индивида и социума в целом. При такой картине мира повышается инструментальная ценность здоровья человека, которое рассматривается как инструмент и необходимое условие достижения поставленных целей, приобретения жизненных благ, престижа, материального благополучия, карьеры и т.д. Такая социальная модель делает человека и общество взаимозависимыми, выстраивает непосредственную взаимосвязь между функциями, качеством, состоянием здоровья и социумом (типом общественного устройства), а «привязанная» к определенной эпохе (культуре) концепция о ценности человека, его жизни и здоровья представляет социально-нормативными такие категории, как здоровье и болезнь, которые ранее трактовались как исключительно медицинские [2, 9, 10].

Сегодня здоровье воспринимается как мера человеческих возможностей – это нововосприятие здоровья, которое сформировалось в современных условиях. Д. Ледер отметил, что «когда мы пытаемся описать опыт здоровья, нас поражает то, как мало мы обычно фокусируемся на нем. Эта привычная тенденция – упускать из виду здоровье, считать его чем-то само собой разумеющимся – отражается в малом количестве описательной литературы, посвященной данному предмету. Быть здоровым – значит быть свободным от некоторых ограничений и проблем, побуждающих к саморефлексии» [12, р. 1107].

В настоящее время насчитывается более трехсот определений феномена «здоровье». П.И. Калью рассмотрел и обобщил в своей работе ряд формулировок и определений сущности здоровья, выдвинутых древними и современными учеными, выделив признаки, свойства, наиболее часто встречающиеся в этих дефинициях:

- полное физическое, духовное и социальное благополучие;
- нормальное функционирование, сбалансированное развитие организма, его функций, течение биохимических и физических процессов;
- отсутствие болезни или болезненных изменений;
- полноценное участие во всех сферах жизни, адаптация организма к условиям меняющегося социума.

При этом, акцентируя внимание на вышеперечисленных свойствах здоровья, П.И. Калью констатирует, что указанные признаки не охватывают всех исследуемых в научной литературе значений, аспектов, направлений, характеризующих сущность здоровья [5]. В Уставе Всемирной организации здравоохранения здоровье определяется как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия» [11]. Это определение, являясь «социальным ориентиром», обозначает идеальное состояние человека, к которому индивиду и обществу в целом необходимо стремиться. Многообразие дефиниций и интерпретаций понятия «здоровье» позволяет выделить некоторые преобладающие концепции:

медицинскую (трактует здоровье исключительно с точки зрения отсутствия болезней и их проявлений (симптомов));

биомедицинскую концепция (делает акцент на биологической сущности человека, отсутствии у него ощущения нездоровья, нарушений и ограничений жизнедеятельности);

биосоциальную (исходит из первостепенного значения социальных признаков при анализе биологических и социальных признаков здоровья);

ценностно-социальную (основана на понимании здоровья как определяющей, фундаментальной ценности, как обязательного условия для удовлетворения как материальных, так и духовных потребностей человека) [7].

Понятие «ценность» имеет несколько трактовок:

объективную (любой объект, при помощи которого человек может реализовать свои потребности);

реляционную (не сам желанный и необходимый для человека объект, а «отношение значимости подобных объектов для людей» [6, с. 148]);

субъектную (нормативный элемент сознания человека, который связан с выбором его конечной цели существования и является базовым, неотъемлемым для субъекта) [6].

Объективные ценности ориентируют человека на нормативные установки в окружающем социуме, которые позволяют человеку сформировать свое понимание о добре и зле, правильном и неправильном, определиться со своими идеалами, задачами, целями и действиями.

Ценность в «субъектной» трактовке представляется как идеал, дающий человеку возможность осознавать мир, а не познавать его, отличать добро от зла, предопределять свои действия и поведение и приумножить хорошее и минимизировать плохое.

Однако практический смысл теоретических рассуждений об объективности и субъективности ценности теряется, если рассматривать жизнь и здоровье человека в универсальном, общечеловеческом понимании, так как жизнь и здоровье человека – это такие универсальные ценности, утрата которых ведет индивида к гибели. Суммарное, синтезированное представление человека о важных, ценных и значимых объектах и явлениях, действиях и поведении других людей, которые трактуются как прекрасное, нравственное, должное, правильное, и есть сущность ценности, так как по сути освоение (осознание, познание) мира человеком выражается в ценностях, а отсюда определяется и отношение человечества к миру в целом, как к природному, так и к социальному (искусственному), к другим людям и к самому себе, к своей жизни и здоровью [1, с. 67]. По мнению Н.И. Лапина, ценностями являются «обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения» [3, с. 48]. Во время первичной социализации образуются и формируются стабильные базовые ценности человека, которые лишь в критические, напряженные периоды его жизни или социальной среды могут подвергнуться пересмотру. Однако ценность здоровья – это феномен, имеющий латентную, скрытую природу. Существование ценности здоровья – и как объективного явления, и как его отображения, воспроизведения в сознании субъекта – подтверждает, что осознание и признание индивидом ценности здоровья приходят тогда, когда этому последнему что-либо угрожает [8].

Можно выделить несколько отличительных характеристик феномена здоровья на уровне индивидуального сознания:

взаимосвязанность, взаимозависимость субъективно-объективных характеристик – положение, когда объект (здоровье) является неотъемлемой частью субъекта (отношение к здоровью);

постоянное, стабильное осознание ценности здоровья;

формирование объективного аспекта ценности здоровья, сопряженное с моментом осмысления человеком своего существования вплоть до его смерти (человек привыкает к обладанию этой ценностью, жизненная значимость которой обнаруживается им только при ее потере или угрозе);

долгосрочный период изменения состояния здоровья;

постепенное ухудшение здоровья, в процессе чего индивид рассматривает и использует своездоровье как потенциал, ресурс для приобретения других ценностей [4, с. 58; 8].

Необходимо отметить зависимость таких понятий, как индивидуальная ценность здоровья и ценность здоровья, на более высоком уровне – уровне общественного сознания, где феномен «здоровье» понимается и рассматривается как политическая, экономическая и социальная ценность. Социальная ценность присуща социалистической системе (закрепленная законодательством бесплатная медицинская помощь, возложение на государство ответственности за здоровье граждан). В начале 1990-х гг. в России проходили социально-экономические преобразования, в результате которых изменению подверглась и иерархия ценностей (утратила силу идея ценности индивидуального здоровья как общественного благосостояния, богатства). Реорганизация в системе здравоохранения (рост цен на лекарства, платная медицина) переформатировала ценности индивидуального здоровья, и забота о здоровье стала делом рук самого индивида, а не государства.

В заключение можно сказать, что, рассуждая о таких аспектах человеческого бытия, как жизнь и здоровье, нельзя не учитывать систему оценок и ценностей, так как жизнь и здоровье – неотъемлемые части человеческого существования, а аксиологические характеристики неразрывно с ними связаны. Сегодня общественные процессы претерпевают сложные трансформации, при которых ценность здоровья как первичная жизненная потребность человека должна коррелировать с другими человеческими потребностями, более сложными (социализационными, диалоговыми, интерактивными). С учетом этого ценность здоровья становится одним из важнейших социокультурных факторов.

Библиографический список

1. Бабосов Е.М. Человекомерность социальных систем. Минск: Белорусская наука, 2015. 318 с.
2. Баранов А.В. О социальной парадигме здоровья // Петербургская социология. 1997. № 1. С. 8–18.
3. Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Эдиториал УРСС, 1996. 224 с.
4. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 238 с.
5. Калью П.И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. М., 1988. С. 33–35.
6. Мамджян К.Х. Антропологический аспект российской самобытности // Этнос, нации, ценности: социально-философские исследования / науч. ред. К.Х. Мамджян, А.Ю. Антоновский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 480 с.
7. Никифоров Г.С. Психология здоровья. СПб.: Речь, 2002. 256 с.
8. Удалова Л.В. О психологической помощи медицинскому персоналу в условиях пандемии COVID-19 // Проблемы социальной психологии и социальной работы XVI Всероссийская Парыгинская научно-практическая конференция (с международным участием), 16 апреля 2021 г. / науч. ред. М.В. Созинова. СПб.: СПбГУП, 2021. С. 97–98.
9. Репродуктивное здоровье молодежи в эпоху пандемии / Л.В. Удалова, С.И. Филиппченкова, Е.А. Евстифеева, Л.А. Мурашова // Нейронаука для медицины и психологии: сборник тезисов XVII Международного

междисциплинарного конгресса, Судак, Крым, Россия, 30 мая – 10 июня 2021 г./ под ред. Е.В. Лосевой, А.В. Крючковой, Н.А. Логиновой. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 390–391.

10. Удалова Л.В., Горшкова С.Е., Мещерякова Л.Я. К вопросу о формировании идентичности в современном социокультурном пространстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 4 (58). С. 89–96.
11. Устав (конституция) Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901977493>(дата обращения: 12.04.2022).
12. LederD. HealthandDisease: 5 ExperienceofHealthandIllness // EncyclopediaofBioethics. Vol. 2.N.Y., 1995. P. 1106–1113.

Об авторе:

УДАЛОВА Лариса Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связи с общественностью, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 7005–5090; e-mail: lv.udalova@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА

Е.В. Балакшина

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Балакшина Е.В., 2022

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности профессиональной педагогической деятельности в рамках психолого-педагогической литературы. На примере трудов отечественных и зарубежных ученых описывается специфика труда современного педагога. Приводятся психологические факторы, усложняющие современную педагогическую деятельность или отрицательным образом воздействующие на личность педагога. Особое внимание уделяется детерминантам эффективности труда педагога-психолога в контексте прогнозирования успешности специалиста при решении профессиональных задач. Указывается роль мотивационной направленности личности в реализации профессиональных функций на должном и высоком уровне. Анализируются результаты психодиагностического исследования ведущих мотивов в структуре личности педагогов-психологов высшей школы.*

***Ключевые слова:** педагог, профессия, профессиональная педагогическая деятельность, профессионально важные качества, условия труда.*

На сегодняшний день в русле психологии труда и психологии профессиональной деятельности остаются актуальными вопросы теоретической и практической разработки проблем успешности и эффективности субъекта труда. При этом проведенный нами анализ существующих понятий «успех» и «успешность» в психологической литературе, посвященной различным аспектам организации труда, показал, что они трактуются в двух основных направлениях:

1) биологическом – посредством теорий, ориентированных на изучение одаренности (опирается на особенности конституции человека и его индивидуальные, а также биологические особенности);

2) психологическом – через анализ психологических механизмов деятельности (профессиональный успех, мотивация, совокупность целей человека, желание работать, направленность и др.) [1].

Следует отметить, что происходящие в образовательной сфере интеграционные процессы значительно усложнили содержание современного образования и педагогическую деятельность. Традиционно они реализуются в процессе усвоения обучающимися ценностей культуры, которые необходимы для развития отдельной личности и общества в целом. В настоящее время трудности приспособления образования к изменяющимся условиям социальной среды ставят сложные задачи перед всеми участниками образовательного процесса [6]. В данной ситуации именно

педагог помогает подрастающему поколению развиваться на личностном уровне и проходить путь становления от ученика до специалиста.

Особенностями деятельности педагога и педагога-психолога, учитывая вышеизложенное, является создание комфортных психологических условий для личности ребенка (молодого человека) [5]. При этом специфическими факторами, осложняющими педагогическую деятельность, становятся информатизация, конкурентность, интенсивность, необходимость постоянно совершенствоваться и саморазвиваться [7]. В рамках психолого-педагогической литературы педагогическую деятельность рассматривают как особый вид профессиональной деятельности, который заключается в обучении, воспитании, образовании, развитии обучающихся разных возрастных категорий (детей, учеников, студентов). Она реализуется в учебных заведениях различного профессионального уровня – детские садах, школах, техникумах, вузах) [8].

Следует также раскрыть содержание понятия «педагог». Опираясь на трактовку рассмотренного выше термина, можно определить педагога как специалиста, который на профессиональном уровне занимается учебно-воспитательной и образовательной деятельностью. В современных реалиях педагогическая деятельность отличается динамичностью, информационной насыщенностью, творческо-поисковым характером, зависимостью от социальных, экономических, природных факторов, а также от индивидуально-психологических особенностей детей [12]. Указанные детерминанты делают вопросы о поддержании эффективности и успешности педагогического труда своевременными и актуальными.

В рамках данной статьи также необходимо установить специфику содержания понятия «педагог-психолог». Двойственность названия указывает на универсальность деятельности профессионала в данной сфере. В стандартном представлении это психолог, задействованный в сфере образования, который занимается изучением психических проявлений в разных видах человеческой деятельности с целью решения научных, исследовательских, прикладных задач. Наиболее значимыми направлениями его работы являются оказание психологической поддержки, сопровождение и профилактика. Однако нахождение педагога-психолога в образовательной среде предполагает его участие в обеспечении соматического и социального благополучия подопечных и контроле над ним, а это значит, что наравне с педагогами он также выполняет воспитательные и образовательные функции [14].

Указанная особенность делает изучение факторов эффективности профессионального труда педагога-психолога особо значимым [15]. Несмотря на научную разработанность проблем успешности и эффективности деятельности, четкое и общепризнанное представление об их критериях в научных источниках отсутствует (см. работа А.Н. Занковского, Е.П. Ильина, Е.А. Климова, Ф. Лютенца, О.Н. Родниной). Так, например, согласно О.Н. Родниной, «формулировка адекватного представления об успешности является важным моментом как для дальнейшего развития психологической теории деятельности, так и для решения задач психологии труда» [11, с. 191]. Структура профессиональной эффективности представлена паттерном характеристик, выраженных в количественно-качественных критериях, обеспечивающих достижение высоких и значимых социальных результатов, продуктов труда, которые соответствуют нормам социума с учетом материальных, временных и психофизиологических затрат [2].

В настоящее время профессиограммы и психограммы многих профессий, таких как телефонист, менеджер, педагог, спортсмен и др., периодически дополняются психологическими качествами с учетом изменяющихся условий разных видов

деятельности, способствующих их осуществлению специалистами на эффективном и успешном уровнях [4]. Исключением не стали и профессии педагогического профиля, к которым в последнее время проявляется большой интерес [3]. При этом одним из важных факторов эффективности и успешности выступает мотивационная сфера личности.

В зарубежной и отечественной психологической литературе многие авторы отмечают, что изучение специфики мотивационных факторов личности является важной задачей современной психологической науки [9, 10]. Мотивационная сфера включает совокупность всех мотивационных образований (это мотивы, потребности, цели, аттитюды, поведенческие паттерны, интересы) и определяет степень удовлетворенности работников организации своей трудовой деятельностью. Возможность удовлетворения работником личных потребностей для достижения поставленных целей и реализации желаний посредством получения вознаграждения за выполненную работу обуславливают качество трудовой жизни.

Значимость исследований особенностей специфики профессиональной деятельности педагогов-психологов посредством изучения ведущих мотивационных факторов состоит в установлении личностно-мотивационных детерминант эффективности их труда, а также в возможной разработке на этой основе психологических программ повышения мотивации к выполнению психолого-педагогической деятельности на высококвалифицированном уровне. Иначе говоря, актуальность выбранной темы определяется как тенденциями развития научного знания, так и существующими потребностями социально-педагогической практики [13].

В исследовании приняли участие педагоги-психологи, реализующие профессиональную деятельность в высшем учебном заведении. База исследования – Центр психологической поддержки Тверского государственного технического университета.

Психодиагностический инструментарий:

1. Методика диагностики мотивации профессиональной деятельности (К. Замфир). Инструментарий опросника позволяет выделить три ведущих компонента мотивации трудовой деятельности (внешний; внутренний; положительный/отрицательный).

2. Методика измерения мотивации достижения А. Мехрабиана. Используется для определения выраженности уровня направленности реализации потребностей к преодолению препятствий на пути достижения успеха.

3. Методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла. Применение этого инструмента позволяет установить ведущие черты личности респондентов.

Математико-статистическая обработка полученных в ходе диагностики данных осуществлялась с помощью программного статистического пакета SPSS 19 (дескриптивной статистики).

Полученные в ходе диагностического исследования данные о проявлениях мотивов профессиональной деятельности показали, что на передний план выходит внутренняя мотивация (ВМ) (4,1 балла). Респонденты заинтересованы в саморазвитии, повышении уровня квалификации, поддержании профессиональной компетентности. На втором месте находится внешняя положительная мотивация (ВПМ) (3,5 балла), а самый низкий показатель у – внешней отрицательной мотивации (ВОМ) (2,3 балла). Соответствует оптимальному уровню выраженности, или положительной мотивации к труду (ВМ > ВПМ > ВОМ).

Результаты обработки диагностических данных по мотивации к достижению успеха позволили установить:

1. Отсутствует явное преобладание мотивов разных полюсов (избегание неудач – стремление к успеху). В профессиональной деятельности респонденты опираются на жизненный опыт, что позволяет им менять стратегию при достижении желаемых результатов.

2. Среднее статистическое значение по группе составило 56,8 балла, что также показывает средний уровень выраженности изучаемого качества (средняя статистическая норма).

Изучение личностного профиля включило в себя анализ данных по 16 факторам: общительность (А); смелость (Н); доминантность (Е); подозрительность (L); дипломатичность (N); самостоятельность (Q2); интеллектуальность (В); восприимчивость к новому (Q1); эмоциональная устойчивость (С); беспечность (F); эмоциональная чувствительность (I); тревожность (O); напряженность (Q4); самодисциплина (Q3); моральная нормативность (G); практичность (M). Все перечисленные факторы формируются в 4 группы: коммуникативные, интеллектуальные, эмоциональные, регуляторные. Как показали результаты проведенного исследования, у педагогов-психологов наиболее выражены факторы коммуникативной (А – 7,4 стена; N – 6,8 стена) и интеллектуальной групп (В – 8,1 стена), затем эмоциональные (С – 5,2 стена) и регуляторные (G – 4,7 стена). Однако все параметры вошли в зону нормы распределения признака по средним статистическим показателям.

Таким образом, выявленные закономерности указывают на специфику психологического содержания профессиональной деятельности педагога-психолога:

1. Необходимость постоянной коммуникации активизирует развитие высокого уровня соответствующих личностных качеств.

2. Учет современных тенденций в контексте обогащения психологической науки новыми научными знаниями и практическими разработками делает важными вопросы о повышении профессионального уровня педагога-психолога и квалификации, а это означает, что выраженность соответствующих мотивов растет.

3. Эффективность профессиональной деятельности педагога-психолога складывается из комплекса профессионально значимых качеств, наличия набора профильных компетенций, обеспечивающих высокий профессионализм и успешность в выбранной трудовой сфере.

Библиографический список

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2001. 511 с.
2. Водопьянова Н.Е. Противодействие синдрому выгорания в контексте ресурсной концепции человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2011. № 2. С. 38–50.
3. Педагогическое образование: проблемы и перспективы / Н.Э. Касаткина [и др.] // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2018. № 1 (29). С. 191–195.
4. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 2004. 304 с.
5. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990. 119 с.

6. Кулюткин Ю.Н., Бездухов В.П. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара: СамГПУ, 2002. 400 с.
7. Митина Л.М. Учитель как личность и профессионал. М.: Дело, 1994. 216 с.
8. Олесова А.П., Каженкина У.В. Профессионально значимые качества учителя-словесника // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. № 1 (18). С. 143–146.
9. Поваренков Ю.П. Проблема индивидуально-психологического содержания профессионально важных качеств субъектов труда // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 1 (54). С. 34–40.
10. Поваренков Ю.П. Классификация субъективных детерминант деятельности профессионала // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 186–194.
11. Родина О.Н. О понятии «успешность трудовой деятельности» // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1996. № 3. С. 60–67.
12. Руднева Т.И. Педагогическая деятельность в современном социальном контексте // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 191–195.
13. Соколова А.С. Критерии профессиональной успешности специалистов службы технической поддержки // Современная психология: материалы I Международной научной конференции (г. Пермь, июнь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 64–65.
14. Черникова К.С. Специфика профессиональной деятельности педагога // Символ науки. 2015. № 11. С. 226–228.
15. Щелочева Е.А. Психологические особенности личности учителя // Наука, образование и культура. 2019. № 7 (41). С. 39–41.

Об авторе:

БАЛАКШИНА Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и философии, Тверской государственной технической университет, Тверь; SPIN-код: 8787–2928; e-mail: balakshina79@mail.ru

УДК 316.334.2: 343.83

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ
БЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЙ ТРУДА
ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПЕРСОНАЛА
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

А.В. Вайсбург

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Вайсбург А.В., 2022

Аннотация. Обоснована актуальность создания комфортных условий работы для персонала уголовно-исполнительных учреждений. Приведена трактовка понятия «условия труда». Представлена классификация условий труда, включающая в себя

социально-психологические, физиологические, эстетические и санитарно-гигиенические элементы. Описана специфика формирования благоприятных условий труда для сотрудников уголовно-исполнительной системы, включающая в себя ряд дополнительных факторов: биологических, химических, физических, информационных, семантических, физиологических, психологических. Отмечена тенденция к улучшению условий труда сотрудников уголовно-исполнительной системы за последние годы в России. Рассмотрена процедура контроля за соблюдением условий труда сотрудников уголовно-исполнительных учреждений.

Ключевые слова: условия труда, эффективность работы, факторы, персонал, уголовно-исполнительные учреждения.

Благоприятные условия труда персонала организации в настоящее время являются важным фактором привлекательности работы и удовлетворенности трудом. Каждая компания стремится создать для своих сотрудников наиболее комфортные условия труда с учетом отраслевой принадлежности предприятия и специфики рода деятельности каждой из групп персонала. Внедряются все новые практики, позволяющие «переманивать» сотрудников из конкурирующих организаций, создавая более комфортные условия для работы. Недостаточно эффективно организованная система условий труда для персонала может привести к текучести кадров, утрате конкурентных преимуществ, снижению производительности труда и сокращению прибыли.

Особые условия труда должны быть организованы для сотрудников уголовно-исполнительных учреждений (УИУ), так как от эффективности их работы во многом зависит благополучие граждан и порядок в обществе. Условия для их работы должны быть организованы с учетом:

- закрытого режима функционирования УИУ;
- опасности работы;
- сменного графика;
- возникновения чрезвычайных обстоятельств, которые могут иметь социальный, политический или криминогенный характер;
- ежедневного контакта с осужденными, в том числе инфицированными;
- различных метеорологических условий несения службы;
- обеспечения возможности поддержания психического и физического здоровья работников уголовно-исполнительной системы (УИС).

Организация условий труда для работы персонала учреждения рассматривается Е.И. Воеводиной, А.Д. Бурькиным [5], А.Н. Кузьминовым, В.В. Крутиковым [13] и рядом других исследователей. Классификация условий труда представлена в работах А.Е. Жулавской [6], А.Д. Захарова [8], М.Е. Мухиной [14], Н.Б. Озеровой [15]. Особенности организации условий труда персонала УИУ проанализированы Е.Н. Шатанковой [17], Ю.А. Смирновой [16], В.В. Веселиным [4], Э.Э. Кugno [12].

Согласно ст. 209 Трудового кодекса РФ (ТК РФ), «условия труда – это сложное явление, характеризующее среду протекания трудового процесса, формирующееся под воздействием взаимосвязанных факторов социально-экономического, технико-организационного и естественно-природного характера и влияющее на здоровье, работоспособность человека, его отношение к труду и степень удовлетворенности трудом, а следовательно, на эффективность труда и другие экономические результаты деятельности» [3]. Все работодатели обязаны обеспечить безопасные условия труда для персонала, соответствующие ч. 2 ст. 22 и ст. 212 ТК РФ [3]. В Федеральном

законе № 426-ФЗ приведена классификация условий труда персонала [2], а именно выделены четыре группы условий труда, для которых разработаны практические рекомендации и мероприятия по контролю психофизиологических, санитарно-гигиенических, эстетических, психофизиологических правил, норм и требований:

1. Санитарно-гигиенические элементы. К ним относятся освещение, микроклимат, чистота воздушной среды, биологические и иные воздействия. Эти элементы условий труда персонала в организации регулируются стандартами, СанПиН и т.д.

2. Психологические и физиологические элементы. Они определяются спецификой содержания трудовой деятельности, двигательной активностью, нагрузками на сотрудника, нервным и психическим напряжением, вызванным трудовым процессом.

3. Эстетические элементы. Они основаны на отношении работника к условиям труда, художественном восприятии окружающей среды. Определение данных элементов достаточно затруднительно; зачастую для этого используется метод экспертной оценки.

4. Социально-психологические элементы. Часто их рассматривают через призму понятия «социально-психологический климат в коллективе». Поскольку количественная оценка таких элементов затруднительна, они изучаются при проведении социологических и социальных исследований в организации. Одним из ключевых методов измерения выступает социометрия [7, с. 144].

Организация труда сотрудников УИС является важной составной частью организации управления и одновременно необходимым условием его реализации, включая организацию управленческого труда, т.е. труда лиц, занятых в управлении. Организация труда на научной основе, или научная организация труда, предполагает применение последних достижений науки и техники и выступает важнейшим средством и направлением повышения производительности труда различных категорий сотрудников УИС с учетом специфических задач и характера труда лиц, занятых в данной области государственной деятельности. Особое внимание следует уделять организации условий труда сотрудников УИУ. Это обусловлено тем, что согласно Указу Президента РФ от 13 октября 2004 г. №1314 [1] Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции; функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных; функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию; функции по контролю за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания, условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений (с дополнениями от 2 марта 2021 г. № 119).

Специфика организации комфортных условий труда для сотрудников исправительных учреждений обусловлена особенностями выполнения ими служебно-боевых задач, которые соответствуют экстремальным условиям труда и представляют опасность для жизни и здоровья человека. При формировании благоприятных условий труда для сотрудников УИС необходимо учитывать специфику ее элементов для

каждой конкретной организации. Для этого требуется дополнительно принимать во внимание целый ряд факторов [10, с. 27].

Биологические факторы включают в себя контакт с больными, в том числе зараженными ВИЧ, туберкулезом, гепатитом и другими инфекционными заболеваниями, что приводит к повышенной опасности заражения сотрудников, а также воздействие опасных насекомых и животных.

Химические факторы представляют большую опасность, так как, например, ирританты используются при отражении нападений осужденных, для пресечения преступлений, массовых беспорядков и в других случаях.

Физические факторы – это высокие и низкие температуры окружающей среды, которые могут привести к перегреву либо переохлаждению и обморожению на рабочем месте, а также условия недостаточной видимости, работа в замкнутых пространствах, параметры рабочей позы и осуществление стереотипных движений при осуществлении трудовой деятельности, высокая динамическая нагрузка на организм сотрудника УИС.

Информационные факторы проявляются в необходимости продолжительной концентрации внимания, принятия ответственных решений в условиях дефицита времени и недостатка (избыточности, ложности или неожиданности) информации. Немаловажным является и предъявляемое к сотруднику УИС требование по конспирации, сохранению служебной тайны.

Семантические факторы связаны с повышенной ответственностью за конечный результат работы, человеческие жизни, благосостояние общества.

Физиологические факторы:

а) большая продолжительность рабочего времени, ненормированный рабочий день, сверхурочная работа в условиях чрезвычайных обстоятельств и ситуаций, отсутствие регламентированных перерывов;

б) напряженность труда (большие статические, динамические, сенсорные нагрузки);

в) ускоренный темп работы, высокий уровень физической нагрузки на организм сотрудника [11, с. 28].

Психологические факторы особенно сильно влияют на работу сотрудника УИС и требуют дополнительных возможностей для создания благоприятных условий работы. К таким факторам принадлежат высокая напряженность труда, обусловленная эмоциональными нагрузками; эмоциональное истощение и профессиональное выгорание под влиянием психоэмоциональной напряженности; необходимость контактировать с маргинальными и криминальными личностями. Все это приводит к снижению работоспособности сотрудника, осознание низкой престижности профессии [11]. Вследствие неправильной организации условий труда, без учета перечисленных факторов, у сотрудников УИУ нередко наблюдаются повышенная раздражительность, агрессивность, подозрительность, что неизменно приводит к нарушению взаимодействия с окружающими и формированию неблагоприятного социально-психологического климата в коллективе.

Все перечисленные факторы оказывают особое влияние и предъявляют специфические требования к организации условий труда в каждом конкретном УИУ в зависимости от его размера, направленности, места размещения и т.д.

В последние годы улучшению условий труда сотрудников УИС уделяется достаточно много внимания. Согласно проведенному теоретическому анализу, можно констатировать, что существенно улучшается техническое оснащение организаций:

устанавливаются видеонаблюдения, монтируются комплексы наблюдения, охраны и надзора. Активно ведется работа психологических служб при учреждениях УИС по повышению стрессоустойчивости сотрудников, происходит развитие подразделений, занимающихся укреплением трудовой дисциплины. По сравнению с началом 2000-х гг. гибель сотрудников при исполнении обязанностей и во внеслужебное время сократилась примерно на 20 %, также уменьшилось количество случаев суицидов и незаконных связей [16, с. 180]. Большое внимание уделяется обеспечению условий труда, гарантирующих личную безопасность сотрудников УИС, а также членов их семей. В данном направлении наращиваются объемы и повышается качество профилактической работы с осужденными, склонными к нападению на представителей администрации, а также уделяется больше внимания защите персональных данных сотрудников УИС и членов их семей. Происходит увеличение качества специальной подготовки сотрудников УИС по обеспечению личной безопасности и безопасности всего личного состава подразделения УИС [17, с. 79].

Контроль за соблюдением организации условий труда сотрудников УИС проводится на основании Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» [2].

Некомфортные условия труда в УИУ могут привести к нежелательным последствиям: заражению неизлечимыми болезнями; получению травм, увечий, ожогов, обморожений; приобретению инвалидности и даже гибели сотрудников. Вследствие несоблюдения стандартов при организации условий труда персонала УИС, принятия несвоевременных или неправильных управленческих решений ставится под угрозу здоровье и жизнь персонала, безопасность районов и городов.

Таким образом, необходимо тщательно следить за соблюдением всех норм при организации комфортных условий труда сотрудникам УИС, создать систему повышения уровня комфортности работы для данной категории персонала, контролировать соблюдение всех СНиП и СанПиН. Внедрить систему служебной подготовки для работы в исправительных учреждениях, которая будет предусматривать интеллектуальное, физическое, психическое и тактическое направления подготовки будущих сотрудников.

Библиографический список

1. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Источник: <https://base.garant.ru/12137239/> (дата обращения: 25.01.2022).
2. О специальной оценке условий труда: федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Источник: <https://base.garant.ru/70552676/> (дата обращения: 25.01.2022).
3. Трудовой кодекс Рос. Федерации: [принят Гос. Думой 21.12.2001]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 24.03.2022).
4. Веселин В.В. Формирование профессиональной готовности сотрудника противопожарной службы к экстремальным условиям работы // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. 2011. № 1 (1). С. 8–9.
5. Воеводина Е.И., Бурыкин А.Д. Аналитический метод нормирования труда // Вестник научных конференций. 2016. № 10-5 (14). С. 35–37.

6. Жулавская А.Е. Благоприятные условия труда как составляющие организации труда современного предприятия // Молодой ученый. 2016. № 11 (115). С. 740–742.
7. Зайцев Г.С. Экстремальные условия деятельности: понятие, содержание, классификация // Вестник КРСУ. 2019. Т. 14. № 10. С. 25–29.
8. Захаров А.Д. Перспективные подходы к нормированию труда управленческого персонала // Вестник Университета. 2011. № 22. С. 31–34.
9. Кадаев С.Б. Нормирование труда в современных условиях // Век качества. 2015. № 1. С. 28–29.
10. Калинин М.А. Кратковременные сеансы физической культуры как основа успешного освоения учебной дисциплины курсантами вузов ФСИН России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4(36). С. 96–100.
11. Конюкова Н.И., Бойко А.Е. Регламентация и нормирование труда: учебное пособие. Новосибирск: СибАГС, 2018. 158 с.
12. Кугно Э.Э. Педагогические аспекты формирования готовности военнослужащих к деятельности в экстремальных ситуациях // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 1–1. С. 196–199.
13. Кузьминов А.Н., Крутиков В.В. Концептуальные основы нормирования труда в современных условиях // Экономика, управление, финансы: материалы VII Международной научной конференции. Краснодар: Новация, 2017. С. 87–89.
14. Мухина Н.М. Нормирование труда в зарубежных странах // Молодой ученый. 2019. № 6 (53). С. 391–392.
15. Озерова Н.Б. Нормирование труда // Советник в сфере образования. 2017. № 4. С. 50–60.
16. Смирнова Ю.А. Проблемы безопасности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций // Проблемы альтернативных лишению свободы видов наказания в России и зарубежных странах: материалы Международной научно-практической конференции, 14–15 октября 2010 г. Псков: Псковский юридический институт ФСИН России, 2010. С. 178–182.
17. Шатанкова Е.Н. Условия труда сотрудников ФСИН России // Права человека: история, теория, практика: сборник научных статей VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Коровин. Курск: ЮЗГУ, 2018. С. 76–80.

Об авторе:

ВАЙСБУРГ Александра Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия; e-mail: lassiel@inbox.ru

ГЕНЕЗИС РЕСЕГМЕНТАЦИИ РЫНКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ: ТЕНДЕНЦИИ ДО И В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

А.В. Вайсбург

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Вайсбург А.В., 2022

***Аннотация.** В статье анализируется рынок социологических услуг, который в настоящее время претерпевает изменения, в частности модифицируются его сегменты, агенты, заказчики. Отмечаются консолидация социологического сообщества, сближение академического и коммерческого секторов, увеличение количества инновационных социологических проектов наряду с тенденциями, усилившимися в связи с пандемией COVID-19: уменьшением заказов, сокращением числа исследовательских агентств, переходом работы в среду САП и интернет-исследований. Проведен анализ исследований компаний «Полстеры.РФ», «7/89», экспертных оценок и собственного опыта автора как внешнего консультанта. Рассмотрена специфика агентства рынка социологических услуг: наличие отечественных и зарубежных исследовательских центров, внутренних и внешних консультантов. Отмечено, что отдельным направлением стало проведение DIY-исследований. Представлена классификация компаний, проводящих социологические исследования, и выделены основные типы социологов.*

***Ключевые слова:** социологические исследования, рынок, социолог, заказчик, регион, интернет-исследования, пандемия, COVID-19.*

В настоящее время рынок социологических услуг переживает определенную «перезагрузку», открывается огромному числу инноваций, перераспределяет свою структуру и объемы, хотя «снижение доверия к социальным институтам повлекло за собой снижение доверия к науке, экспертам и результатам социологических исследований» [13, с. 372]. Заказчики в период пандемии стараются максимально экономить на проведении социологических и маркетинговых исследований, тогда как исследовательские компании ищут различные способы выживания в изменяющихся условиях рынка. Факторы самоизоляции, распространения COVID-19, недоступности большинства целевых аудиторий, выездов в «поля», личных встреч и бесед повлекли за собой поиск новых возможностей работы. Практически полный переход в сферу телефонных опросов типа САП, активное использование интернет-платформ для проведения анкетирования, онлайн-фокус-групп, личных интервью через Skype, Zoom и другие видеоплатформы – вот далеко не полный перечень инновационных методов, которые пришлось активно осваивать и внедрять в свою работу практически каждой указанной компании. В связи с этим для региональных исследовательских компаний наступило особенно трудное время, так как преобладали заказы на субподрядные исследования, чаще всего предусматривающие только проведение полевого этапа. В данный период каждое агентство изыскивает возможности экономии используемых средств, опираясь на опыт прошлого и настоящего.

Однако для понимания современных тенденций рынка социологических услуг необходимо обратиться к периоду его становления в России.

Развитие рынка социологических исследований в нашей стране проходило довольно трудно, с невысокой долей преемственности. В советский период социологическая наука, по мнению многих, превратилась в «институт идеологического обслуживания тоталитарного режима» [7, с. 16]. Однако на том этапе были достигнуты большие успехи, положившие начало дальнейшему развитию рынка прикладных социологических исследований. Например, были созданы службы социального развития предприятий; отдел социологии (Г.В. Осиповым в 1960-х гг.); лаборатория социологических исследований (В.А. Ядовым, Ю.В. Арутюняном, Р.И. Косолаповым, Г.М. Андреевой в 1960–1980-х гг.); Российское общество социологов (в 1989 г.); с 1989 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова организована профессиональная подготовка социологов. Развитие социологической науки, перечисленные достижения, огромных вклад «заводских социологов» явились предпосылками для формирования спроса на недорогие социологические исследования, призванные решать конкретные проблемы в кратчайшие сроки. При этом наблюдались отсутствие системного подхода и нескоординированность действий исследователей [8, с. 32].

В последние десятилетия в современной России отмечается ежегодное увеличение количества проводимых прикладных исследований. По состоянию на 2020 г. объем российского рынка социологических исследований оценивался в 20 млрд руб./г. Насчитывается порядка 350 компаний, занимающихся исследованиями, из них 35–50 работают на национальном уровне, проводят исследования в нескольких регионах. Порядка 250 региональных компаний функционируют и чаще всего представляют собой агентства, проводящие как исследования полного цикла, так и «полевые» этапы. Около 20–30 учреждений принадлежат вузовским коллективам и академическим институтам и являются агентами рынка социологических услуг. Неизвестно количество исследовательских подразделений, в том числе и смежных, созданных в организациях [15]. При этом большое количество исследований проводилось именно на уровне регионов.

Однако в последние годы на рынке прикладных исследований наблюдается целый ряд негативных тенденций. По результатам исследований, проведенных в 2018 г. организациями «Полстеры.РФ» и «7/89», можно наблюдать следующую картину. Среди проанализированных 189 исследовательских компаний России [10] 34 % отметили уменьшение бюджетирования маркетинговых исследований на своем локальном рынке (со стороны местных заказчиков по проектам полного цикла). 32 % организаций указали на все большее бюджетирование московских исследовательских компаний при сокращении числа местных заказчиков на маркетинговые проекты полного цикла. Менее половины опрошенных экспертов (40 %) высказались о включении в исследовательский региональный рынок организаций из смежных областей (PR-агентств, рекламных агентств, психологических служб и т.д.). Около 50 % экспертов из различных исследовательских центров заявили о негативных изменениях, происходящих на рынке социологических и маркетинговых исследований в целом.

В последние годы наметилась неприятная тенденция (а в связи с пандемией COVID-19 она только усилилась) – отсутствие у региональных компаний монополии на региональные исследования. При этом и федеральные компании не имеют монополии на проведение исследований по России в целом. Региональные различия социологических служб стали условными, но большой успех сопутствует организациям, приближенным к федеральным центрам компаний-заказчиков [15]. При этом произошло уникальное для последних лет явление: социологическое сообщество и коммерческий сектор исследований консолидировались и начали обмен новым опытом, анализом трендов, чего не было, пожалуй, с советских времен. По мнению руководителя отдела исследований

компании Qiwi Д. Соловьева, «происходит развитие в сторону сообществ... Это некая зрелость рынка... Появляются не только знаковые фигуры, но и большое количество профессионалов, которые работают, учатся, делают. Лет десять назад были голые энтузиасты. Сообщество растет за счет этих людей: 90 % молчат, 9 % комментируют, 1 % пишут» [13, с. 369]. Несомненным примером может служить XI Грушинская международная социологическая конференция «2021: пересборка социального, или насколько дивным будет новый мир?», в рамках которой было проведено огромное количество мероприятий, посвященных рассмотрению современного состояния рынка социологических услуг, новых методик и методов, трендов, точек зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей из академического и коммерческого секторов. Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского организована для всех желающих бесплатная Школа анализа больших данных в социогуманитарных науках (Школа дизайна информации), где начитывались лекции по новым направлениям исследований, методам и разработанным программам автоматизации. Всероссийская научная конференция с международным участием «Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России», проводившаяся в 2020 г. на базе МГУ им. Ломоносова, по большей части включала доклады по тематике, связанной с COVID-19 [4].

Социология пандемии как отдельное направление находилось в забвении почти сто лет, которые прошли со времени смерти М. Вебера и борьбы с испанкой. В нынешний непростой для исследовательской индустрии период данное направление в социологии получило новый виток для развития и активизации исследований. Резко возрос интерес к проведению исследований, посвященных тематике пандемии, здравоохранения, удаленной работы и т.д.

Стали организовываться целые проектные площадки для исследования новой социальной реальности и обмена опытом. Например, «Социология пандемии» – проект коронаФОМ, по результатам которого был издан первый комплексный сборник основных исследований данного периода как попытка транспонирования опыта коллегам.

Исследовательские компании «Центр социального проектирования “Платформа”» и OnlineMarketIntelligence стали регулярно изучать и анализировать общественные реакции на различные события, связанные с пандемией COVID-19, в рамках работы Социологического антикризисного центра и издавать исследовательские сводки. Исследователи начали вести блоги, посвященные современным *brexftvsyre* реалиям. Были объявлены конкурсы и гранты для студентов и магистрантов с дальнейшими стипендиями для стимулирования социологических исследований в сфере пандемии (например, организованный Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) конкурс студенческих работ «Студент года-2021»). Кроме того, ВЦИОМ провел инновационно-технологический форсайт в виде коллективного мозгового штурма, который включил в себя цепочку экспертных дискуссий среди ведущих российских исследователей, заказчиков, академических социологов, экспертов из смежных областей. На основе полученных результатов они спроецировали будущие возможные сценарии развития исследовательской индустрии в России.

Появилось множество различных исследований, посвященных новым методам изучения различных явлений и процессов. Интересными представляются работы Н.П. Касаткиной, М.В. Федосеевой об опыте исследований в период пандемии [9], О.В. Ярмач, Е.В. Страшко, Т.В. Шкайдеровой об анализе интернет-аудиторий [20], А.О. Холявина о «социологии ничего» [16], А.Г. Цветковой о поведении россиян в период пандемии [17] и многие другие. Происходит активное

внедрение элементов геймификации исследования. Так, В.Н. Гежа, И.Е. Зарубин, О.Р. Меньшикова, Р.И. Яминов разработали компьютерную игру для проведения социального лабораторного эксперимента по моделированию поведения различных групп населения во время пандемии [5].

В результате описанного генезиса рынок социологических услуг претерпел значительные изменения, трансформировался и сегментировался. В настоящее время любая компания может организовать и провести прикладное исследование двумя способами: силами собственных кадровых ресурсов либо с помощью сторонней организации или специалисту. При этом именно консультационная работа исследователей-социологов в современной России, зародившаяся в конце 1980-х гг., является доминирующей.

Выбор любого из указанных вариантов осуществления социологических исследований имеет свои плюсы и минусы. Наиболее удачный вариант проведения исследования выбирается исходя из потребностей организации.

Современные исследовательские компании на российском рынке социологических услуг условно можно классифицировать следующим образом: поллстеры, крупные компании, агентства «бутикового» типа и компании, специализирующиеся на конкретных методах исследований.

К поллстерам относятся такие компании-гиганты рынка социологических услуг, как ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-центр» (внесен в реестр иностранных агентов). Они проводят крупномасштабные регулярные исследования с большим объемом данных, отслеживают динамику социальных процессов, организуют множество конкурсов, сопутствующих обучающих и PR-мероприятий. Кроме них, есть крупные компании, среди которых стоит назвать IpsosComcon, Kantar TNS, GfK Rus. Они занимают значительный сегмент рынка социологических услуг, проводят исследования полного цикла, осуществляют консалтинговую работу и волновые исследования. Агентства «бутикового» типа отличаются глубиной погружения в определенную тематику исследований. Они функционируют, как правило, в виде лабораторий при академических структурах. Известные на рынке примеры таких агентств – «Циркон», «Платформа», «Ателье», Salt, «Валидата», Wojole. На рынке также представлены компании, специализирующиеся на определенных методах, например онлайн-опросах (ОМ) или мониторинге социальных сетей (BrandAnalytics)[15].

В.И. Добреньков и А.И. Кравченко [6, с. 267–272] выделили четыре вида организации консультационной работы социолога в компании: внутренний и внешний консультанты, российские и иностранные исследовательские центры.

Внутренний консультант (отдельный сотрудник, лаборатория, отдел, группа) хорошо знает специфику организации, понимает ее проблемы, может проводить регулярные исследования «за зарплату», однако при этом он в высокой степени зависим от организации и не всегда может посмотреть на проблему со стороны. В период кризиса многие компании были вынуждены экономить и отказаться от такого штатного специалиста.

Внешний консультант – это специалист, работающий на себя не всегда по официальному договору. Выбор такого варианта обычно опирается на рекомендации и положительный опыт сотрудничества. Внешний консультант не знает специфики и политики организации, что в некоторых случаях может способствовать даже более «свежему» взгляду на проблему. По личному опыту работы автора в качестве внешнего консультанта можно сказать, что с наступлением пандемии список таких заказчиков практически опустел.

Что касается иностранных исследовательских агентств на территории России, то они имеют международный авторитет и большой опыт работы. Однако у них достаточно высокие расценки, располагаются они, как правило, в крупных городах и доступны лишь для крупных организаций. С распространением новой коронавирусной инфекции их деятельность была осложнена закрытием границ и практически полным переходом на удаленный режим работы.

Отечественные консультационные компании имеют возможность одновременного привлечения сразу нескольких ведущих консультантов для сотрудничества. Однако зачастую отсутствует аффилиация по отношению к клиентам. Для мелких региональных исследовательских центров все в большей степени характерна работа по субподрядам для крупных столичных исследовательских центров по выполнению «полевого» этапа исследования и, возможно, созданию электронной базы данных по первичной информации. В условиях пандемии большинство небольших региональных исследовательских компаний оказались не готовы к новым реалиям работы. Нехватка компьютеров, планшетов, отсутствие панелей респондентов по своему региону, затрудненный доступ к новым пакетам аналитических программ, платным платформам для создания опросов, снижение количества заказов, к сожалению, повлекли за собой кризис работы данных агентств и сокращение их числа на рынке. Ведущие эксперты социологического сообщества даже прогнозируют практически полное исчезновение подобных исследовательских центров в регионах по причине их неконкурентоспособности в новых реалиях рынка. Об этом было заявлено на XI Грушинской международной социологической конференции «2021: пересборка социального, или насколько дивным будет новый мир?».

В последнее время в рамках ограниченности бюджетов для проведения маркетинговых исследований появились такие возможности оптимизации проведения исследований, как реализация иммерсивных DIY-исследований. Их суть состоит в обучении менеджеров компании исследователями в течение 1–2 дней и консалтинге. Такие исследования сокращают затраты, увеличивают погруженность в тему, налаживают прямое взаимодействие с потребителем. Именно такой формат работы частично снизил количество заказчиков у региональных исследовательских компаний. Вследствие этого появилось достаточно много гибридных методик на основе классических методов, например CustDev, CJM, JTBD [18, с. 50].

Еще в начале 2000-х гг. В.В. Щербина [19, с. 139] классифицировала социологов по уровню их профессиональной подготовки и статусу в компании на три типа: профессионал, дилетант и филер. Профессионал, способный адаптироваться к изменяющемуся спросу и условиям существования, имеет богатый опыт, качественно проводит исследования различными методами. Однако на сегодняшний момент это самый редкий тип социологов, особенно в региональных исследовательских центрах. Дилетант – исследователь, страдающий недостатком практических навыков, плохо владеющий методами исследований. Социолог-филер может иметь достаточно высокий уровень профессионализма, но при этом нарушать социологическую этику, Международный кодекс ESOMAR. В основном из-за последних двух видов исследователей последнее время в России все больше распространяется судебная практика возврата средств за некачественно проведенные исследования, назначения социологической экспертизы как доказательной базы. Примером могут служить заключения главного государственного эксперта по интеллектуальной собственности отдела судебного представительства ФИПС исследования по смешению товарных знаков [11].

Лабораторией социологической экспертизы Института социологии РАН был проведен анализ решений арбитражных судов (включая Суд по интеллектуальным правам), Федеральной антимонопольной службы и Палаты по патентным спорам при Роспатенте, в которых в качестве доказательств были представлены результаты социологических исследований. Информационный массив за 2005–2017 гг. содержал 885 решений. Можно констатировать, что сторона, ссылавшаяся на результаты исследования в качестве доказательства, т.е. инициатор социологической экспертизы, выигрывает в 59 % случаев (в соотношении 3/2 [1]).

Чтобы обеспечить соответствие проводимых исследований условиям изменяющейся социальной реальности, были ужесточены требования к современным социологам. Они должны иметь широкий кругозор, быть инициативными, ответственными, наблюдательными, адаптивными, иметь аналитический склад ума, обладать желанием постоянно самосовершенствоваться, учиться, обладать стрессоустойчивостью, владеть количественными и качественными методами исследований, математического анализа, уметь пользоваться специализированными компьютерными программами. Особенно ценным автору представляется наличие у исследователя «социологического воображения» (термин введен О.Е. Бредниковой), т.е. «особого видения и трактовки социальной действительности; умения мыслить на основании научного понятийного аппарата» [3, с. 18].

Конечно же, во многом успех проведения исследования зависит от самого заказчика, от его желания оптимизировать процесс и готовности сотрудничать с социологами. Так, представитель брендингового агентства Wellhead A.B. Ткачев, анализирующий типы заказчиков с точки зрения их отношения к маркетинговым исследованиям вообще и онлайн-методам в частности, приходит к следующим выводам [14, с. 239–240]:

1. Крупные корпорации (как правило, транснациональные) имеют собственные отделы исследований, серьезно относятся к вопросам тестирования и мониторинга потребительского мнения, проводят подобные работы силами своих постоянных субподрядчиков через собственный исследовательский отдел.

2. Средние компании предпочитают полагаться на собственный опыт и свое видение бренда и рынка, в большей степени доверяют интуиции. Отношение к любым маркетинговым исследованиям – в диапазоне от пренебрежительного («мы лучше знаем») до резко негативного. Чаще высказывают недоверие к качеству любых исследований, реже считают, что ответы потребителя не являются адекватными.

3. Люди, недостаточно хорошо ориентирующиеся на рынке, стремятся получить математически выверенный бренд, каждый элемент которого подтвержден логическими и статистическими выкладками, или же полагаются на исследования как возможность выявить некоторые «реперные точки», относительно которых можно развить концепцию бренда.

В период пандемии крупные компании достаточно легко перешли в режим работы онлайн, получив доступ к платным платформам. Средние компании, которые в основном доверяют интуиции, либо решили экономить на исследованиях, либо перешли на вариант DIY-исследований.

В рамках VII Международной Грушинской конференции по инициативе и финансовой поддержке ВЦИОМ и при организационной поддержке маркетингового агентства «Дельфи», в настоящее время приоритетными заказчиками являются технологические предприятия, но спрос с их стороны падает. На первое место выходят компании, конструирующие и реализующие свои исследования через DIY-платформы. Как правило, они используют анализ больших данных, проводят исследование

социальных сетей, Textmining (интеллектуальный анализ текстов), MobileResearch, пассивный сбор данных.

Таким образом, в период пандемии развитие рынка социологических услуг получило мощный толчок к изменению структуры заказчиков и субподрядчиков. Пересмотру подверглись методики и методы работы, сроки проведения исследований, требования заказчиков. Все это открывает перспективы для развития новых секторов рынка, ресегментации существующего рынка социологических услуг и большей востребованности социологических исследований в обществе.

Библиографический список

1. Батыков И.В. Статистика применения социологических исследований в судах, ППС и ФАС[Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://blog.pravo.ru/blog/33254.html> (дата обращения: 26.11.2021).
2. Батыков И.В., Батыков В.В. Арбитражные споры о сходстве до степени смешения: использование социологических исследований в качестве доказательств // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 9-1. С. 201–203. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5818> (дата обращения: 25.01.2022).
3. Бредникова О.Е. «Чистота опасности»: field-фобии в практике социологического исследования // Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле: сборник статей / под ред. В.М. Воронкова и Е.З. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 17–36.
4. Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России: Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов / под общ. ред. Ю.П. Аверина. М.: МАКС Пресс, 2020. 215 с.
5. Использование лабораторных экспериментов для изучения поведения людей во время пандемии / В.Н.Гежа, И.С.Меньшиков, О.Р.Меньшикова, А.О. Седуш, Р.И. Яминов// Материалы IX Международной конференции по когнитивной науке. М.: АСТ, 2020. С. 67–87.
6. Добренъков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования: учебник. М.: ИНФРА-М, 2004. 768 с.
7. Жуков В.И. Социология в современной России (доклад на Учредительном съезде Союза социологов России 27 июля 2007 г.) // Социологические исследования. 2007. № 12 (284). С. 2.
8. Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2014. № 2. С. 18–35.
9. Касаткина Н.П., Федосеева М.В. Особенности проведения социологических исследований в период пандемии: кейс массового порока населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ncsem.e-mordovia.ru/index.php/analytics/expert-comment/item/135>- (дата обращения: 25.01.2022).
10. Кормушина Ю.К. Проект «РИК-2018» как коллаборативный проект сообществ региональных исследователей общественного мнения // Социолог 2.0: трансформация профессии: материалы VIII Грушинская социологическая конференция / отв. ред. А.В. Кулешова М.: ВЦИОМ, 2018. С. 95–104.
11. Медведев Н.Ю. Социологический опрос как доказательство смешения товарных знаков потребителями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/konferentsii-seminary/doc_Medvedev.pdf (дата обращения: 25.01.2022).

12. Нестик Т.А. Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2018. Т. 12. № 2. С. 78–90.
13. Нестик Т.А., Седова Н.Н., Климанова Е.Г. Будущее исследовательской индустрии: от конкуренции за бюджеты к поиску партнеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1 (161). С. 368–386.
14. Ткачев О.В. Онлайн-исследования для офлайн-брендов // Онлайн исследования в России 3.0 / под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М.: Кодекс, 2012. С. 239–249.
15. Фирсов А., Макушева М. Вызовы для социологов. Игроки и тренды российского рынка прикладных социологических исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/09/07/838944-vizovisotsiologov> (дата обращения: 26.01.2022).
16. Холявин А.О. Социальное бездействие на ранних этапах пандемии COVID-19 // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 139–148.
17. Цветкова А.Г. Пандемия и поведение россиян: социологический срез // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 72–82.
18. Черкашина А.А. Исследования в digital: рыночная ситуация, вызовы, возможности // Индустриальный форсайт «Будущее исследовательской индустрии» 2020–2021: сборник. М.: ВЦИОМ, 2021. С. 50–65.
19. Щербина В.В. Проблемы, статус и проблематика социологии организаций // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 138–143.
20. Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию COVID-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 121–142.

Об авторе:

ВАЙСБУРГ Александра Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; e-mail: lassie1@inbox.ru

УДК 159.9.07

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДИКТОРОВ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ТВЕРСКИХ ВУЗОВ)

Н.Ю. Власенко

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Власенко Н.Ю., 2022

Аннотация. В работе произведена диагностика уровня стрессоустойчивости студентской молодежи тверских вузов на 1–2-х курсах. Представлен анализ полученных результатов, которые в целом являются удовлетворительными. Однако у определенного числа респондентов выявлен низкий уровень резистентности к стрессу. Проведена оценка психофизиологических ресурсов (у большинства студентов она оказалась благоприятной). Выполнен корреляционный анализ, в ходе

которого обнаружен ряд сильных связей стрессоустойчивости с пластичностью нервной системы и нейротизмом. Показана необходимость поиска личностных предикторов стрессоустойчивости в качестве потенциала ее повышения.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, эргичность, лабильность, пластичность, эмоциональность, экстраверсия, нейротизм, студенческая молодежь.

Актуальность

Стрессоустойчивость является важнейшей характеристикой личности, обеспечивающей адаптивные и регулятивные функции поведения. В условиях социального напряжения, неопределенности будущего, размытости морально-этических и нравственных ориентиров современный человек испытывает колоссальную стрессогенную нагрузку и его психическая резистентность подвергается жесткому давлению среды. В такой ситуации представляется актуальным исследование различных аспектов стрессоустойчивости, создание психологических мобильных скрининговых инструментов для оценки ее уровня в различных социальных аудиториях [1, 5].

Среди важнейших аспектов и предикторов психической резистентности лидирующие по значимости позиции занимают психофизиологические свойства личности, детерминированные индивидуальным геномом человека. Важнейшими из них являются свойства нервной системы. Среди них традиционно выделяют силу – слабость, лабильность – ригидность, сбалансированность – несбалансированность возбуждения и торможения. С позиций нейрофизиологии и психофизиологии оценить индивидуальные параметры перечисленных характеристик достаточно сложно и в настоящее время, к сожалению, не всегда представляется возможным. При этом психологические приемы и методы, такие как психодиагностическое обследование, наблюдение, беседа, позволяют хотя и косвенно, но достаточно успешно определить ряд формально-динамических (врожденных) свойств нервной системы человека [2, 7].

Особый интерес и озабоченность у специалистов-психологов вызывает молодежь. В ситуации многочисленных рисков она оказывается уязвимой. Стресс, обусловленный жизненно значимыми проблемами, способен нарушить хрупкий психический баланс и снизить резистентность. В молодом возрасте поведенческие модели совладания со стрессом, приобретаемые с жизненным опытом, только начинают формироваться. Поэтому основная нагрузка ложится на психофизиологический потенциал человека и определяет его ресурсность в напряженных ситуациях. В условиях получения высшего образования становится крайне актуальным изучение такого потенциала, особенно на начальном этапе, когда обучающиеся адаптируются к новому этапу жизни. Именно этот период крайне опасен рисками психогенных расстройств у молодых людей [4–6, 9]. В связи с этим целью работы стало исследование уровня стрессоустойчивости у студенческой молодежи через призму предикторов, образующих психофизиологический потенциал человека.

Материалы и методы

В исследовании принимали участие 115 студентов 1–2-х курсов Тверского государственного медицинского и Тверского государственного технического университетов в возрасте 18–22 лет, среди которых 61 девушка и 54 юноши. Психодиагностическое обследование проводили с помощью методики «Стрессоустойчивость» (Т. Холмса и Р. Праге), представляющей шкалу травмирующих событий, ранжированных по баллам, которые определяют степенях стрессогенности. Шкала является обратной, результаты интерпретируются следующим

образом: высокий уровень стрессоустойчивости соответствует значениям менее 150, низкий – более 300 баллов.

В качестве инструмента диагностики психофизиологических предикторов стрессоустойчивости использовались опросники В.М. Русалова и Г. Айзенка. Первый оценивает формально-динамические свойства индивидуальности через четыре базовых свойства нервной системы: эргичность, скорость, пластичность и эмоциональность. Методика предлагает континуум свойств от 12 до 48 баллов, при этом диапазон 12–24 баллов оценивается как низкий, 25–36 – как средний, 37–48 баллов – как высокий уровень их выраженности.

Тест Г. Айзенка содержит 57 вопросов с односложными вариантами ответов и включает две шкалы: интроверсия – экстраверсия и нейротизм. Результаты трактуются как низкий (1–7 баллов), средний (8–15) и высокий (16–24) уровни прямых шкал [8].

Статистическая обработка включала дескриптивный (с описанием средневыворочных значений и стандартной ошибки среднего), сравнительный (с применением критерия Манна – Уитни для двух независимых выборок и критерия «хи-квадрат Пирсона») и корреляционный (с применением критерия Спирмена) виды анализа [3].

Результаты

Среднегрупповое значение по методике «Стрессоустойчивость» составило $196,8 \pm 12,3$ балла, что интерпретировали как средний уровень стрессоустойчивости. У большинства студентов (55 %) обнаружен епороговый уровень, у 29 % – высокий, 16 % – низкий. При этом в группе юношей респондентов с низкими значениями было достоверно больше ($p \leq 0,05$), чем у девушек (23 и 17 % соответственно), что трактовалось как выявленный феномен. Высокий уровень резистентности к стрессу обеспечивает высокую адаптивность в напряженных и критических состояниях. Лица с низким ее уровнем склонны к дезадаптации и ригидности поведения. Результаты исследования обнаружили удовлетворительный уровень стрессоустойчивости у большинства студентов.

Обследование, проведенное по методике В.М. Русалова, выявило в целом средние уровни эргичности ($29,3 \pm 3,1$), скорости ($26,8 \pm 4,7$), пластичности ($31,9 \pm 4,1$) и эмоциональности ($30,3 \pm 4,7$ балла). При анализе частотного распределения было установлено, что большинство респондентов обладало высокими уровнями эргичности и скорости (61 и 58 % соответственно), средними уровнями пластичности и эмоциональности (45 и 49 %). Низкие значения параметров обнаружены у меньшинства студентов. Статистически значимых гендерных различий выявлено не было. Автор методики трактует четыре формально-динамических свойства индивидуальности с двух позиций: на уровне нервной системы и в целом на уровне поведения человека. *Эргичность* рассматривается как сила нервной системы, способность к длительному поддержанию возбуждения или торможения в нейронных сетях. На поведенческом уровне это свойство рассматривается как выносливость в разных сферах деятельности. *Скорость* характеризует способность быстрого переключения процессов возбуждения и торможения в нервной системе и на поведенческом уровне понимается как его лабильность. *Нейронная пластичность* рассматривается как способность образовывать нейросети через синапсы, в поведении это проявляется как гибкость и адаптивность. Все три характеристики в целом формируют интегральную величину – психофизиологический потенциал. Отдельно В.М. Русалов рассматривает эмоциональность, которая на поведенческом уровне означает инструмент оценки

происходящих событий через призму «благоприятные – неблагоприятные» для соотнесения с потребностями человека. Она выступает в качестве «потребителя» потенциала при высоком своем уровне и придает особую остроту и красочность жизни. При низком уровне эмоциональности соблюдается определенный режим «энергосбережения» ресурсности. Таким образом, центральной идеей методики выступает сопряжение психофизиологического потенциала и эмоциональности. Результаты исследования продемонстрировали, что большая часть студентов обладает достаточными ресурсами нервной системы.

По методике Г. Айзенка средние групповые результаты по шкалам «интраверсия – экстраверсия» и «нейротизм» составили $13,4 \pm 2,7$ и $14,8 \pm 2,3$ балла, что соответствовало среднему диапазону. Большинство респондентов (59 %) по первой шкале продемонстрировало амбиверсию, что означает умеренно выраженную коммуникативность и незакрытость. При этом у статистически значимого ($p \leq 0,05$) большинства девушек уровень экстраверсии выше, чем у юношей (32 и 21 % соответственно), что, вероятно, свидетельствует об их более выраженной экстрапунитивной направленности. Результаты по шкале «нейротизм» также показали у большинства участников исследования средний уровень без достоверных гендерных различий (43 % у девушек и 51 % у юношей). Высокий уровень нейротизма означает высокую чувствительность, что влечет формирование выраженной тревожности и дезадаптации. Как находка в исследовании, было обнаружено достаточно большое число юношей с таким уровнем без значимых различий с девушками (14 и 16 % соответственно).

Корреляционный анализ данных всей выборки обнаружил две устойчивые и сильные связи. Стрессоустойчивость тесно сопряжена с пластичностью нервной системы ($r = -0,78$; $p \leq 0,05$; связь отрицательная, так как шкала по методике Т. Холмса и Р. Раге обратная) и нейротизмом ($r = 0,81$; $p \leq 0,05$). Это означает, что высокая гибкость и адаптивность поведения при низкой чувствительности и тревожности обеспечивают высокую резистентность к стрессу и устойчивость в опасных жизненных ситуациях. Связей оказалось не столь много, как предполагалось. Не выявлены корреляции между стрессоустойчивостью и высокими уровнями эргичности, лабильности и низким уровнем эмоциональности. Резистентность к стрессу во многом обусловлена личностными ресурсами: оптимальными копинг-стратегиями и сформированными паттернами ресурсосбережения. По всей видимости, студенты вузов даже на 1–2-х курсах в определенной степени владеют жизненным опытом для таких оптимальных моделей поведения, что является хорошим прогностическим признаком.

Выводы

В работе выполнена диагностика уровня стрессоустойчивости у студенческой молодежи тверских вузов на 1–2-х курсах. Полученные результаты в целом являются удовлетворительными. При этом у определенного числа респондентов обнаружен низкий уровень резистентности к стрессу. Проведена оценка психофизиологических ресурсов; у большинства студентов она оказалась благоприятной. Неоднозначные результаты корреляционного анализа с небольшим количеством сильных устойчивых связей демонстрируют необходимость поиска личностных предикторов стрессоустойчивости в качестве потенциала ее повышения.

Заключение

Работа продемонстрировала актуальность психологического исследования уровня стрессоустойчивости и ее базовых предикторов у студенческой молодежи. Обнаруженные особенности позволяют более грамотно планировать и корректировать

работу службы психологической поддержки студентов и воспитательное управление вузов.

Библиографический список

1. Алексеева Е.В. Профилактика школьной дезадаптации как средство сохранения психологического здоровья обучающихся // Психология образования в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, Волгоград, 14–16 сентября 2011 года. Волгоград: Перемена, 2011. С. 162–164.
2. Глебов В.В., Аракелов Г.Г. Психофизиологические особенности и процессы адаптации студентов первого курса разных факультетов РУДН // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2014. № 2. С. 89–95.
3. Гржибовский А.М., Иванов С.В., Горбатова М.А. Сравнение количественных данных двух парных выборок с использованием программного обеспечения Statistica и SPSS: параметрические и непараметрические критерии // Наука и здравоохранение. 2016. № 3. С. 5–25.
4. Ковалевская А.А. Особенности саморегуляции и стрессоустойчивость подростков // Проблемы психологического здоровья личности: коллективная монография. Уфа: Аэтерна, 2018. С. 159–167.
5. Карабущенко Н.Б. Психология формирования профессиональных элит в вузе (результаты формирующего эксперимента) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4 (37). С. 206–215.
6. Лавер Б.И. Состояние медико-психологической и социальной адаптации человека в условиях крупного города // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2012. № 5. С. 34–41.
7. Ледовская Т.В. Особенности совладающего поведения у студентов очного отделения // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Международной научно-практической конференции, Кострома, 26–28 сентября, 2013 г.: в 2 т. /отв. ред.: Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. Т. 2. С. 120–122.
8. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты учебное пособие. М.: Бахрах-М, 2011. 386 с.
9. Сидельников А.Ю., Глебов В.В. Психологические аспекты адаптационных процессов студентов к обучению в строительном вузе // Вестник МГСУ. 2012. № 9. С. 25–29.

Об авторе:

ВЛАСЕНКО Наталья Юрьевна – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и философии, Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 7449–8646; e-mail: natalya_vlasenko@mail.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОДИНОЧЕСТВА КАК СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ

О.Ф. Гефеле

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Гефеле О.Ф., 2022

Аннотация. В статье актуализируется ценность исследования феномена одиночества как экзистенциальной проблемы современного общества. Одиночество является объектом исследования различных отраслей науки. Проводится краткий теоретический анализ разносторонних подходов к изучению психологических особенностей и факторов чувства одиночества как субъективного переживания. Феномен одиночества рассматривается как эмоциональное состояние, как психогенный фактор, как адаптивность к социальной ситуации, как качество состояния сознания. Выделяются виды одиночества, имеющие разную модальность и особенности проявления. Рассматриваются конструктивная и деструктивная функции феномена. Подчеркивается, что деструктивная форма переживания одиночества может стать фундаментом для формирования и развития депрессивного состояния. Внимание акцентируется на необходимости проведения превентивных мер в отношении деструктивных форм одиночества.

Ключевые слова: феномен одиночества, субъективное переживание, отчуждение, экзистенция.

Актуальность темы одиночества как субъективного переживания обусловлена тем, что в постковидном пространстве современному обществу многие люди стали чувствовать себя одинокими (несмотря на то что они окружены множеством индивидов). Одиночество как психологическое явление интенсивно распространяется и охватывает все возрастные группы. Появление такого феномена объясняется нарушением социальных каналов, уменьшением числа взаимодействий между людьми, состоянием хронического стресса, приводящим к изменению эмоциональной сферы личности, и т.п. Вследствие указанных изменений начало формироваться неоднородное и сложное переживание одиночества. Поэтому проблема одиночества как объекта исследования не утратила актуальности, а, наоборот, усилилась.

Феномен одиночества во многих исследованиях рассматривается как экзистенциальная проблема [1], становящаяся причиной серьезных личностных кризисов.

В связи с социальной потребностью одиночество как феномен изучается в рамках многих научных областей, притом что объяснение характера одиночества, особенностей его проявления составляет ключевую проблему отечественных и зарубежных психологических исследований. Существует много подходов к изучению данного феномена, которые рассматривают одиночество как конструктивное и деструктивное явление.

Согласно анализу, проведенному Ю.Г. Строгой, Н.Г. Лебедевой и другими учеными, негативные проявления одиночества приводят к потере человеком

идентичности, размыванию его мотивационно-ценностной сферы, препятствуют личностному и культурному развитию [9].

Теоретический обзор

Феномен одиночества – неоднородное и сложное явление. В настоящее время в современных научных исследованиях можно обнаружить несколько подходов, рассматривающих сущность феномена одиночества как субъективного переживания. В отечественной психологической науке феномен одиночества трактуют как определенное психоэмоциональное состояние, детерминированное дефицитом эмоциональных контактов с людьми (С.Л. Вербицкая, О.Б. Долгинова). С другой стороны, феномен одиночества связывают с самой социальной ситуацией (Р.С. Вейс) рассматривают как элемент социальной адаптации (Н.Е. Покровский, Г.В. Иванченко) либо как состояние сознания (Ж.В. Пузанова) [7, с. 167; 15, с.83].

Изначально одиночество изучалось в рамках философии, но в связи с развитием социально-психологических исследований в 60–70-х гг. XX столетия стали проводиться научные исследования феномена одиночества в психологической науке.

В психологических словарях предлагаются различные дефиниции феномена одиночества, но все они могут быть сведены к единому определению: «Одиночество – один из психогенных факторов, влияющих на эмоциональное состояние человека, находящегося в измененных (непривычных) условиях изоляции от других людей» [16, с. 5].

Д.А. Леонтьев, представитель экзистенциального направления в отечественной психологии, рассматривал феномен одиночества «двояко: с одной стороны – как негативное переживание социальной депривации, с другой – как потенциальный источник личностного развития» [12, с. 170].

Такие авторы, как В.Е. Каган, М.Ю. Швалб, О.В. Данчева, И. Ялом, И.С. Кон, под уединением понимают добровольный уход от контактов с окружающими, что является необходимым условием нормального развития и существования личности [16, с. 5].

Так, например, «гуманистический и экзистенциальный подходы рассматривают одиночество как естественное для человека состояние, которое может иметь различные формы проявления, но при этом неразрывно связано с поисками смысла жизни, личностным ростом, индивидуализацией и самоактуализацией» [12, с. 170].

В.И. Слободчиков, Е.П. Крупник связывают состояние одиночества с отчуждением и идентификацией [12, с. 171].

Как показывают исследования, феномен одиночества может переживаться в различных модальностях и часто сопровождается тревожностью, опустошенностью. В пограничных состояниях субъективное переживание одиночества может приводить к тревожному расстройству, депрессии. Условиями одиночества могут являться физическая или эмоциональная изоляция. В целом, исходя из психологических характеристик одиночества, этот феномен целесообразно рассматривать не как фактор, а как динамическое состояние или переживание.

Согласно С.Ю. Головину, одиночество, будучи психогенным фактором, определяет эмоциональное состояние человека [15, с. 5].

На основании проведенного нами теоретического исследования можно выделить несколько видов одиночества [2], имеющих различную модальность и психологические особенности проявления.

Отчуждающее одиночество возникает в результате обособления индивида от определенной группы людей, от принятых в группе норм, ценностей и т.п. В результате

такого отчуждения утрачиваются эмоциональные связи с окружающими людьми, что приводит к развитию негативных эмоциональных проявлений, таких как фобии, тревожность, агрессивность. Психологические превентивные мероприятия способствуют модификации одиночества в уединение.

Диффузное одиночество зарождается в результате обезличивания общения, отчуждения от своего Я, когда нарушается самопознание. Идентификация с внешним миром притупляет рефлексию, что приводит к ограничению имманентного существования индивида. Как последствие при отсутствии психологической помощи возможно возникновение депрессивных состояний разной степени тяжести.

При *астеническом одиночестве* наблюдается полнейшее отключение эмоционально-когнитивного отождествления индивида с себе подобными, обусловленное врожденной психической патологией. Основная симптоматика связана с действием защитных психологических механизмов, блокирующих эмоциональные проявления, что в дальнейшем приводит к их обеднению, а также к утрате способности к восприятию окружающего мира и полному безразличию к жизни.

Самым сложным является *диссоциированное одиночество*, которое относится к пограничным состояниям и связано с острыми переживаниями индивида. Скачкообразное преобразование отчуждения резко ослабляет психику человека при потере им способности к саморегулированию своей психической деятельности. Основная симптоматика диссоциированного одиночества – наличие тяжелых форм депрессивных расстройств либо дезориентация, сопровождающаяся неспособностью к самообслуживанию. При наличии такого вида одиночества психологическая помощь проводится в комплексе с психиатрической интервенцией.

Развитие одиночества возможно при выраженном внутриличностном конфликте, который сопровождается невротическими расстройствами со специфической симптоматикой, включая раздражительность, агрессивность, перепады настроения, нарушение процесса коммуникации.

Конструктивная функция уединенности заключается в положительном влиянии на психику в связи с тем, что оно является осознанным и может стать основой для проявления личностного потенциала индивида, средством совладания с экзистенциальным кризисом. Так, согласно А. Маслоу, Д.А. Леонтьеву, уединенность представляет собой конструктивную форму одиночества [12, с. 171–172].

В качестве ведущих психологических факторов, способствующих формированию и развитию феномена одиночества выделяют:

1) низкую самооценку, которая из-за наличия различных фобий может привести к избеганию взаимодействия и взаимоотношений с другими людьми;

2) эмоциональные барьеры в общении;

3) отсутствие навыков самораскрытия;

4) отсутствие потребности в общении;

5) отсутствие либо недостаточное развитие навыков коммуникативного взаимодействия, особенно у низкосоциализируемых лиц;

6) наличие травматического жизненного опыта взаимодействия и взаимоотношений;

7) агрессивность как личностную черту, приводящую к развитию деструктивного поведения при межличностных отношениях и взаимодействии [16, с. 5].

С точки зрения конструкта личности одиночество складывается из элементов, которые могут быть условиями для проявления данного чувства: эмоциональной или физической изоляции; снижения потребности в общении; психического состояния; личностных характеристик (тревожности, напряженности, депрессии, опустошенности,

самоотношения, уверенности в себе, ответственности, чувствительности, общительности), сопровождаемых выраженными вегетативными реакциями организма.

Социальная природа человека свидетельствует о том, что человек не может жить вне социума. С другой стороны, в современном обществе, формирующемся в эпоху цифровизации, ослабевают непосредственные эмоциональные контакты людей как следствие общего дефицита общения, что, в свою очередь, создает условия для появления и развития субъективного ощущения одиночества.

Таким образом, по мнению отечественных ученых, таких как А.А. Бодалев, С.Л. Вербицкая, О.Б. Долгинова, Е.С. Федчишина и других [3, 9, 11], одиночество можно рассматривать как социально-психологическое состояние, главными характеристиками которого являются частичный или полный дефицит социального взаимодействия и взаимоотношений, поведенческая отчужденность и отсутствие эмоциональной вовлеченности индивида (своего рода отрешенность) при вынужденном взаимодействии.

Необходимо отметить, что, как подчеркивают исследователи, проблема одиночества касается не только пожилых людей. Впервые это состояние появляется уже в подростковом возрасте (Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, И.С. Кон, Г.С. Салливан и др.), что может быть обусловлено специфическими особенностями самого периода взросления, связанного с поисками подростками своего места в социуме.

Выводы

Таким образом, в современной психологической науке наблюдаются различные подходы, изучающие основные характеристики и особенности формирования и развития чувства одиночества. Каждый подход основывается на определенной теории личности, рассматривает особенности построения коммуникативного канала в процессе общения и взаимодействия, исследует особенности формирования самосознания и адаптации в изменяющемся обществе. Переживание одиночества может происходить в разных модальностях. На данный момент в психологической науке рассматриваются различные формы одиночества, имеющие определенную психологическую характеристику, а также устанавливаются причины, приводящие к возникновению и развитию данного феномена. Согласно психологическим исследованиям, субъективное переживание одиночества характеризуется повышенной тревожностью, опустошенностью; в пограничных проявлениях феномен одиночества может привести к развитию различных форм депрессивных состояний.

Заключение

Однозначное определение одиночества как в отечественной, так и в зарубежной психологии отсутствует. Понимание этого многомерного феномена зависит от специфики и контекста того психологического подхода, в рамках которого он рассматривается.

Исследователи, изучающие феномен одиночества, отмечают как конструктивную, так и деструктивную роль данного переживания и подчеркивают, что если в конструктивном плане одиночество способствует личностному развитию и самоопределению человека, то в деструктивном оно может вызвать тревожные расстройства и депрессивные состояния. При этом для каждого возраста характерно специфическое переживание одиночества, в связи с чем превентивные мероприятия [2,9, 21], направленные на преодоление одиночества, в разные возрастные периоды являются разнообразными.

Библиографический список

1. Гефеле О.Ф., Новожилова И.В., Долгова Т.В. Феномен одиночества как экзистенциально-эмоциональное состояние в современном социуме // Психология психических состояний: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции для студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов (Казань, 24–25 февраля 2022 г.) / сост. А.В. Климанова; под общ.ред. М.Г.Юсупова, А.В.Чернова. Казань: КФУ, 2022. Вып. 16. С. 108–111.
2. Ильина В.А. Четыре измерения одиночества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2007. № 4. С. 246–253.
3. Коркия Э.Д. К вопросу о смысле одиночества: генезис научной мысли // Теория и практика общественного развития. 2021. № 3 (157). С. 35–39.
4. Корчагина С.Г. Психология одиночества: учеб.пособие. М.: МПСУ, 2008. 228 с.
5. Младенов В.И. Феноменальность одиночества в пространстве социальной реальности // Фундаментальные и прикладные исследования в науке и образовании: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Таганрог, 14 декабря 2019 года.Уфа: Агенство международных исследований, 2019. С. 47–53.
6. Рогова Е.Е. Одиночество в условиях социальной трансформации современного общества (концептуальный анализ) // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3–4. С. 68–75.
7. Сергеева О.М.,Чевакина М.А. Индивидуально-психологические особенности субъективного переживания человеком чувства одиночества // Психолого-педагогический поиск. 2021. № 4 (60). С. 166–175.
8. Стариков А.А., Гладышев В.И. Проблема одиночества: методы измерения одиночества и способы его преодоления в современном мире // HomoHolistic: человек целостный: сборник статей. Челябинск: ЮУрГУ, 2018. С. 58–64.
9. Строгая Ю.Г., Лебедева Н.Г. Переживание одиночества взрослыми людьми, имеющими семью: актуальность исследования // Наука и знание: конкурентоспособность общества, науки и бизнеса в условиях мировых интеграционных процессов: материалы международной научно-практической конференции /под общ.ред. В.В. Пономарева, Т.А. Куткович. Новороссийск: Новороссийский филиал МГЭУ, 2017. С. 172–175.
10. Трошков А.А. Проблема одиночества в современном обществе // Материалы Ивановских чтений. 2021. № 1 (32). С. 73–80.
11. Филиндаш Е.В. Социально значимые векторы феномена одиночества // Вестник Университета. 2015. № 11. С. 357–364.
12. Чуешкова А.Е. Сравнительный анализ зарубежных и российских психологических подходов к исследованию феномена одиночества // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. № 4 (10). С. 168–173.
13. Джансынкаяева Ж.Т. Одиночество как социально-психологический феномен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2012/Psihologia/12_99780.doc.htm (дата обращения: 11.03.2022).
14. Шелехов И.Л., Федчишина Е.С. Внутриличностный конфликт и одиночество // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (134). С. 164–170.

15. Шилиева И.Ф. Переживание одиночества в подростковом возрасте: половые и возрастные особенности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2018. № 4 (35). С. 83–87.
16. Шурова Н.В. Переживание уединения и одиночества у подростков // Приоритетные направления развития науки и образования. 2016. № 4–1 (11). С. 309–316.
17. Юлдашева М.Б., Эргашова З. Экспериментальное изучение чувства одиночества // Universum: психология и образование. 2021. № 5 (83). С. 31–33.
18. Янг Д.И. Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теория и ее применение // Лабиринты одиночества/ сост., общ.ред., предисл. Н.Е. Покровский. М.: Прогресс, 1989. С. 552–594.

Об авторе:

ГЕФЕЛЕ Ольга Фридриховна – кандидат философских наук, доцент педагогики и психологии, доцент кафедры психологии и философии, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 7603–7900; e-mail: helga2003@mail.ru

УДК 159: 9

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ МЧС

О.В. Захарова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Захарова О.В., 2022

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию копинг-стратегий в профессиональной деятельности сотрудников МЧС. Осуществлен теоретический анализ условий, в которых формируются и развиваются копинг-стратегии в профессиональной деятельности сотрудников МЧС. Представлены результаты психологического исследования, направленного на изучение когнитивных, эмоциональных и поведенческих копинг-стратегий, а также продуктивных стратегий, используемых сотрудниками данного ведомства.*

***Ключевые слова:** профессиональная деятельность, стрессовые ситуации, психотравмирующие факторы, копинг-стратегии, психологическое обеспечение.*

Особенности профессиональной деятельности сотрудников МЧС России предъявляют высокие требования к представителям этой профессии. Это связано с тем, что сотрудники данного ведомства в своей профессиональной деятельности непрерывно подвергаются как эмоциональным, так и физическим нагрузкам. Специфика профессиональной деятельности сотрудника МЧС заключается в наличии стрессогенных, психотравмирующих факторов, которые накладывают своеобразный отпечаток на личность, деятельность и образ жизни сотрудника. При этом следует учесть, что сотрудник МЧС находится в состоянии стресса постоянно, а не только во время служебной деятельности.

Стресс – это реакция (или эффект), вызванная воздействием неблагоприятных физических, психологических или социальных факторов. Реакции могут включать физические, когнитивные, поведенческие и аффективные изменения в поведении людей. Стресс у сотрудников МЧС может быть вызван не только спецификой работы в силовом ведомстве, взаимоотношениями в коллективе и с руководством, но и частной жизнью, а также обстановкой в стране и мире.

Изучением стресса первым стал заниматься канадский физиолог венгерского происхождения Ганс Селье (1907–1982). Он исследовал вопросы адаптации и приспособления организма к стрессу. Сам Селье признавал, что стресс воздействует на каждого человека по-разному. Условия, в которых один человек испытывает серьезный стресс, другой может воспринимать лишь как слегка тревожащую ситуацию [7].

Адаптироваться к воздействию стресса можно и с помощью тренировок: регулярно испытывая стресс, организм человека приспособливается к нему. Эта способность управлять реакцией на стресс особенно полезна для сотрудников МЧС, которые в силу своей профессии должны быть выносливыми, чтобы их организм мог сопротивляться негативному воздействию стресса более длительный период времени [4].

Работа сотрудника МЧС осложняется ежедневным переживанием специфических стрессовых ситуаций. Особые условия профессиональной деятельности, такие как необходимость принятия решения в условиях дефицита времени, ситуациях неопределенности и риска, просоциальные установки, оказывают существенное психотравмирующее влияние на сотрудника, приводя со временем к развитию психосоматических заболеваний и появлению различных состояний, снижающих эффективность профессиональной деятельности. Здесь необходимы адекватные механизмы защиты личности своего «Я», которыми являются копинг-стратегии поведенческих реакций в стрессовых ситуациях [4].

Термин «копинг» введен в психологию американским психологом Абрахамом Маслоу. Под копингом понимают определенные стратегии, способствующие совладанию со стрессовой ситуацией. Именно они детерминируют определенный уровень стрессоустойчивости человека [5]. Таким образом, копинг-поведение является механизмом, компенсирующим и устраняющим напряженную ситуацию осознанным и рациональным принятием решения. Все это дает возможность поддерживать внутреннее и внешнее благополучие человека, сохраняя его психическое и физическое здоровье.

Важным событием в исследованиях совладания стало создание Робертом Фолкманом и Сьюзен Лазарус «способов совладания». Эта шкала была разработана для оценки степени использования одного из двух общих типов совладания: проблемно ориентированного и эмоционально ориентированного копинга [9]. Проблемно ориентированный копинг направлен на решение проблем или принятие мер по изменению источника стресса. Сюда относятся стратегии, предполагающие воздействие на окружающую среду (поиск поддержки у других для решения проблемы и т.д.) или на самого себя (например, когнитивная перестройка). Эмоционально ориентированное преодоление, напротив, фокусируется на уменьшении или управлении эмоциональным стрессом, возникающим в результате кризиса. Оно включает в себя ряд стратегий, которые применяются для регуляции стрессовых эмоций (таких, например, как использование психотропных веществ, «вентиляция эмоций») [4]. Некоторые стратегии совладания, ориентированные на эмоции, включают принятие желаемого за действительное, дистанцирование, избегание и позитивную переоценку.

Эффективность любой конкретной стратегии совладания варьируется в зависимости от ситуации, и для сотрудников МЧС не существует единого общепринятого способа справиться со стрессом. Более того, большинство кризисных ситуаций предполагает использование обоих типов преодоления. Проблемно ориентированные стратегии обычно применяются, когда можно предпринять конструктивные действия, тогда как эмоционально ориентированные копинг-стратегии оказываются эффективны тогда, когда люди чувствуют, что ситуацию нельзя изменить и она должна быть пережита. В целом проблемно ориентированные копинг-стратегии считаются более эффективными, чем эмоционально ориентированные способы совладания со стрессом. Люди, использующие активные стратегии совладания, обычно считают себя контролирующими, придерживаются позитивных взглядов на себя и принимают проактивный, оптимистичный и уверенный в себе подход к управлению жизненными стрессорами. Напротив, те, кто полагается на эмоционально ориентированные стратегии совладания, включая самообвинение, избегание или даже употребление наркотиков или алкоголя, справляются менее хорошо, чем те, кто предпочитает активные стратегии, например поиск социальной поддержки. Можно сказать, что эмоционально ориентированные стратегии, такие как позитивная переоценка постоянного состояния или ситуации, направлены на улучшение психического здоровья [3].

Поведенческая копинг-стратегия как способность действовать в своих долгосрочных интересах в соответствии с фундаментальными ценностями личности позволяет человеку чувствовать одно, но поступать по-другому. Теория саморегуляции просто описывает процесс, когда индивид решает, что думать, чувствовать, говорить и делать. Это особенно важно при наличии возможности выбора, когда человек испытывает сильное желание поступить противоположным образом.

Нами было проведено психологическое исследование, в котором приняли участие сотрудники Главного управления МЧС России по Тверской области в возрасте от 23 до 35 лет в количестве 30 человек (15 женщин и 15 мужчин).

Для эмпирического исследования использовалась методика Э. Хайма «Диагностика индивидуальных копинг-стратегий в стрессовых ситуациях». Данная методика направлена на определение индивидуального стиля борьбы со стрессом. Результаты эмпирического исследования представлены в виде диаграмм (рис. 1–3).

Стратегии совладания со стрессом могут быть продуктивными, относительно продуктивными и непродуктивными. Продуктивные копинг-стратегии способствуют быстрому и успешному совладанию со стрессом. Относительно продуктивные копинг-стратегии могут помочь в некоторых не очень значимых ситуациях или при небольшом стрессе. Непродуктивные стратегии не устраняют стрессовое состояние, напротив, способствуют его усилению.

Были получены, согласно дескриптивному анализу, данные о том, что из когнитивных копинг-стратегий сотрудники чаще выбирали такие стратегии, как «относительность», «могло быть и хуже», «придача смысла», «религиозность», т.е. формы поведения, направленные на оценку трудностей в сравнении с другими, придание особого смысла их преодолению, вера в Бога и стойкость в вере при столкновении со сложными проблемами. По полученным результатам можно сделать вывод, что респонденты предпочитают использовать относительно продуктивные когнитивные стратегии совладания со стрессом (рис. 1.)

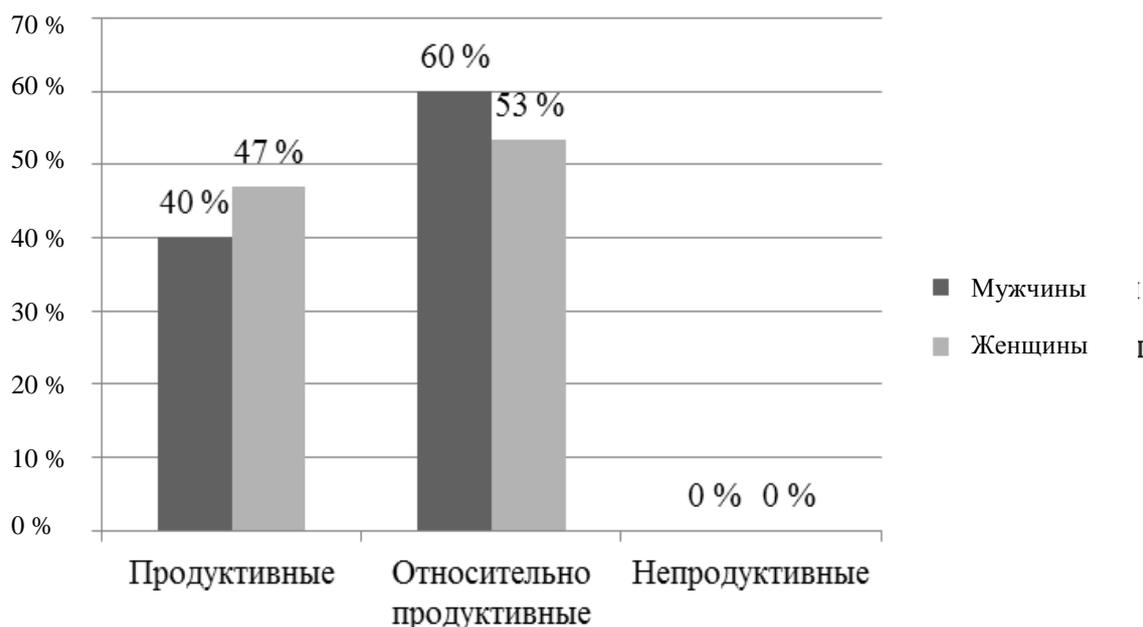

Рис. 1. Результаты исследования когнитивных копинг-стратегий, используемых сотрудниками МЧС

При исследовании эмоциональных копинг-стратегий выяснилось (рис. 2), что респонденты чаще всего выбирали продуктивные копинг-стратегии, такие как «протест» – эмоциональное состояние с активным возмущением по отношению к трудностям и «оптимизм» – уверенность в наличии выхода из сложных ситуаций. Однако среди опрашиваемых сотрудников были и те, кто выбирал непродуктивные копинг-стратегии, такие как «подавление эмоций», «покорность», «самообвинение», «агрессивность», т.е. варианты поведения, характеризующиеся сниженным эмоциональным фоном, состоянием безнадежности, покорности и недопущения других чувств, переживанием злости и возложением вины на себя и других.

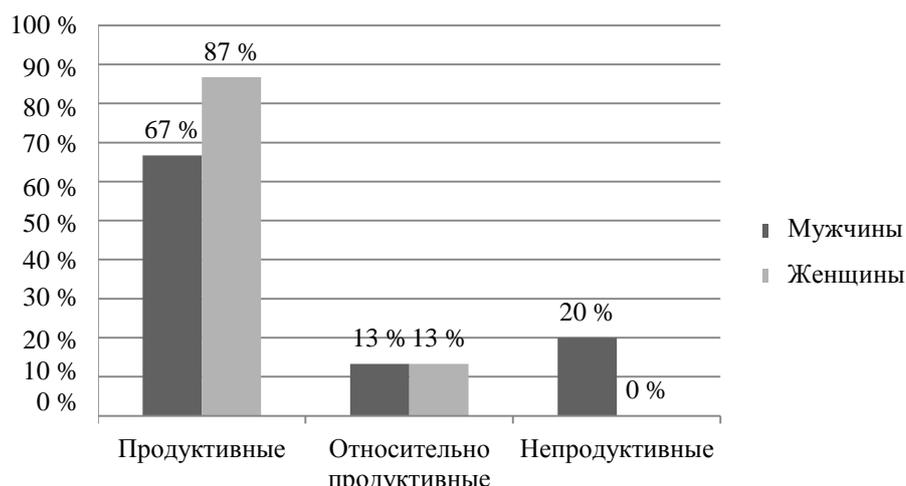

Рис. 2. Результаты исследования эмоциональных копинг-стратегий, используемых сотрудниками МЧС

Анализ поведенческихкопинг-стратегий показал, что женщины в одинаковой мере склонны использовать как продуктивные, так и относительно продуктивные копинг-стратегии (рис. 3); чаще, чем мужчины, выбирали такие варианты, как «сотрудничество», «обращение за помощью», «альтруизм», т.е.адаптивное поведение, при котором они вступают в сотрудничество со значимыми (более опытными) людьми, ищут поддержки в ближайшем социальном окружении или сами предлагают ее близким в преодолении трудностей.

Мужчины же в основном выбирали поведенческие реакции с относительной продуктивностью и чаще отдавали предпочтениенепродуктивным стратегиям, чем продуктивным. В стрессовых ситуациях для них характерны такие стратегии совладания, как «компенсация», «отвлечение», «неконструктивная активность», т.е. поведение, характеризующееся стремлением к временному отходу от решения проблем с помощью алкоголя, лекарственных средств, погружения в любимое дело, путешествий, исполнения своих заветных желаний.

Таким образом, в результате исследования нами были выявлены уровни применения когнитивных, эмоциональных и поведенческих копинг-стратегий сотрудниками МЧС. Наиболее часто применяемыми среди опрошиваемых стали следующие копинг-стратегии: в когнитивной сфере – «придача смысла»; в эмоциональной – «оптимизм»; в поведенческой – «отвлечение». Исследование показало, что в целом использование относительно продуктивных стратегий респондентов количественно превосходит применение продуктивных и непродуктивных.

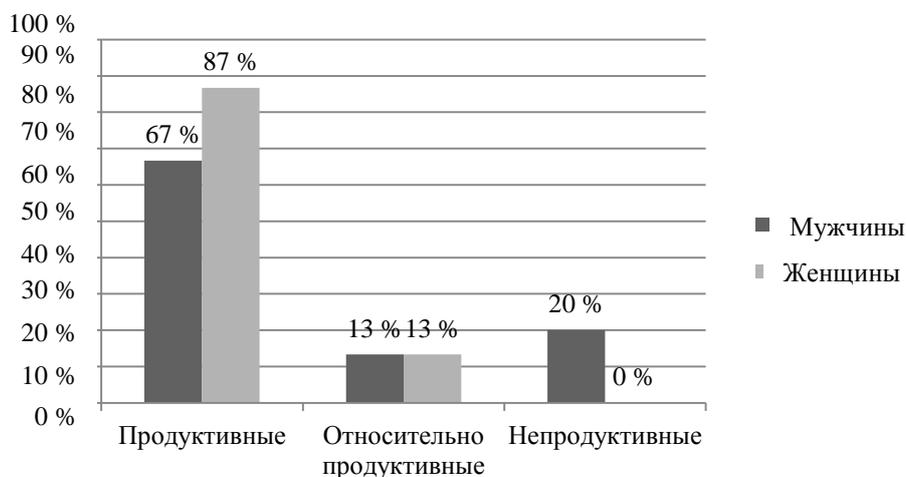

Рис. 3. Результаты исследования поведенческихкопинг-стратегий, используемых сотрудниками МЧС

Полученные данные могут способствовать разработке эффективного психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников МЧС. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости формирования соответствующего копинг-поведения представителей данной профессии, что позволит им в критических ситуациях адекватно реагировать на стрессовое воздействие.

Библиографический список

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основные теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004. 166 с.
2. Битюцкая Е.В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 1. С. 100–111.
3. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2011. 701 с.
4. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 88–95.
5. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы/ под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008. 474 с.
6. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982. 124с.
7. Naan N. Coping and defending. Process of selfenvironment organization. N.Y.: Academic Press, 1977. 346 p.
8. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer Pub. Co., 1984. 445 p.

Об авторе:

ЗАХАРОВА Ольга Викторовна – старший преподаватель кафедры психологии и философии, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 5894–8542; e-mail: olga.zakharova.71@list.ru

УДК 316.7

МАССОВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ – ТЕКСТ – ВНЕТЕКСТОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ

О.М. Крижовецкая

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Крижовецкая О.М., 2022

***Аннотация.** Статья посвящена социологическому аспекту современного литературного процесса. Прослеживаются дискурсивные механизмы, направленные на воплощение авторской концепции смыслов, связанных с изменившимися социокультурными условиям. Рассматриваются писательско-читательские субъектные отношения в массовой культуре, связанные с перераспределением «жизненных» ролей в современном обществе. Подчиняясь принципам дискурс-анализа, автор статьи ставит перед собой цель проанализировать бытие литературно-художественного текста массовой культуры в контексте внетекстовой реальности. Выявляются механизмы, определяющие динамические связи между автором современного текста, текстом, реципиентом и его проекцией на текст. На примере романа Л. Улицкой «Медея и ее дети» показано, как практика текстопостроения ориентируется на определенного читателя и соотносится с коммерческой спецификой текста.*

***Ключевые слова:** литературный процесс, современная массовая литература, массовый читатель, дискурс-анализ, текст, миф, нарратив, Л. Улицкая.*

Текст массовой современной художественной литературы одновременно как факт культуры и как факт социума находится под воздействием читателя и, в свою очередь, воздействует на него. Помимо филологических методов, изучение такого текста должно вестись и с применением иного инструментария, относящегося к дисциплинам социокультурной и антропологической ориентации, среди которых социология, социальная психология, культурология, книговедение и т.д. С учетом этого условия исследователь может анализировать реальный (а не желаемый) формат литературного процесса как сложного синтетического и одновременно динамического и диалогического единства, элементами которого являются реальные (а не умозрительные) участники коммуникации: люди пишущие и люди читающие, которые продуцируют и «потребляют» смыслы (т.е. культурные объекты) [10]. Говоря иначе, такой аналитический подход позволит выявить и проследить литературные тексты в современном культурном контексте и последствия «работы» этих текстов.

В качестве методологии изучения литературно-художественного текста массовой культуры сегодня широко рассматриваются принципы дискурс-анализа, вошедшие в социологические, культурологические, лингвистические литературоведческие исследования [1, 5, 10, 11, 13]. На наш взгляд, дискурс-анализ представляется оптимальным в исследованиях текстов современной художественной (в особенности массовой) литературы, так как открывает возможности для разработки и применения методологического инструментария с целью исследования соотношения текста и внетекстовой реальности. «Дискурс-анализ литературно-художественного произведения есть выявление механизмов конструирования художественного мира, а также смысловых последствий реализации языковых механизмов, воплощающих замысел писателя» [11, с. 88].

Подчиняясь принципам дискурс-анализа (дискурс – речь, погруженная в жизнь [2, с. 136]), автор настоящей работы ставит перед собой цель проанализировать бытие литературно-художественного текста массовой культуры в контексте внетекстовой реальности (рассмотреть семантику текста в соотнесенности с его прагматикой и синтактикой). Прагматика и синтактика художественного знака определяют семантику текста как смысловую реализацию работы текстовых (смыслопорождающих) механизмов.

В научной парадигме современного социокультурного знания понятия «текст», «дискурс», «нарратив» рассматриваются как базовые. Текст содержит скрытые смыслы, нарратив выступает как макроструктурная модель, «специфическая дискурсивная практика представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула, интрига), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения» [1, с. 40]. Социальная прагматика нарратива соотносит каждый его тип со значимыми в социуме коллективными представлениями о ценностях, идеалах, мифах. Социальные мифы как мирообразующие константы реализуют космогоническую модель мира, выполняя функции осмысления, упорядочивания и восстановления бытия. Космогоническая модель мироздания, присущая как первобытному, так и современному мышлению, дает возможность человеку на разных этапах его существования организовать социальные отношения по архетипическим законам мироустройства, помогает найти выход из хаоса и разъединенности. Такая модель лежит в основе сюжетов современной массовой культуры и литературы и отсылает в первую очередь к исследованию В.Я. Проппом волшебной сказки [12].

Дискурсивные механизмы, направленные на воплощение авторской концепции смыслов, связанных с изменившимися социокультурным условиям и призванных способствовать адаптации современного общества к этим условиям, рассмотрим на материале современной популярной прозы в ее качественном варианте – беллетристике (подробнее о дифференциации литературы, в том числе беллетристики и массовой литературы, см. в [6]). Романы Л. Улицкой олицетворяют культурное «настоящее» как повседневное и удовлетворяют тривиальный интерес читателя. Встраиваясь в культурные стереотипы, «освежая» их и слегка активизируя (подробнее см. [5, с. 81–86]. Беллетристика обеспечивает комфортное для массового читателя узнавание известного в неизвестном, создает чувство удовлетворенности собственной компетентностью в сфере социокультурных феноменов, помогает понять время существования и предшественников, так и себе подобных [3, с. 301]. Сохраняя «формы прошлого» и представляя собой «многослойную структуру» [7, с. 823, 288], массовая литература и, в частности беллетристика, создает представление об «упрощенной, сведенной к средним нормам картине литературы эпохи, на основании которой легче всего строить средние исследовательские модели вкуса, читательских представлений и литературных норм» [7, с. 820].

Беллетристику как изящную словесность отличает игровая репрезентация повествовательных приемов (нарративных моделей) и характерологии (актантных структур) – материал, восходящий к типовым ситуациям человеческих взаимоотношений, который моделируется в виде готовых игровых, ролевых и прочих правил и конфликтов.

«Повседневная жизнь современного общества во все возрастающей степени определяется качеством, у которого есть некоторые общие черты с игровым и в котором скрыт необычайно богатый игровой элемент современной культуры» [15, с. 231], – это наблюдение, сделанное в первой половине прошлого столетия, справедливо и в наши дни: игровое содержание современности постоянно пополняется новыми ролями и правилами игры.

В качестве примера обратимся к творчеству Л. Улицкой, произведения которой сегодня активно продаются и читаются, в частности, к популярному среди массового читателя роману «Медея и ее дети». Повествуя о современной повседневности, Л. Улицкая пользуется классическим арсеналом повествовательных приемов и характерологии, но последние принципиально инверсированы. Эта инверсия – возвращение к известным и отработанным моделям в широкой социокультурной практике.

Семья – доминантная первичная культурная общность, один из «топосов» художественного мира современного эпоса. Исследуя современную действительность, Л. Улицкая делает точкой отсчета состояние семьи, в которой меняет содержательное наполнение внутрисемейных ролей.

Отсылая к традиционным образам женственности, Л. Улицкая в то же время разрушает стереотипы предшествующих эпох, подвергает пересмотру традиционные представления о различиях мужского и женского начал, поскольку такие гендерно окрашенные понятия, как активность и пассивность, интеллект и эмоции, сила и слабость, дух и тело, в современном популярном романе меняются местами.

Сюжет романа – рассказ о судьбах членов большой семьи Медеи Мендос (Синопли), предки которой приехали в Крым из Греции. Семейная хроника превращается в «семейную мифологию» – это определение не раз дается в тексте романа и включает определенный код читательского восприятия.

Образ Медеи Синопли отсылает читателя к героине Коринфского эпоса, но при этом Медея Улицкой лишена важнейших черт античной Медеи (сюжет античного мифа – история гибели семьи). Автор апеллирует к античной мифологии, но в то же время переосмысливает классический сюжет о детоубийстве, поскольку героиня вступает в конфликт с семантической структурой устойчивой мифологемы, десемантизирует ее. Античная мифологическая система – «общие мифологические места» [8, с. 24] – в романе разрушается, мифологизм в «Медее и ее детях» становится не содержательным, а формальным компонентом, при помощи которого структурируется повествование,

Медея Мендос бездетна, она не убийца, а хранительница семейного очага, родовой памяти: героиня объединяет родню, хранит семейный архив, ставит большой крест на могиле родителей, ухаживает за могилой мужа и др. Кроме того, Медея принимает на себя мужские функции, изменяя гендерные характеристики античной мифологемы: вся ее жизнь сосредоточена на многочисленной многонациональной семье – основных составляющих бытия. Это бытие – символическая модель мира женщины, которую реконструирует автор. Бездетная женщина, праведница, целительница, Медея собирает в своем доме и объединяет многонациональную семью, сглаживает и стабилизирует обстановку в ней. В этом добром отношении к каждому из близких как к единокровному члену семьи заложена идея о возможности бесконфликтного сближения различных культур, религий и народностей – реконструкции некоего золотого века, всемирного человеческого братства: «Семья Синопли была представлена всеми своими ветвями – ташкентской, тбилисской, вильнюсской, сибирской...» [14, с. 248]. Синкретизм обеспечивается общей кровью, общим историческим корнем: родословная семьи Медеи прослеживается до пятого колена. Ее дом приобретает символическое значение: центр мироздания, вселенная огромной семьи, храм, священная земля.

Героине Улицкой присущи черты античной божественной красоты: строгое лицо, медные волосы, горделивая осанка и др. Ее социальная роль – медицинский работник – дополняет психологический и нравственный портрет: она всегда и у истока жизни, и у ее исхода. Подобно античной предшественнице, которая выпускает старую кровь из отца Ясона и вливает живительный отвар, Медея Мендос проводит скорее обряд, чем медицинские процедуры: промывая раны Самуила (своего мужа) после операции настоем из трав, «она знала, что делала: травы вымывали из него яд болезни». «Это была все-таки жизнь, и Медея готова была нести этот груз бесконечно...» [14, с. 154].

Как и героиня древнего мифа, она наделена даром всеведения, ей открыты тайны мира: «Вся округа, ближняя и дальняя, была известна ей как содержимое собственного буфета» [14, с. 6].

Монументальность характера позволяет соотносить Медею с древними богами, что непосредственно связано с хронотопическими характеристиками мифа – бог (как и Медея) наделен завершенностью, законченностью, вечной жизнью, молодостью или зрелостью. Такое понимание «совершенства и неизменности божественных образов соответствует представлению о цикличности бытия вообще и процессов божественного вмешательства в ход мировой истории» [4, с. 170]: циклично и время мифа, и время романа «Медея и ее дети». Читательская рефлексия читателя направлена к одному топосу как единой точке схождения всех смыслов, а человеческая жизнь трактуется как момент в циклической смене периодов бытия. Мифологично и мышление героини, что проявляется в традициях ее дома и в самом ритме ее жизни, соотносимом с

природными циклами. В семье существует негласный запрет ходить к колодцу после захода солнца, обычаем кормить детей и взрослых за разными столами, наплывы многочисленной родни происходят летом и др. Мифологизм как миропонимание реализуется в романе Л. Улицкой в качестве художественного приема и средства сюжетосложения. Цикличность и повторяемость в нем становятся ведущими принципами повествования, проявляющимися в судьбах героев. Главные родовые черты передаются из поколения в поколение, основные векторы жизненного пути героев повторяются.

В «семейной мифологии» Л. Улицкой цикличность проявляет себя как символ обновления и семейной памяти, упорядочивающих бытие героев; как архитектурный каркас «неомифа», утверждающего незыблемость семейных ценностей. Для художественного пространства произведения характерны уплотнение, концентрация, что предопределено прикрепленностью жизни к ограниченному пространству, существенно не связанному с другим миром. На уровне нарративной структуры подобная концентрация пространства предопределена редукцией хронологического аспекта хронотопа, его циклическим характером. Вероятно, в этом проявляется и одна из характеристик «женского» мира как гендерно окрашенного варианта художественной концепции бытия. Вокруг Медеи Л. Улицкая моделирует внепространственный сюжет: место – везде, время – всегда. Уплотнение, концентрация пространства и, как следствие этого, замедление, исчезновение времени становятся структурирующей основой романа. «Полная растворенность всего во всем отменяет обычные категории времени и пространства (которые суть именно категории), вытесняя представления о прошлом, будущем и настоящем, близком и далеком понятиями *всегда и везде*» [9, с. 47].

Проведенный анализ показывает, каким образом трансформируются представленные в современной массовой литературе нарративные модели классики. Точкой отсчета в художественном моделировании становятся компоненты и символы первичных культурных общностей, связанные с гендерной дифференциацией, что проявляется в наиболее значимых категориях поэтики: пространственно-временных отношениях и нарративно-актантных моделях.

«Маскулинизация» женского мифа в романе основывается на инверсии одной из известных женских мифологем. Указание на миф как прецедентный текст содержится уже в названии произведения, автор которого полемизирует с каноническим женским мифом. Женщина становится центром семейного мира и – шире – мира вообще. Проза Л. Улицкой «женоцентрична»: писатель подвергает инверсированию всю семейную структуру как топологическую основу современной прозы, ее нарративно-актантную модель. Призванная воплотить образ Великой Богини, героиня не является при этом женщиной в матрице культурно-мифологических представлений. В основе ее женской добродетели – мужской образец, она инверсирована при сохранении основных структурных особенностей мифологемы. Обладая чертами и способностями своей предшественницы, Медея Л. Улицкой уступает той по силе кипящих в ней и вокруг нее страстей и представляет собой не просто анти-Медею, но и некий «сглаженный», цивилизованный вариант мифологического персонажа, адаптированный к уровню современного мировосприятия, поведенческим нормам и т.д. Иными словами, происходит «беллетризация» мифологической традиции (если исходить из этимологии слова «беллетристика» – изящная словесность; Медея греческого мифа и Медея Еврипида далеко не изящны).

Улицкая отказывается от исторического детерминизма образов романа и обращается к универсальной психологии человека в ее связи с проблемой семьи.

Переосмысливая культурные символы, связанные с женщиной, писательница создает новый мономиф, который в современной литературе становится средством «концептуализации мира, того, что находится вокруг человека и в нем самом» [8, с. 24].

Использование методов дискурс-анализа позволило рассмотреть, как авторская система смыслов, обусловленная внетекстовой реальностью, вербализуется и становится текстом – полем рецептивного смыслообразования, формирования системы смыслов и метасмыслов, актуальных для современного массового читателя, находящегося под воздействием внетекстовой реальности.

Библиографический список

1. Андреева К.А. Грамматика и поэтика нарратива: монография. Тюмень: ТГУ, 1996. 192 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Бродский И. Нобелевская лекция // Поклониться тени: эссе. СПб.: Азбука-классика, 2000. С. 297–313.
4. Богатырев А.А. Схемы и форматы индивидуационноинтенционального начала беллетристического текста: монография / науч. ред. И.П. Сусов. Тверь: ТГУ, 2001. 197 с.
5. Волкова Н.А., Миловидов В.А. Интертекстуальность как средство организации воздействия кинематографического текста // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов международной научно-практической конференции / отв. ред.: Н.А. Комина, И.В. Дорофеева. Тверь: ТГУ, 2007. С. 81–86.
6. Крижовецкая О.М. Литература, беллетристика, массовая литература: проблема дифференциации // Мир русского слова. 2009. № 2. С. 79–84.
7. Лотман Ю.М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 817–826.
8. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе М.: РГГУ, 2019. 170 с.
9. Миловидов В.А. Поэтика натурализма. Тверь: ТГУ, 1996. 162 с.
10. Миловидов В.А. Проблема идеального читателя в контексте методологии дискурс-анализа литературного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2007. № 28 (56). С. 108–112.
11. Миловидов В.А. Семиотика литературно-художественного дискурса: монография. М.: Буки Веди, 2016. 172 с.
12. Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
13. Тюпа В.И. Художественный дискурс. (Введение в теорию литературы). Тверь: ТГУ, 2002. 80 с.
14. Улицкая Л. Медя и ее дети. М.: Эксмо, 2003. 256 с.
15. Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня / общ.ред. и послесл. Г.М. Тавризян. М.: Прогресс, 1992. 464 с.

Об авторе:

КРИЖОВЕЦКАЯ Оксана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 1053–8017; e-mail: krizhok@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.И. Филиппченкова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Филиппченкова С.И., 2022

***Аннотация.** В статье анализируется проблема психологической адаптации студенческого контингента к условиям образовательной среды на начальном этапе обучения. На основе теоретического анализа указывается ряд специфичных параметров, характеризующих успешность или негативное течение рассматриваемого нами явления. Определены объективные и субъективные детерминанты, оказывающие влияние на протекание данного процесса. Описывается содержание наиболее известных теорий, концепций зарубежных и отечественных ученых по заявленной проблематике. На основе полученных сведений разрабатывается программа экспериментальной части работы с указанием особенностей выборки (курс, возраст, пол). Проводится подбор психодиагностического инструментария, математико-статистических методов и интерпретируются полученные закономерности. Подчеркивается важность контроля над психосоциальным развитием будущих специалистов как основы психологического здоровья и социальной активности.*

***Ключевые слова:** адаптация, адаптационный ресурс, образовательная среда, психологический критерий, субъективное благополучие.*

Период юности – уникальный этап в профессиональном становлении молодого человека. Он является своеобразным «мостом» для перехода от детства (детских переживаний) к взрослому состоянию, предполагающему необходимость перестройки поведенческой линии, трансформацию отношения к жизни на совершенно ином уровне. С психологической точки зрения данная трансформация сопровождается кризисным состоянием, так как привыкание к новой социальной ситуации развития происходит посредством преобразования ранних форм активности с окружающим миром [4]. Все перечисленные тенденции создают условия для образования новых элементов в структуре личности.

Упомянутые закономерности ставят перед психологической службой важные задачи, которые направлены на создание комфортных условий для процесса вхождения юношей и девушек в вузовскую среду [9]. Достижение поставленных целей становится возможным только при понимании сущности явления «адаптация», в частности «социальная адаптация», а также конкретизации ряда ее ведущих детерминант. Особое значение приобретают знания о специфических признаках психологической адаптации, заданных совокупностью реакций личности именно на воздействие комплекса факторов учебной атмосферы, сформировавшейся в образовательном заведении [6].

В психолого-педагогической литературе отмечается, что адаптация к новому типу обучения для «новоиспеченных» студентов на всех ее уровнях (физиологическом, индивидуально-психологическом, социальном) протекает сложно, динамично и многопланово [12]. Поэтому стабильность этой системы зависит от грамотно выстроенной программы медико-биологического, психолого-педагогического, социально-экономического сопровождения студентов на всех ступенях обучения. И,

конечно, нельзя оставить без внимания роль комплекса возможностей студента, включая личностный потенциал, общие ресурсы, уровень подготовки, в успешном освоении новых условий деятельности [10].

Попытка провести краткую систематизацию современных представлений ученых о феномене «адаптация» в области теории и практики показала, что существует большое количество терминов, трактующих содержание этого понятия [14]. Концептуальное ядром многих из них отражает конкретную сферу, к которой приспособляется человек, и (или) тот уровень организации, на котором протекает собственно адаптация (биологический, психологический, социальный, организационный). Так, например, раскрытие особенностей протекания социальной адаптации индивида возможно посредством изучения его социального статуса, профессионального самоопределения, сформированности социально значимых качеств, занимаемого положения в обществе (коллективе), удовлетворенности личностным статусом, степени проявления индивидуальности [11].

Следует отметить, что наиболее известным определением адаптации в научной литературе является следующее: адаптация – это способность организма и групп организмов приспособлять их строение и функции к условиям жизни [5]. В рамках организационной психологии адаптация рассматривается как «взаимное приспособление работника и организации, основывающееся на постепенной вработываемости сотрудника в новые профессиональные, социальные и организационно-экономические условия труда» [10]. Учет перечисленных моментов в предлагаемых определениях позволяет вывести обобщенную формулировку: адаптация – форма приспособления человека (организма) к изменениям, происходящим во внешней и внутренней средах. При этом общими закономерностями во всех предлагаемых понятиях будут следующие:

- 1) протекание процесса адаптации (становится возможным при взаимодействии двух объектов);
- 2) запуск механизмов адаптации (происходит только в нестандартных, необычных (дисбаланс системы) условиях);
- 3) взаимодействие в процессе адаптации (имеет цель, которая заключается в достижении координации систем, некоторого баланса, при этом последний может варьироваться в широких диапазонах);
- 4) достижение цели (может свидетельствовать об изменениях, произошедших внутри взаимодействующих систем) [5].

Отправными точками к поддержанию равновесия и стабильности системы в адаптационном процессе являются наличие динамики в состоянии субъекта в конкретной среде и появление таких изменений в другой. Индикаторами адаптации выступают преломления внутренней среды, трансформация окружающей среды и перемены в субъекте.

В рамках зарубежной литературы проблема адаптации анализируется как вид приспособления организма к условиям окружающей среды. Так, Дж. Симпсон описал приспособительную динамику в процессе онто- и филогенеза. Им выделены следующие виды адаптации:

- 1) индивидуальная и групповая;
- 2) генотипическая и фенотипическая;
- 3) статистическая и динамическая [7].

М.А. Шабанов выделяет два типа адаптации – созидательную и регрессивную. Первая способствует приобретению новых улучшенных свойств, тогда как вторая разрушает уже имеющиеся навыки и свойства. В.Н. Порохин раскрывает особенности

механизмов адаптации при помощи детального анализа адаптационных реакций человека, находящегося в необычных (нестандартных) условиях. Активность в данном случае будет направлена на создание в воображении картин, превосходящих вербальную коммуникацию, возможные варианты взаимоотношений в микрогруппе, принятие привычных ролей [8].

Показательным критерием адаптивности личности является адекватная самооценка окружающей действительности, а также своих качеств, способностей, возможностей при соотношении с оценкой со стороны («значимые другие»). Ю.С. Бабахан отмечает, что верная самооценка (на основе сознательности и интуитивности) дает возможность человеку найти уникальную «позу» индивидуальности в отношении содержания и условия деятельности, что составляет основу личностной адаптации [1].

Обращая внимание на проблему адаптации личности к процессу обучения, необходимо указать, что главной целью педагогического процесса в образовательном учреждении является создание максимально благоприятных условий для гармоничного развития личности [2]. Кроме того, важен контроль над формированием мировоззренческих позиций и установок в отношении профессионального обучения, специальности как основы профессионального успеха [3]. В этом смысле существенная часть педагогической деятельности основывается на постоянном взаимодействии в системе «преподаватель – студент». Однако ступень образования предполагает ответственное и дисциплинированное отношение к обучению со стороны студента с самого начала, а общение в приведенной нами системе приобретает совершенно иной характер (отличный от школьного). Поэтому быстрая адаптация студентов на начальных курсах представляет собой важный компонент успеха в учебе, так как большинство традиционных методов обучения отличаются специфичностью, учебный материал значительно больше по объему, а время ограничено. Принятие личностью сложившихся условий обеспечит ее быструю интеграцию в коллектив, устойчивость при преодолении трудностей, сохранение психологического равновесия.

Базисными критериями эффективной адаптации студентов к вузу, с психологической точки зрения, будут выступать следующие показатели: субъективное благополучие, самооценка, состояние удовлетворенности от составляющих образовательного процесса, характер межличностных отношений, структура коммуникации, поведенческая активность и др.

Целью психодиагностического исследования выступил скрининг уровня выраженности психологических предикторов адаптационного потенциала у студентов 1–2-х курсов технических специальностей. Диагностика интересующих психологическую службу параметров проходит ежегодно в рамках Центра психологической поддержки. Контингент обследуемых составил 124 человека в возрасте 17–19 лет.

База: Тверской государственный технический университет, Центр психологической поддержки. Психодиагностические мишени: моральная нормативность поведения, коммуникативные способности, нервно-психическая устойчивость, адаптационный потенциал, показатели субъективного благополучия.

Функциональное обеспечение:

1. Методика «Адаптивность» А.Г. Маклакова (шкалы: «моральная нормативность поведения», «нервно-психическая устойчивость», «коммуникативные склонности», «адаптационный потенциал»).

2. Методика диагностики субъективного благополучия Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой (шкалы: «эмоциональное благополучие», «экзистенциально-деятельностное благополучие», «эго-благополучие», «гедонистическое благополучие», «социально-нормативное благополучие», «субъективное благополучие»).

Математико-статистическая обработка данных: SPSS-18 (дескриптивная статистика).

По полученным результатам было установлено, что в психологической структуре адаптационного ресурса студентов на начальном этапе обучения ярко выраженные закономерности отсутствуют. Практически все исследуемые признаки входят в зону нормы выраженности качества, и только показатель по коммуникативным склонностям демонстрирует тенденцию к росту (ближе к высоким значениям) (рисунок).

Общий уровень адаптационного потенциала также соответствует норме выраженности признака (4,3). Студенты хорошо приспособились к условиям обучения в вузе, однако адаптация потребовала усилий и активации всех ресурсов. Несмотря на благоприятный показатель значений, достигнутый порог находится в нижних пределах нормы, а это значит, что необходим постоянный мониторинг выраженности исследуемых психологических состояний.

Структурные элементы адаптационного потенциала студентов на начальном этапе обучения

Исследование структуры субъективного благополучия позволило установить, что все диагностируемые параметры также находятся в пределах установленной нормы. Наиболее выраженными являются социально-нормативное (3,1) и экзистенциально-деятельностное благополучие (5,8). Далее следуют эмоциональное и эго-благополучие (соответственно 4,1 и 2,7). В целом респонденты удовлетворены процессом обучения, окружением, комфортно чувствуют себя в когнитивном и эмоциональном плане. Общее состояние соответствует моделям картины жизни и желаемым результатам.

Таким образом, благоприятное течение адаптационного процесса является необходимым условием для активности учебной деятельности и одним из условий ее эффективности. Потому для поддержания позитивного функционирования студента в выбранной им социальной роли и конкретной образовательной среде важно учитывать множество факторов адаптации, в том числе и психосоциальные.

Библиографический список

1. Бабахан Ю.С. Самооценка студента как показатель его способности к учебной адаптации // Психологические и социально-психологические особенности адаптации студента: материалы симпозиума / отв. ред. К.О. Сантросян. Ереван: [б. и.], 1973. С. 21–25.

2. Баданина Л.П. Анализ современных подходов к организации психолого-педагогического сопровождения студентов на этапе адаптации к вузу // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 83. С. 99–108.
3. Борисова А.В. Студенческое кураторство как эффективная форма психолого-педагогического сопровождения студентов первого курса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 5-1. С. 33–36.
4. Бочаров В.В. Антропология возраста. Научное исследование. СПб.: СПбГУ, 2001. 196 с.
5. Бутакова Д.А. Активные стратегии социальной адаптации. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 160 с.
6. Варламова А.Я. Школьная адаптация подростков. Волгоград: ВолГУ, 2001. 144 с.
7. Волкова Н. Первичная адаптация персонала к организационной культуре: монография. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 196 с.
8. Гапонова С.А. Особенности адаптации студентов вузов в процессе обучения // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 3. С. 131–135.
9. Елгина Л.С. Социальная адаптация студентов в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2010. № 5. С. 16–166.
10. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. М.: Академия, 2013. 416 с.
11. Клевина М.Н. Психолого-педагогическое сопровождение как фактор профессионально-личностного развития студентов младших курсов педвуза // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. № 4 (18). С. 110–115.
12. Кон И.С. Психология юношеского возраста. Проблемы формирования личности. М.: Просвещение, 1976. 175 с.
13. Кондрашов В.П. Введение дошкольников в мир профессий: учебно-методическое пособие. Балашов: Николаев, 2004. 52 с.
14. Коробейников И.А. Нарушения развития и социальная адаптация: монография. М.: ПЕРСЭ, 2012. 192 с.

Об авторе:

ФИЛИППЧЕНКОВА Светлана Игоревна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 1852–8794; e-mail: sfilippchenkova@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 622.331

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА РАЗВИТИЯ ТОРФЯНОЙ ОТРАСЛИ

Т.Б. Яконовская

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Яконовская Т.Б., 2022

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме промышленно-экономического развития торфяной отрасли РФ. Ввиду широкой распространенности торфяных ресурсов значимость отрасли в экономике приобретает региональный характер. Цель исследования – оценка стадий жизненного цикла торфяной отрасли РФ с момента ее становления до настоящего времени. Понятие жизненного цикла рассмотрено в связи со стратегией развития отрасли. Приводится классификация отраслей топливно-энергетического комплекса по типу кривой жизненного цикла. Научная новизна заключается в анализе стадий жизненного цикла торфяной отрасли и доказательстве необходимости использования в оценке ее жизненного цикла такого дополнительного показателя, как количество предприятий. Определены проблемы, возникающие в процессе оценки кривой жизненного цикла торфяной отрасли, построенной с использованием показателя «объем добычи торфа». Метод исследования – инструментальный ретроспективного анализа.*

***Ключевые слова:** отрасль, торф, жизненный цикл, стадии, объем добычи, количество предприятий, ретроспективный анализ.*

Современным трендом в доктрине «Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2035 года» является разработка стратегий развития отраслей национального хозяйства. Главной отраслью российской экономики, доходы которой формируют более 50% государственного бюджета, справедливо считается добыча топливно-энергетических ресурсов. Как известно, структуру этой отрасли составляют предприятия по добыче газа, нефти, угля, горючих сланцев и торфа. Причем первые три вида топливно-энергетических ресурсов (газ, нефть, уголь) носят экспортный характер, а добывающие их предприятия представлены на российской и мировой фондовых биржах в категории «голубые фишки». При этом горючие сланцы и торф представляют собой ресурсы, не относящиеся к категории стратегических, и применяются в основном в качестве местных, региональных, резервных видов топлива.

Что касается экспортной ориентации торфяной отрасли, то можно уверенно говорить, что продукция из торфа сельскохозяйственного назначения входит во вторую группу экспортных товаров – «удобрения», приносящих до 40% доходов в бюджет Российской Федерации. Основными потребителями российских удобрений были европейские страны, но за последние пять лет наблюдается устойчивый рост объемов поставок удобрений в страны Азии и Латинской Америки.

Однако в стратегических документах РФ экономической направленности о трендах развития торфяной отрасли практически ничего не сказано, а торфяные

ресурсы относятся к группе биоэнергетических. Таким образом, в экономической и энергетической доктринах РФ предлагается рассматривать малую, местную, альтернативную биоэнергетику в качестве одного из направлений дальнейшего развития торфяной отрасли. Анализ нормативно-правовых материалов и официальных государственных стратегических документов РФ [1–3] позволяет сделать вывод о том, что стратегия развития торфодобывающей отрасли в РФ отсутствует, так как отрасль не имеет стратегически важного значения. В документе «Методические рекомендации по подготовке стратегий развития отраслей экономики» указано также, что разработка стратегии развития отрасли национальной экономики или региональной экономики осуществляется при соблюдении хотя бы одного из перечисленных ниже условий:

1. Доходы федерального бюджета от рассматриваемой отрасли достигают или составят в перспективе более 1 % общего объема доходов.
2. Вклад отрасли в ВВП в перспективе составит более 1 %.
3. Отрасль обеспечивает решение задач технологического развития.
4. Отрасль обеспечивает выпуск продукции, направленной на поддержание безопасности и обороноспособности России.
5. Отрасль в процессе изменений макроэкономической ситуаций приобрела межотраслевой характер, а показатели этой отрасли оказывают существенное влияние на развитие смежных отраслей экономики.

Стратегия отраслевого развития представляет собой совокупность общих усилий государства и представителей бизнеса по созданию принципиально новых товаров и услуг. В связи с этим под отраслью экономики понимают совокупность предприятий, отличающихся общностью выпускаемых товаров и услуг.

Как правило, разработка стратегии развития отрасли начинается с этапа анализа текущего состояния отрасли. При этом используются различные методы социально-экономического, финансового, налогового, конкурентного и межхозяйственного анализа основных предприятий – лидеров отрасли (5–7 фирм). Для оценки структурных изменений и сдвигов в отрасли, а также для определения ограничений и проблем отраслевого развития временной интервал анализа составляет 5–10 лет. Такой временной диапазон может соответствовать только одной стадии жизненного цикла отрасли.

Однако по причине небольшого охвата предприятий и узкого временного диапазона полученные данные нельзя масштабировать на всю отрасль. Кроме того, экономические и финансовые результаты оценки текущего состояния отрасли изменяются в зависимости от стадии ее жизненного цикла. Таким образом, автор предлагает дополнить этап «Анализ текущего состояния отрасли» оценкой стадий жизненного цикла отрасли с использованием долгосрочного ретроспективного анализа.

В зависимости от области использования термин «ретроспективный анализ» трактуется по-разному [4, 5]:

как способ получения сведений о текущем состоянии территории и анализа динамики ее изменения и развития за определенный период (при проведении региональных социально-экономических исследований, а также в сфере землепользования, картографии, ботаники, экологии и т.д.);

как жанр шахматной диспозиции, в которой для выполнения следующего хода необходимо оценить предыдущие;

как анализ истории вопроса в научных исследованиях;

как анализ экономических данных, учитывающий изменения во времени начиная от текущего момента к какому-либо прошедшему периоду (в теории развития экономических систем, стратегическом планировании и проектировании) и т.д.

Предметом ретроспективного анализа может быть как хозяйственная, социально-экономическая и финансовая деятельность организации, так и жизненный

цикл отрасли и его стадии, характеризующие отраслевое индустриальное развитие. Как правило, алгоритм проведения ретроспективного анализа включает в себя:

- 1) постановку цели;
- 2) подбор необходимых исходных производственных и экономических данных;
- 3) анализ выбранных исходных производственных и экономических данных с их последующей структуризацией и систематизацией;
- 4) интерпретацию полученных аналитических данных;
- 5) подготовку выводов и рекомендаций на основании результатов проведенного ретроспективного анализа.

Временные интервалы проведения ретроспективного анализа могут различаться в зависимости от целей исследования:

месяц, квартал, год (текущий периодический анализ, основанный на бухгалтерской и статистической отчетности и позволяющий оценить работу объединений, предприятий и их подразделений);

5–10 лет (среднесрочный анализ, который проводится для разработки стратегии развития отрасли);

свыше 10 лет (долгосрочный анализ для оценки жизненного цикла и стадий индустриального развития отрасли).

Ретроспективный анализ – это инструмент, позволяющий исследовать жизненный цикл отрасли; последний, в свою очередь, представляет собой временной интервал, в течение которого отрасль проходит четыре стадии развития: зарождение, рост, зрелость и упадок. Согласно традиционной теории развития экономической системы, в качестве экономического показателя, характеризующего жизненный цикл любой отрасли, чаще всего используется годовой совокупный объем выпуска готовой продукции всеми предприятиями отрасли, выраженный в натуральных единицах измерения (рис. 1). Проследить все стадии жизненного цикла можно на примере торфодобывающей отрасли горной промышленности РФ (рис. 2).

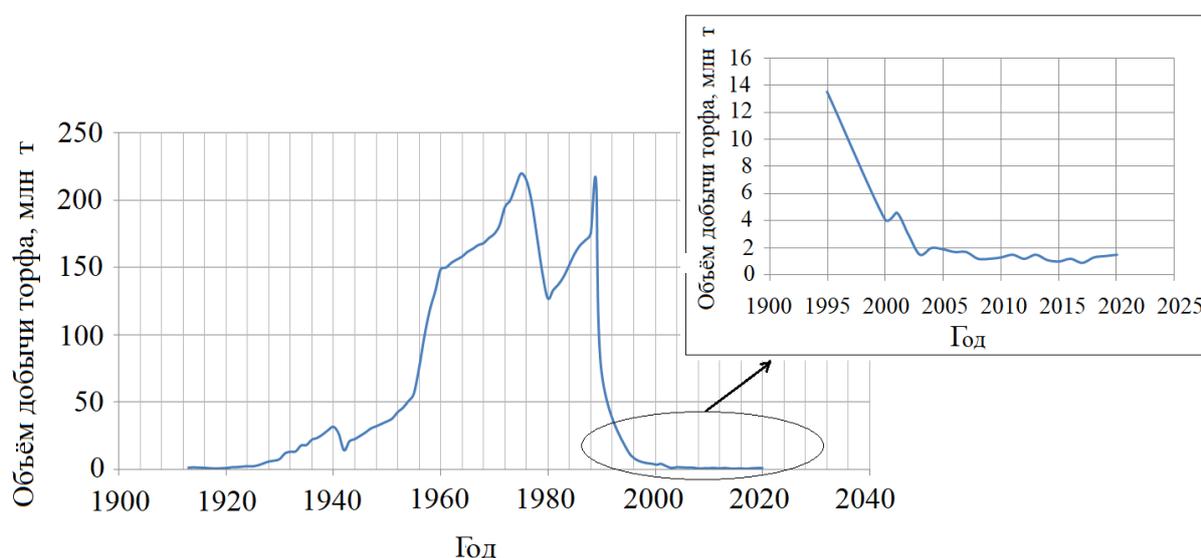

Рис. 1. Динамический тренд развития торфодобывающей отрасли в России [6, 7]

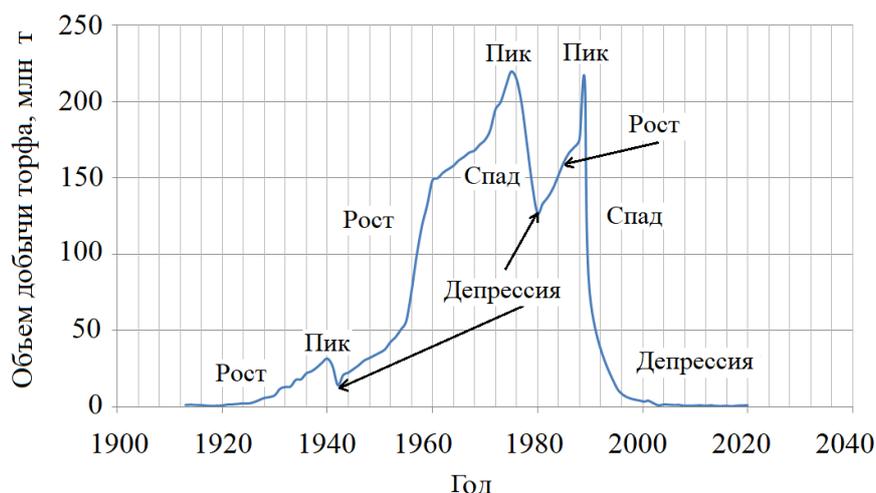

Рис. 2. Стадии жизненного цикла торфяной отрасли

Динамика ежегодных объемов добычи торфа в России, представленная на рис. 1, отражает общую картину развития торфодобывающей отрасли, а именно темпы роста и сокращения производства в период с 1913 по 2020 гг. До середины 1970-х гг. происходило индустриальное развитие отрасли с использованием различных способов и технологий добычи торфа. С 1960г. темпы прироста промышленного производства в торфяной отрасли начинают снижаться, а рост добычи торфа замедляется. В период с 1975 по 1982гг. наблюдается резкое уменьшение объемов добычи торфа, однако уже в 1983 г. началась реализация новой экономической реформы в СССР и темпы добычи торфа постепенно увеличиваются вплоть до 1990г. В целом за сто лет существования отрасли в России она прошла три цикла промышленно-экономического развития.

Примечательно, что до 1940-х гг. появились первые торфяные научно-исследовательские организации, основными задачами которых являлись разработка и внедрение новых способов добычи торфа, механизация производственных процессов на торфяных предприятиях. В это время в стране стали строиться первые тепловые станции, работающие на торфе, вследствие чего к 1940г. объемы его добычи увеличились по сравнению с 1913г. в 19раз, достигнув первого промышленно-экономического пика в 32млнт.

Первый кризис в жизненном цикле торфяной отрасли пришелся на период Великой Отечественной войны(1941–1945 гг.), когда ощущалась острая нехватка кадров [8, 9].

В послевоенный период, вплоть до 1975 г., отрасль проходила стадию роста. Это обусловлено этапом восстановления народного хозяйства страны и резким увеличением потребности в торфе как в топливно-энергетическом комплексе, так и в сельском хозяйстве. Здесь следует отметить, что стадия роста в торфяной отрасли включала в себя два этапа:

1. Усиленный, стабильный, линейный рост, связанный с увеличением промышленного производства торфа за счет внедрения новых технологий и оборудования. Данный этап характеризуется повышением интеграции торфяной отрасли с сельским хозяйством.

2. Замедленный рост, связанный с проведением хозяйственной реформы в промышленности СССР посредством совершенствования хозрасчета, системы ценообразования, внедрения отраслевого принципа управления. В результате торфяная

отрасль стала развиваться преимущественно по экстенсивному типу, снизились темпы внедрения новых технологий, сократилось финансирование отрасли.

Второй пик в экономическом цикле развития торфяной отрасли приходится на 1973 г., когда было добыто 220 млн т торфа. Это самое большое значение объема производства за сто лет развития отрасли. Однако разразившийся в мире первый энергетический кризис 1970–1973 гг. сказался и на торфяной отрасли, и с 1974 г. начался неуклонный спад производства. В 1983 г. наступила очередная стадия (депрессии). При этом отличительной особенностью депрессии в 1945 и 1983 гг. являлся ее кратковременный характер (1–2 года). Толчком к росту промышленного производства торфа стало выполнение очередного партийного задания, полученного на последнем съезде коммунистической партии. В целом советский период существования торфяной отрасли характеризуется ее активным развитием, функционированием Министерства торфяной промышленности, повышенным интересом к отрасли со стороны правительства.

Со сменой экономической системы в России в 1991 г. в торфодобывающей отрасли началась стадия спада», продлившаяся 10 лет. Ввиду потери конкурентных преимуществ перед другими отраслями топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и отраслями, производящими минеральные удобрения, производство торфа с 2000 г. вступило в стадию затяжной депрессии, стагнации, в которой отрасль и пребывает до сегодняшнего дня.

Интерес представляет то, что кривые жизненного цикла, построенные по показателю «объем производства, объем добычи» для отраслей ТЭК горнодобывающего сектора национального хозяйства России, имеют одинаковый вид (рис.3). Причины смены стадий жизненного цикла отраслей топливно-энергетического комплекса также одинаковы, но при этом тренд развития жизненного цикла отраслей ТЭК после 2000г. различен [10–15].

По виду кривой жизненного цикла можно охарактеризовать тип отрасли и определить стратегии развития для предприятий, соответствующие конкретной стадии цикла:

1. «Растущая, развивающаяся» отрасль – характеризуется ростом объема продаж и скоростью внедрения инноваций. Эта отрасль либо формируется заново, либо претерпевает структурные изменения под воздействием различных факторов, создавая потенциальные возможности для развития бизнеса.

2. «Зрелая» отрасль – отличается замедлением темпов ее роста и повышением степени насыщения отраслевого рынка.

3. «Фрагментарная» отрасль – характеризуется низким уровнем концентрации предприятий. Главной отличительной чертой раздробленных отраслей является отсутствие лидеров, доминирующих на рынке и признанных покупателями.

4. «Кризисная, угасающая» отрасль – как правило, находится в предпоследней стадии жизненного цикла и характеризуется устойчивым абсолютным сокращением объема продаваемой продукции в течение длительного интервала времени.

5. «Стагнирующая, депрессивная» отрасль – характеризуется стабильно низким уровнем производства и сокращением числа предприятий. При этом в одних регионах производство продукта полностью прекращено, в других он еще производится, но количество предприятий стабильно снижается.

6. «Смерть» отрасли – характеризуется резким прекращением производства всеми предприятиями отрасли в стране или переходом на другой вид деятельности. Так, например, «зрелыми» отраслями можно назвать нефтяную и угольную. Для

них правительством систематически разрабатываются стратегии промышленно-экономического развития и методы финансовой поддержки, чтобы предотвратить наступление стадии угасания. В число «стагнирующих, депрессивных» отраслей входит торфяная промышленность, а сланцевую отрасль можно назвать «умершей», так как, по данным официальной статистики 2010 г., добыча горючих сланцев в РФ прекращена и в настоящее время возобновилась.

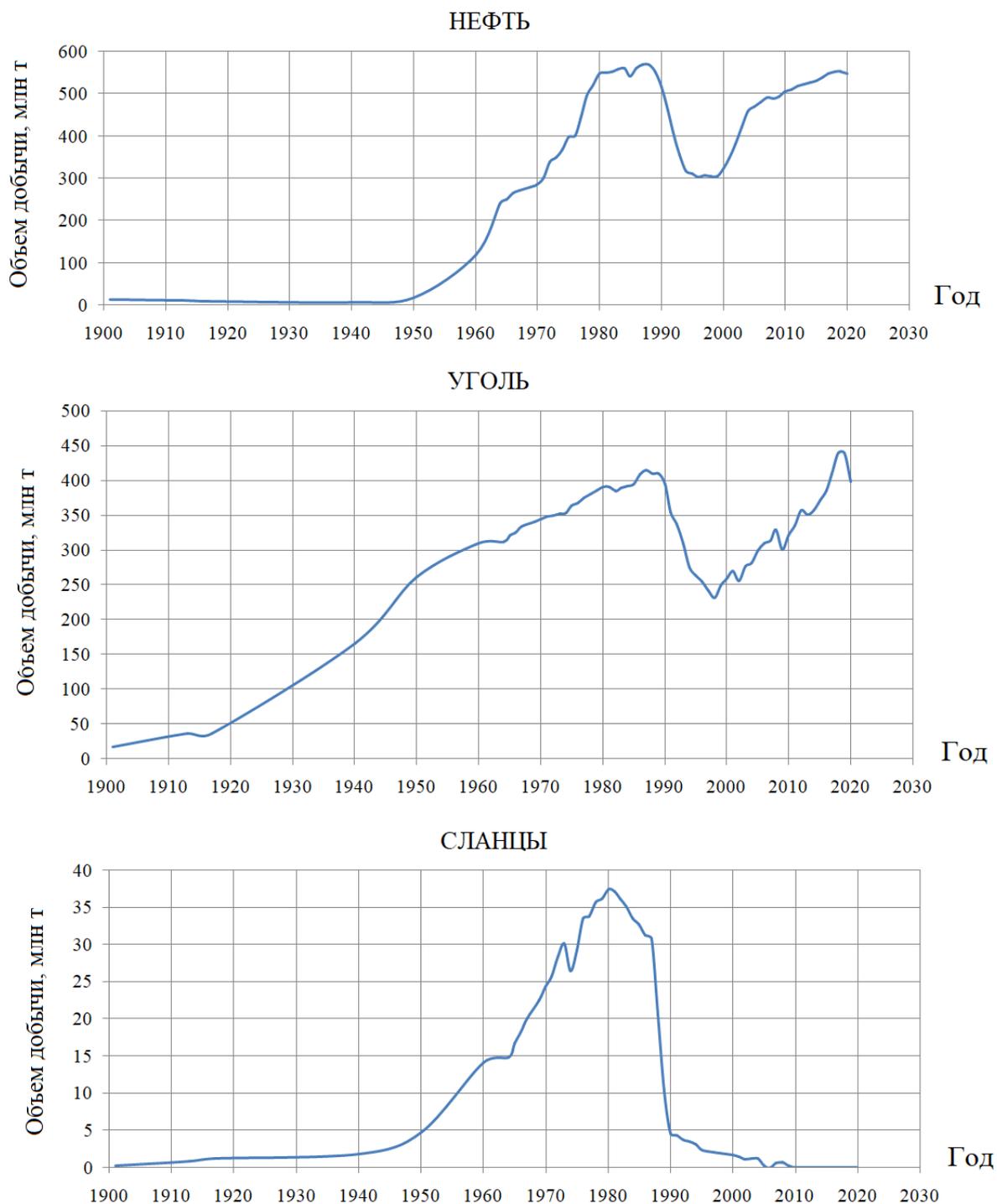

Рис. 3. Жизненный цикл отраслей ТЭК в России [10–12]

Для перерабатывающих отраслей целесообразно построение жизненного цикла отрасли по показателю «объем производства», так как он условно стабилен и зависит только от рыночной конъюнктуры. В горнодобывающей промышленности на данный показатель сильное влияние оказывают погодные условия сезона добычи (особенно для производств, добывающих полезные ископаемые открытым способом), ввиду чего значение объема добычи может варьироваться в широком диапазоне (так, например, сезоны добычи 2017–2020 гг. характеризовались как неблагоприятные для торфяной отрасли).

Неблагоприятный сезон добычи торфа характеризуется низкой среднемесячной температурой окружающей среды, большим количеством и интенсивностью осадков, высокой скоростью ветра. Поэтому с 2017–2020 гг. объем добычи торфа резко уменьшился во всех регионах РФ (при одинаковых экономических условиях). В этой связи автор предлагает дополнительно использовать в оценке жизненного цикла отрасли такой показатель, как количество предприятий (рис. 4).

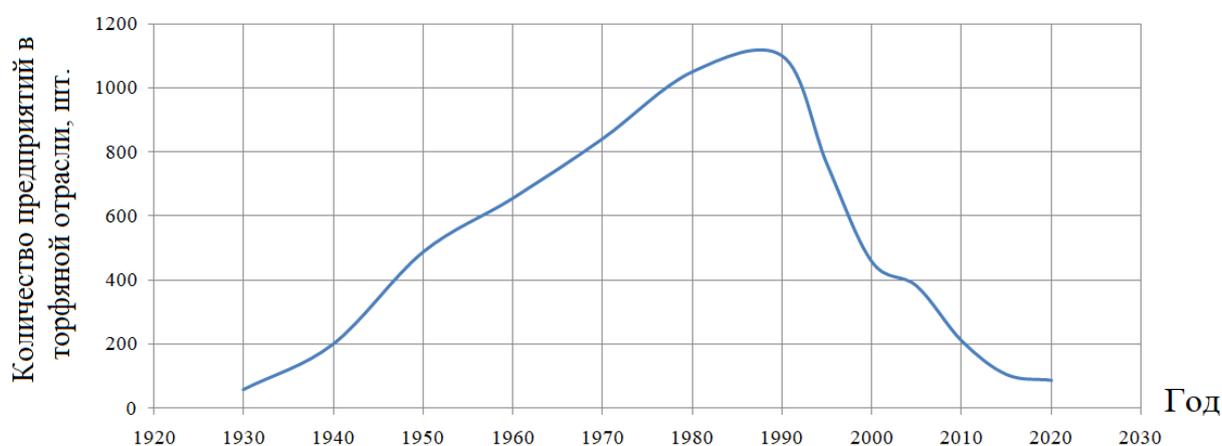

Рис. 4. Динамика численности предприятий торфяной отрасли РФ [2, 3]

Показатель «число предприятий» отражает инвестиционную активность в торфяной отрасли. Так, если инвестиционный климат в отрасли благоприятный, действуют стратегические программы развития и поддержки предприятий отрасли, существуют льготы по налогообложению, то число предприятий ежегодно увеличивается, что наблюдалось в период с 1930 по 1990 гг., когда к отрасли проявлялся повышенный интерес со стороны государства. Как только государственная поддержка отрасли прекратилась и в стране стало действовать нефтегазовое лобби, численность предприятий по разработке торфа начала резко снижаться и к 2020 г. оказалась на уровне 1930-х гг.

Понятие «жизненный цикл отрасли» можно использовать при планировании региональных стратегических программ. Построение жизненного цикла торфяной отрасли на примере Тверской области представлено на рис. 5.

Такой показатель, как «объем добычи, объем производства», может вносить искажения в кривую жизненного цикла отрасли. Классический вид кривой жизненного цикла торфяной отрасли в Тверском регионе за период с 2005 по 2020 гг., представленный на рис. 5, показывает, что пик добычи торфа пришелся на 2008–2010 гг., что связано с благоприятными погодными условиями (низким количеством осадков и высокой среднемесячной температурой). Резкий скачок стадии роста в жизненном

цикле торфяной отрасли региона в 2011–2013 гг. вызван экономическим экспериментом по развитию в регионе биоэнергетического торфяного кластера. Как видно из графика, с окончанием экономического эксперимента наблюдается резкое падение объемов добычи торфа в Тверском регионе. К 2015 г. отрасль перестала существовать как обособленная и вступила в стадию «смерти». Однако эта стадия хотя и показывает отсутствие процессов добычи торфа, но также означает, что торфопредприятия могли изменить основной вид деятельности, который указывается при регистрации предприятия (например, с «добыча торфа» на «растениеводство», а торф при этом добывается для собственных нужд, т.е. для производства грунтов). Таким образом, торфопредприятия могут перейти в разряд микропредприятий, а из-за изменения основного вида деятельности эти производства начинают относить к сфере агропромышленного комплекса.

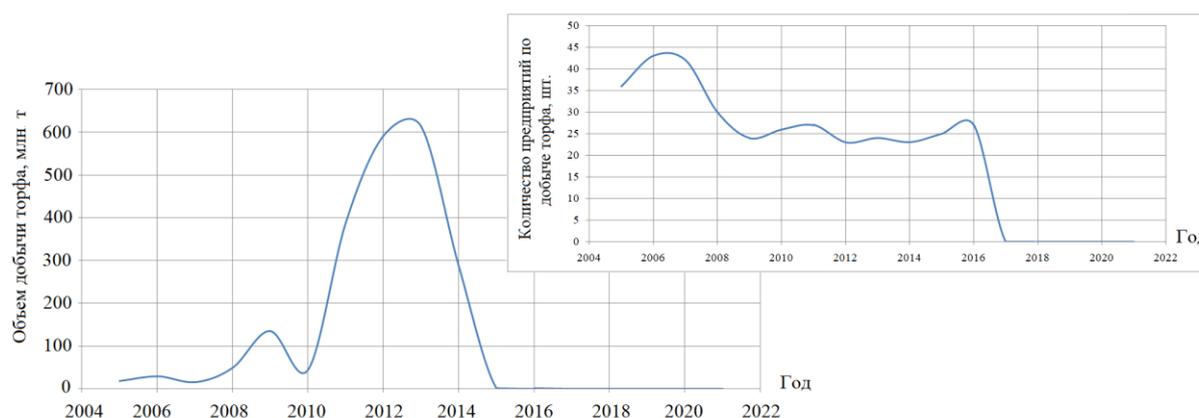

Рис. 5. Жизненный цикл и количество предприятий торфяной отрасли в Тверском регионе

Изменение количества предприятий по добыче торфа в Тверском регионе с 2005 г. по настоящее время показывает, что до 2016 г. отрасль находилась в стадии стагнации, после чего перешла в стадию «смерти».

Библиографический список

1. Яконовская Т.Б., Жигульская А.И., Зюзин Б.Ф. Вопросы инвестиционной привлекательности торфяной отрасли // Современное состояние экономических систем: экономика и управление: сборник научных трудов Международной научной конференции, Тверь, 4–5 декабря 2018 года / под общ.ред. Д.В. Розова, Г.Г. Скворцовой. Тверь: СКФ-офис, 2018. С. 139–142.
2. Яконовская Т.Б., Жигульская А.И., Жигульский М.А. Анализ инвестиционно-инновационной активности в торфяной отрасли // Современное состояние экономических систем: экономика и управление: сборник научных трудов Международной научной конференции, Тверь, 4–5 декабря 2018 года / под общ.ред. Д.В. Розова, Г.Г. Скворцовой. Тверь: СКФ-офис, 2018. С. 148–153.
3. Яконовская Т.Б., Жигульская А.И. Особенности оценки экономической безопасности предприятий торфодобывающей отрасли Тверского региона России (обзор отрасли) // Горные науки и технологии. 2021. Т.6. № 1. С. 5–15.
4. Мачнев А.В. Методика ретроспективного анализа – элементарный инструмент предварительного обоснования сложных систем // Инновационная наука. 2021. №12–2. С. 41–44.

5. Исаченко Т.С. Ретроспективный анализ понятия «эффективность» в экономике и менеджменте // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2010. №1. С. 43–47.
6. Марков В.И. Периоды развития торфяной промышленности России // Труды Инсторфа. 2012. № 6(59). С. 10–21.
7. Росторф: российское торфяное и биоэнергетическое общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rostorf.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).
9. Tsvetkov P.S. The history, present status and future prospects of the Russian fuel peat industry // Mires and Peat. 2017. Vol. 19. P. 14.
10. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала (жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2012. 39 с.
11. Воейков Е.В. Рождение новой отрасли топливной промышленности России. Начало добычи горючих сланцев в Поволжье в 1919–1921 гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. №27. С. 540–543.
12. Манылова М.В. Оценка социально-экономической эффективности создания горнопромышленного комплекса по добыче и переработке сланцев: автореф. дис. ... канд.экон. наук. СПб., 2005. 23 с.
13. Мечик С.В. Стратегии развития субъекта предпринимательства на различных стадиях жизненного цикла отрасли // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2016. №9–2(24). С. 120–122.
14. Новицкая А.В. Стратегические альтернативы развития организации с учетом стадии жизненного цикла рынка и отрасли // Вестник университета. 2012. № 11. С. 126–131.
15. Хайитов Х.О., Рогачева Ю.А. Жизненный цикл продукта и жизненный цикл отрасли // Экономика и социум. 2021. №4–2(83). С. 560–564.

Об авторе:

ЯКОНОВСКАЯ Татьяна Борисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления производством, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; e-mail: tby81@yandex.ru

УДК005.95: 316.42

ЭВОЛЮЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

М.В. Блохина, В.В. Сизова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Блохина М.В., Сизова В.В., 2022

Аннотация. В статье прослеживается эволюция понятия «управление человеческими ресурсами» на определенных этапах развития общества.

Рассматриваются трансформации функций управления человеческими ресурсами на фоне изменяющихся условий экономического и социального развития зарубежных стран.

Ключевые слова: управление персоналом, трансформация функций, управление человеческими ресурсами, зарубежный опыт.

Сегодня наблюдаются повышенный интерес к управлению человеческим потенциалом и стремление сделать человека продуктивным субъектом внутриорганизационного развития, так как эффективность функционирования организации во многом зависит от ее человеческих ресурсов. В данной статье исследуется трансформация понятий «управление персоналом» в «управление человеческими ресурсами» (далее УП и УЧР соответственно). Особый интерес представляет зарубежная литература, посвященная управлению человеческими ресурсами в странах Западной Европы и США.

Термин «управление человеческими ресурсами» стал широко использоваться в научной литературе и практической деятельности только в последние 10–15 лет, ранее применялся термин «управление персоналом». По мнению специалистов, изменение названия произошло из-за перемен в социальной и экономической жизни западного общества.

Хронология УП началась в конце XIX в. с появлением работников социальной сферы, именуемых секретарями социального обеспечения. Это были женщины и радели они только о женщинах и девочках. Важными факторами происходящих изменений стали суровые промышленные условия, расширение избирательного права, влияние тред-юнионов и рабочего движения наряду с кампанией, которая проводилась просвещенными работодателями под эгидой промышленного благоустройства [2].

К 1920-м гг. УП сформировалось как специфичная сфера деятельности, в основном охватывающая формальные вопросы найма, обучения, оценки и вознаграждения работников [7].

Перемены в сфере занятости были ускорены Первой мировой войной, когда рабочие места мужчин, ушедших на фронт, заняли женщины, что требовало достижения определенных соглашений с профсоюзами о временном использовании неквалифицированных рабочих (т.е. приеме необученных женщин на вакансии мастеров) и изменении уровня укомплектования штатов.

В Великобритании еще в 1878 г. был принят закон, ограничивающий длительность рабочего времени для детей и женщин путем установления 60-часовой трудовой недели [5]. В это время профсоюзы усиливали свое влияние по всей Европе. В 1868 г. состоялась первая конференция профсоюзов, которая заложила основу для проведения коллективных переговоров. Позже была создана Ассоциация социальных работников, преобразованная затем в профессиональную организацию «Институт персонала и развития» (CIPID), которая действует в настоящее время.

Первый отдел управления персоналом появился в США в начале 1900-х гг. После нескольких забастовок и локаутов сотрудников руководитель кассовой компании National Cash Register Джон Паттерсон создал отдел, который занимался разбором жалоб сотрудников, процессами найма и увольнения персонала. Здесь же рассматривались аспекты безопасности на рабочем месте, а кроме того, руководители проходили курсы обучения новым законодательным актам и производственным практикам [7].

В первой трети XX в. на большинстве крупных фабрик в обрабатывающей промышленности и ряде других производств были введены должности,

именуемые «начальник отдела кадров» или схожими названиями. В ведение этих специалистов обычно входили вопросы найма и увольнения, замещения вакансий, премирование персонала и т.п. Значительным влиянием пользовались федерации работодателей в концернах, занимающихся машино- и судостроением, где проводились переговоры с профсоюзами о ставках заработной платы. Эти переговоры велись на национальном уровне. Вместе с тем в зарождающейся системе социального партнерства имели место районные и местные различия, что создавало обширное поле для споров и разногласий.

В 30-х гг. XX в. произошел подъем экономики. Крупные корпорации, осваивающие новые отрасли, поняли несомненную выгоду от введения для работников льгот как инструмента привлечения и мотивации рабочей силы. Консорциумы же отраслей, давно присутствующих на рынке (горнодобывающие, текстильные и пр.), к тому моменту не испытывали проблем с наймом рабочей силы, поэтому, несмотря на убытки от мировой рецессии, не вводили новые практики найма.

Итогом второй войны в области работы с персоналом можно считать появление специалистов по социальной работе (прежде всего на предприятиях, производивших военную продукцию). В 1945 г. профессионалов, занятых в этой области, стало принято обозначать единым понятием – управление персоналом. Опыт организаций, обеспечивающих материально-технически боевые действия, наглядно продемонстрировал, что отлаженная политика занятости имеет серьезное влияние на повышение эффективности производства. Роль специалистов в управлении персоналом в этот период в основном сводилась к требованиям соблюдения четко прописанных правил, потому что от них зависела непрерывность работы крупных государственных предприятий. Следовательно, образ профессии кадрового работника был большей частью бюрократическим. Руководители государств стали рассматривать отрасль управления персоналом как обязательную составляющую повышения эффективности производства. Подтверждение данного факта – цифры, свидетельствующие о росте числа профессиональных кадровиков. В Великобритании, к примеру, к концу Второй мировой войны их численность доходила до 5 300 человек [4].

В странах Западной Европы в 60-х гг. XX в. сфера управления персоналом значительно окрепла и развилась. Кадровые методики, созданные на основе теорий социальных и психологических наук о мотивации и человеческом поведении внутри организаций, стали активно использовать для тестирования и отбора работников, в то время как управленческие кадры начали проходить профессиональную подготовку на регулярной основе. В 1970-е гг. спектр кадровой работы начал расширяться (например, вознаграждение и обеспечение ресурсами рассматривались уже как отдельные направления).

К середине 80-х гг. XX в. появился термин «управление человеческими ресурсами». Понятие «человеческие ресурсы» пришло из США и подразумевало, что работники являются активом предприятия, но их деятельность должна быть мотивированна и порождать удовлетворение исполнением своих обязанностей на рабочем месте [6]. К началу 90-х гг. в результате действия таких макрофакторов, как рационализация и распространение новых технологий, глобализация и расширение экономических свобод хозяйствующих субъектов началось заметное нарастание конкурентного бизнес-давления в негосударственных организациях. Это привело к необходимости планирования и прогнозирования изменений в условиях внешней среды (характера и уровня рынка) со стороны компаний и координации работы с персоналом внутри организации. Таким образом, функции управления персоналом расширились и

стали включать большее количество новых аспектов: изменение численности населения, противодействие изменениям, потребительский спрос, интеграция государства в бизнес, конкуренцию и т.д.

Западные исследователи М. Марчингтон и А. Уилкинсон в 2000-е гг. кратко определяли главную черту УЧР как управление занятостью [6]. Дж. Бердвелл и Т. Клейдон различают его «мягкую» и «жесткую» версии. «Мягкое управление» человеческими ресурсами признает сотрудников ресурсом, в который стоит инвестировать, и имеет тенденцию сосредотачиваться на практике высокой приверженности или значительной вовлеченности человеческих ресурсов в деятельность организации. «Жесткое управление» идентифицирует сотрудников как затраты, которые необходимо минимизировать, и делает акцент на гибком менеджменте и ограниченных инвестициях в обучение и развитие [1, с. 5].

В 2014 г. при разработке карты профессий всемирно известная крупнейшая организация «Институт персонала и развития» выделила 10 профессиональных областей в деятельности по УЧР [3]. В соответствии с данной моделью две из профессиональных областей, а именно «Знания, анализ, стратегия и решения» и «Руководство отделом УЧР», лежат в основе профессии и применимы ко всем УП-специалистам (независимо от роли, местоположения или этапа карьеры) (рисунок). Остальные 8 областей определяют действия и знания, необходимые для оказания специализированной поддержки УЧР.

Профессиональные области в УЧР

Сегодня УЧР состоит из практик, которые помогают организации результативно осуществлять взаимодействие и коммуникацию со своими работниками на различных этапах трудового цикла. Управление человеческими ресурсами начинается с того момента, когда человек получает информацию о компании и возможности в ней трудоустроиться, затем реализуется в процессах отбора, найма и адаптации к работе и продолжается вплоть до прекращения взаимодействия работника с данной организацией. Сегодняшняя деятельность отдела по УЧР включает в себя целый ряд

известных специализированных практических направлений: вознаграждение (включая компенсацию, льготы и пенсии); ресурсы; наем, обучение, развитие и оценку трудовых ресурсов; безопасность; благополучие; управление производительностью труда; мотивацию сотрудников; организационное прогнозирование и планирование и т.д. Отличительной чертой современного УЧР является наличие стратегии управления персоналом, которое должно быть связано с видением, миссией и целями компании. Ранее специалисты не связывали разрозненные практики с общей эффективностью организации и не анализировали систематические отношения между такими практиками, т.е. в этой области отсутствовала объединяющая функция.

Анализ зарубежных публикаций показывает, что функции УЧР в коммерческих организациях очень гибкие и зависят от особенностей исторического периода. Опыт западных стран свидетельствует о периодической смене приоритетов, расширении и дифференциации направлений кадровой деятельности. В значительной степени это стало результатом воздействия внешних социально-экономических факторов, находящихся вне непосредственного контроля специалистов по персоналу.

Библиографический список

1. Бердуэлл Дж., Клейдон Т. Управление человеческими ресурсами: современный подход. Харлоу: FT/PrenticeHall, 2007. 694 с.
2. CIPD: Thewelfaremovement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cipd.co.uk/about/who-we-are/history> (дата обращения: 07.05.2022).
3. CIPD: ProfessionMap. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cipd.co.uk/cipd-hr-profession/cipd-hr-profession-map/default.html> (дата обращения: 11.05.2022).
4. CIPD: Recruitment: anintroduction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cipd.co.uk/knowledge/fundamentals/people/recruitment/factsheet> (дата обращения: 11.05.2022).
5. Education in England. History.Docs.Articles.1833 FactoriesAct[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/1833-factories-act.html> (дата обращения: 27.05.2022).
6. Marchington M., Wilkinson A. Human resource management at work: People management and development. London: Chartered Institute of Personnel and Development, 2008. 622 p.
7. The Historical Background of Human Resource Management [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.whatishumanresource.com/the-historical-background-of-human-resource-management> (дата обращения: 27.05.2022).

Об авторах:

БЛОХИНА Марина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 8156–3243; e-mail: bmvtstu@mail.ru

СИЗОВА Виктория Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; SPIN-код: 3455–8242; e-mail: vicas2005@yandex.ru

Правила представления статей для публикации в журнале

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать результаты исследований, ранее не публиковавшиеся. Объем статьи – от 5 до 8 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь полный библиографический список. Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек. Публикация более двух статей одного автора (в том числе и в соавторстве) в одном номере не осуществляется.

Не допускается дословное цитирование без кавычек как чужих, так и своих источников; допускается использование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это необходимо для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна *содержать новые научные результаты* и (о чем также было сказано выше) *соответствовать тематике журнала*.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные необходимы для помещения статьи в российскую электронную научную библиотеку и включают тематический рубрикатор – УДК; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (ФИО полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты для каждого автора, SPIN-код), библиографический список по ГОСТ 7.1-84 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

Аннотация представляет собой обобщенное описание основного текста. В аннотации обозначаются затронутые в публикации проблемы, вопросы, темы. При этом само содержание не раскрывается. Правильно составленная аннотация будет отвечать на вопрос «о чем говорится в тексте?».

Аннотация должна отражать цель исследования, основное содержание и новизну статьи в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению, а также полученные результаты.

Рекомендуемый средний объем аннотации – 500–600 печатных знаков, или 150–200 слов (ГОСТ 7.0.99–2018). Обычно это 5–6 предложений.

Фразы, рекомендуемые для написания аннотации к научной статье:

В статье рассматривается проблема...

Обосновывается идея о том, что...

В статье затрагивается тема...

Дается сравнение...

Статья посвящена комплексному исследованию...

Целью статьи является анализ изучения...

Статья посвящена феномену...и т.п.

Пример аннотации:

Цель исследования – определить круг жанров малой прозы, к которым обращался М.Н. Альбов на раннем этапе. В статье рассмотрены жанры малой прозы:

очерк, эскиз, фрагмент, записки, рассказ – в том варианте, как они представлены преимущественно в раннем творчестве писателя. Показано, что тенденция к жанровому синтезу проявилась не только в крупных жанрах, в творчестве классиков XIX века, но и в малой прозе писателей так называемого «второго ряда», к которым относят и М.Н. Альбова. Научная новизна работы заключается в подходе к изучению произведений малой прозы М.Н. Альбова с точки зрения ее жанрового своеобразия, выявлена оригинальная черта писателя – наличие жанровых подзаголовков. В результате в малой прозе М.Н. Альбова выявлен синтез жанров психологического рассказа и физиологического очерка.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить лицензионный договор с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ (в разделе «Вестник ТвГТУ»). Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты vestnik-tstu@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора MicrosoftWord.

Файл с названием ФИОавтора.doc (указывается фамилия первого автора) содержит текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4; ориентация книжная; поля – все по 25 мм; переплет – 0 см; отступ на колонтитулы – 1,25 см.

Параметры форматирования текста: шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12 пт; абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами); выравнивание – по ширине; межстрочный интервал – одинарный; заголовок – полужирным шрифтом с выравниванием по тексту прописными буквами; перед заголовком статьи – УДК без отступа, далее пропуск одной строки, заголовок, затем пропуск одной строки, далее инициалы и фамилии авторов – шрифт полужирный курсив; между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится, далее пропуск одной строки, затем текст, после текста – пропуск строки и библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **MicrosoftEquation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования: единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются; должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий); между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч), а также при использовании числительных, выраженных цифрами (2021 год, XX в., ст. 10, гл. 1, ч. 3, п. 4), должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел); для расстановки переносов использовать команду автоматического переноса; ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны; ссылки на библиографические источники даются в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце подрисуночной подписи не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Все рукописи печатаются бесплатно.

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ»

**Состав редакционной коллегии журнала
«Вестник Тверского государственного технического университета.
Серия “Науки об обществе и гуманитарные науки”»**

Главный редактор – **Филиппченкова Светлана Игоревна**, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет» (г. Тверь).

Заместитель главного редактора – **Вякина Ирина Владимировна**, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и управления производством, профессор кафедры информационных систем, ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет» (г. Тверь).

Ответственный секретарь – **Балакшина Елена Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет» (г. Тверь).

Члены редакционной коллегии

Направление «Экономические науки»

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, декан инженерно-строительного факультета, проректор по научной и инновационной деятельности, ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», (г. Тверь).

Александров Геннадий Аркадьевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет» (г. Тверь).

Бойкова Анна Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет» (г. Тверь).

Дюжилова Ольга Михайловна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет» (г. Тверь).

Жиронкин Сергей Александрович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры открытых горных работ ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева» (г. Кемерово).

Разиньков Павел Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», (г. Тверь).

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет» (г. Тверь).

Аубакирова Гульнара Муслимовна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента предприятия, Карагандинский технический университет (г. Караганда, Республика Казахстан).

Бауэр Майра Шакибаевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина (г. Нур-Султан, Республика Казахстан).

Высоцкий Олег Арсентьевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и логистики, Брестский государственный технический университет (г. Брест, Республика Беларусь).

ЗдравкоШолак – доктор экономических наук, профессор (г. Нови-Сад, Сербия).

Манцерова Татьяна Феликсовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и организации энергетики, Белорусский национальный технический университет (г. Минск, Республика Беларусь).

Направление «Философия»

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и философии, проректор по развитию персонала, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»(г. Тверь).

Майкова Элеонора Юрьевна – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальных технологий, проректор по учебной работе, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Бакурадзе Андрей Бондович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)» (г. Москва).

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, ГБОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет (г. Москва).

Буланов Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»(г. Тверь).

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь).

Лукашевич Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).

Колчигин Сергей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, вице-президент Казахстанского общественного объединения «Философский Конгресс» (г. Алматы, Республика Казахстан).

Дрожжина Светлана Владимировна – доктор философских наук, профессор, ректор, заведующая кафедрой философии, ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» (Донецкая Народная Республика, г. Донецк).

Лугуценко Татьяна Валентиновна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и политологии, ГОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет (г. Луганск, Луганская Народная Республика).

Направление «Психологические науки»

Булгаков Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса Института психологии служебной деятельности, ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел имени В.Я. Кикотя» (г. Москва).

Леньков Сергей Леонидович – доктор психологических наук, профессор, главный аналитик отдела перспективных научных исследований, Российская академия образования (г. Москва).

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, старший научный сотрудник, главный научный сотрудник, Институт философии РАН (г. Москва).

Морозов Александр Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва).

Орлова Елена Александровна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета психологии ИОН, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Москва).

Рубцова Надежда Евгеньевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии и психологии труда факультета психологии и педагогики, АНО ВО «Российский новый университет» (г. Москва), главный специалист Управления координации научных исследований, Российская академия образования (г. Москва).

Сиротюк Алла Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь).

Федотов Сергей Николаевич – доктор психологических наук, профессор, начальник учебно-научного комплекса Института психологии служебной деятельности, ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (г. Москва).

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессоркафедры социальной психологии ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет» (г. Москва).

Казак Тамара Владимировна – доктор психологических наук России, доктор психологических наук Республики Беларусь, профессор, заведующая кафедрой инженерной психологии и эргономики, УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники» (г. Минск, Республика Беларусь).

Учредитель и издатель ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22, каб. 240.

Телефон редакции: (4822) 789528 (доб. 551).

Адрес электронной почты: vestnik_sgum@mail.ru

**ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 3 (30), 2022

Редактор М.Б. Юдина
Корректор Ю.А. Якушева

Редакционно-издательский центр
Тверского государственного технического университета
Адрес редакции: 170026, Тверь, наб. А. Никитина, д. 22